Кн. Мещерского
611
Лотошин

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. ОКТЯБРЬ. 1873 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ этой книгѣ приложены: а) «**Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся во всѣхъ четырехъ томахъ (29 частей) Записокъ А. Т. Болотова 1738—1795 гг.**»; б) фото-литографическій **снимокъ** съ двухъ страницъ подлинной рукописи Записокъ Болотова (томъ I, часть 1, стр. 330 и 331).

Подписка на „Русскую Старину“ изд. **1873** г. продолжается. Цѣна 8 р. съ пересылкой *(Осталось немного экземпляровъ)*.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. **1874** г., пятый годъ изданія. Цѣна 8 р. съ пересылкой и доставкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

X-я книга „Русской Старины“ напечатана къ 1-му октября.

Библiографическiй листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Изслѣдованiе Н. Скабалановича. Спб., 1873, м. 8°, 4 нен. V и 225 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Возникшая съ начала Брестскаго собора (1596 г.) полемика между унiатами и православными, положила начало обширной и богатой литературѣ, драгоцѣнные памятники которой, т. е., старопечатныя книги на языкахъ западно-русскомъ и польскомъ (XVI и XVII вѣка), хранятся въ витринахъ Императорской Публичной библiотеки, Московской, Виленской, въ Кiевѣ и другихъ мѣстахъ. Помимо своей главной, богословской стороны, памятники эти, содержащiе въ себѣ массу подлинныхъ документовъ, особенно важны въ отношенiи историческомъ, литературномъ и даже филологическомъ,—какъ образцы литературной западно-русской рѣчи и грамматики, какъ матерiалы для словаря и данныя для изученiя лексическаго состава, въ его отношенiяхъ къ рѣчи польской и съ его сѣверными (бѣлорусскими) и южными (малорусскими) видоизмѣненiями. Важность ученаго библiографическаго описанiя западно-русской полемической старопечати уже нѣсколько лѣтъ, какъ сознана нашею академiею наукъ: тема эта объявлена и, какъ слышно, разрабатывается А. Н. Поповымъ. Но и помимо академiи, и притомъ гораздо прежде, наши ученые оцѣнили важность западно-русской старопечати, и полнѣе изъ всѣхъ ихъ раскрылъ ея значенiе М. О. Кояловичъ въ первыхъ двухъ томахъ своей «Литовской церковной унiи». Изъ всей западно-русской старопечати особенно выдвигается «Апокрисисъ», недавно переведенный на русскiй языкъ и изданный (1869 г.) профессорами Кiевской духовной академiи, возбуждавшiй и возбуждающiй вопросы, доселѣ еще нерѣшенные, касающiеся—опредѣленiя личности загадочнаго автора, скрывшагося подъ псевдонимомъ Филалета, мѣста и го́да изданiя западно-русскаго перевода, сдѣланнаго съ польскаго оригинала, вышедшаго въ Вильнѣ въ 1597 году.

Вотъ этотъ-то любопытный памятникъ и послужилъ для изслѣдованiя г. Скабалановича. Болѣе осязательные результаты, добытые г. Скабалановичемъ, слѣдующiе: 1) въ православной западно-русской полемической литературѣ «Апокрисисъ»—первое, по времени, научно-систематическое опроверженiе римско-католическаго ученiя о главенствѣ папы; 2) «Апокрисисъ», въ богословской части своего содержанiя, обнаруживаетъ, наряду съ православными, протестантскiя мысли автора. Но особенно удачно опредѣлены крайнiе пункты времени выхода западно-русскаго перевода «Апокрисиса». Какъ извѣстно, сперва безпрекословно выставлялся 1597 годъ; теперь же, благодаря розысканiямъ г. Скабалановича, опредѣлились слѣдующiе крайнiе пункты: не ранѣе iюня 1598 и не позже апрѣля 1599 года. Что же касается опредѣленiя личности автора «Апокрисиса» и мѣста выхода западно-русскаго перевода,— изслѣдованiе г. Скабалановича, кромѣ легкой попытки, ничего новаго не представило. Впрочемъ, это и понятно: для окончательнаго рѣшенiя о мѣстѣ выхода, требуется филологическое разсмотрѣнiе западно-русской книжной рѣчи и изученiе ея сѣверныхъ (бѣлорусскихъ) и южныхъ (малорусскихъ) особенностей,—не говоря уже о ближайшемъ знакомствѣ съ западно-русскими типографiями, изъ которыхъ каждая представляетъ отличiя въ правописанiи, знакахъ препинанiя, кустодiяхъ, пагинацiи, бумагѣ съ ея водными знаками, и пр., и пр. Всѣми этими средствами, особенно филологическими, авторъ располагать не могъ, во-первыхъ, по отсутствiю языкознательной каѳедры въ нашихъ духовныхъ академiяхъ (г. Скабалановичъ—воспитанникъ Петербургской дух. акад.), а во-вторыхъ, что для всего этого нуженъ опытъ и занятiя не одного года. Конечно, этимъ трудомъ г. Скабалановичъ не ограничитъ своихъ занятiй по «Апокрисису»; судя по настоящему его труду, мы вправѣ отъ него ожидать обстоятельнаго, совмѣстнаго изданiя двухъ текстовъ «Апокрисиса»—польскаго (въ высшей степени рѣдкаго, неимѣющагося даже въ Имп. Пуб. библiотекѣ) и западно-русскаго, вмѣстѣ съ словаремъ; тѣмъ болѣе, что нѣкоторое начало для такого труда имъ положено, и даже получился выводъ, что западно-русскiй переводъ «Апокрисиса», сравнительно съ польскимъ оригиналомъ, заключаетъ множество видоизмѣненiй въ текстѣ.

Г. Скабалановичъ стоитъ восьмымъ по счоту изъ числа лицъ, вышедшихъ изъ ученой школы проф. М. О. Кояловича. Школа эта заслуживаетъ полнаго вниманiя, и потому мы позволяемъ себѣ сказать о ея личномъ составѣ, съ указанiемъ изслѣдованiй: Рущинскiй (О религiозномъ бытѣ Русскихъ по свѣдѣнiямъ иностр. писателей XVI и XVII в.; см. «Р. Ст.» 1872, апрѣль), Николаевскiй (Русская проповѣдь XVI в.), Демьяновичъ (Iезуиты въ Зап. Россiи въ 1569—1772 г.; см. «Р. Ст.» 1872, май), Крачковскiй (Внутрен. состоянiе унiатской церкви, см. «Р. Ст.» 1872, апрѣль), Щербицкiй (Исторiя базилiанскаго ордена), Еленевскiй (о Мелетiѣ Смотрицкомъ), Котовичъ (Исторiя христiанства въ сѣверо-западномъ краѣ до

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Аракчеевщина.

I [1]).

Назначеніе меня начальникомъ Старорусскаго военнаго поселенія. — Дибичъ. — Первое представленіе гр. Аракчееву.—Княжной.—Работы съ Аракчеевымъ. — Болѣзнь императора. — Осмотръ военно-поселеннаго гр. Аракчеева полка.—Комитетъ для составленія проэкта инструкціи.—Депутаты.—Бесѣда съ Аракчеевымъ о его значеніи и заслугахъ.—Зловѣщій сонъ и ссылка наяву.—Военно-сиротское отдѣленіе. — Аракчеевъ отправляетъ меня на аудіенцію къ государю.—Разговоръ императора со мной о военныхъ поселеніяхъ.

1824 г.

Чтобы дать идею о планѣ, для исполненія котораго избралъ меня Благословенный Александръ, я долженъ пройти ходъ общихъ государственныхъ предположеній. Государь, получивъ расположеніе къ умноженію военныхъ поселеній, рѣшительно предположилъ обратить весь Старорусскій уѣздъ (то-есть, всѣ казенныя вотчины онаго) подъ поселеніе остальныхъ 2-хъ гренадерскихъ дивизій — 2-й и 3-й съ ихъ артиллеріею, а Ярославскую губернію подъ поселеніе пѣхоты. Гр. Аракчееву предоставлено было обработать планъ сей. Но, сказать истину, онъ потерялъ надъ нимъ 5—6 лѣтъ даромъ: множество его предположеній, противорѣча одно другому, доказывали только простыя вычисленія, ни на чемъ неразсчитанныя и неимѣвшія хорошихъ по-

[1])«Исторія ген. Маевскаго», ч. I, см. въ «Русской Старинѣ» 1873 г. т. VII, стр. 125 и 253.

слѣдствій. Планы сіи можно видѣть въ актахъ. Но сравнивая предположенія его съ моими дѣйствіями, тотчасъ увидимъ, что это была игра случайныхъ разсчетовъ. Графъ, какъ самъ мнѣ говорилъ, сначала вовсе отказывался отъ этого поселенія; потомъ желалъ имѣть его въ меньшемъ видѣ, представляя: то затрудненія управлять такою обширною массою при буйствѣ тамошняго народа, то неимѣніе въ Россіи людей, которымъ бы можно было ввѣрить управленіе народонаселеніемъ до 60 т. людей. Но государь твердо держался своего плана, и Аракчееву оставалось слѣдовать только священной его волѣ.

Я знаю характеръ графа, и подозрѣваю его въ двухъ обстоятельствахъ: первое—графъ, бывши напуганъ неудачами собственнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи, страшился новыхъ непріятныхъ послѣдстій (бунта); второе—боялся имѣть соперникомъ подобнаго гр. Витту и раздѣлять съ нимъ свои лавры [1]). Онъ сначала ввелъ туда на постой до 50 баталіоновъ, «ожесточая поселянъ съ намѣреніемъ», какъ онъ говорилъ, «чтобы званіе поселянина было для него сноснѣе, чѣмъ званіе свободнаго крестьянина».

Утѣснительный этотъ способъ продолжался съ 1817 по 1824 г.

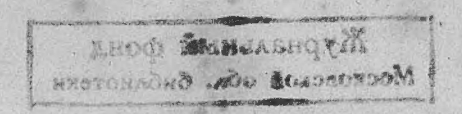
Должно думать, что государь, утомившись долговременнымъ отлагательствомъ пламенно желаемаго имъ исполненія, изъявилъ, наконецъ, твердую свою волю. Аракчеевъ согласился; но не бралъ на себя избирать человѣка, способнаго управлять обширною этою массою, говоря:

— «Когда при водвореніи одной дивизіи, гдѣ на 20—30 солдатъ приходилось по одному жителю, было столько затрудненій и безпорядковъ (бунтовъ), то чего же должно ожидать тамъ, гдѣ вдругъ 60 т. должны разстаться съ млечными, такъ сказать, привычками и принять новый родъ жизни и одежды, раставшись

[1]) Гр. Аракчеевъ всякій разъ съ удовольствіемъ показывалъ мнѣ высочайшія повелѣнія съ выговорами гр. Витту, говоря: «ежели-бъ государь написалъ мнѣ или тебѣ хотя одинъ такой выговоръ, мы бы съ тобой умерли съ отчаянія. А вотъ—полякъ—ему все ничего».

Графъ, разсыпая одинъ разъ остроту словъ, сказалъ: «я знаю, чего вамъ хочется. Вамъ хочется, чтобъ гр. Виттъ сѣлъ мнѣ на голову, Угрюмовъ—на правое, а ты—на лѣвое мое плечо. Нѣтъ, пока я служу, никогда этого не будетъ; а когда перестану служить, то можете это дѣлать съ другимъ, а не со мною».

С. М.

съ бородами, которыя, по ихъ понятію, считаются наравнѣ съ священными, ибо тутъ были все раскольники».

Государь сказалъ: «Отвѣтственность за послѣдствія беру я на себя. А что касается до человѣка, долженствующаго управлять, я выберу его самъ».

И тутъ же, взявъ генеральскій списокъ и проходя имена генераловъ, остановился на мнѣ, сказавъ:

— «Вотъ тебѣ человѣкъ, который все это сдѣлаетъ». (Слова статсъ-секретаря Трофимова.)

Повелѣніе послано было ко мнѣ въ ноябрѣ 1823 г., а я получилъ уже въ январѣ 1824 г. Графъ, зная, что съ нимъ немногіе любятъ служить, полагалъ, что я отдѣлываюсь медленностью. Но Дибичъ, увидѣвши меня, объявилъ мнѣ, что онъ съ намѣреніемъ[1]) продержалъ это повелѣніе, полагая, не будетъ-ли перемѣны «ибо постъ сей пламенно хотѣлъ занять дивизіонный мой командиръ Храповицкій, въ надеждѣ еще болѣе приблизиться къ царю, который и безъ того удостоивалъ его особой своей милости и вниманія».

Я, какъ теперь, помню тотъ день, когда я явился къ графу. Невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Сегюръ правду говоритъ, что и самый близкій къ придворному обращенію, приготовляясь быть представленнымъ къ монарху, котораго онъ еще не видалъ, невольно чувствуетъ какое-то смятеніе, берущее верхъ надъ разсчетами самаго высокаго ума. Меня ввели въ переднюю, гдѣ я дожидался съ полчаса; потомъ перевели въ парадную залу, гдѣ я опять дожидался съ часъ. Во все это время лихорадочная дрожь не оставляла меня. Надобно замѣтить, что храмъ или домъ Аракчеева весьма много похожъ на египетскія подземныя таинства [2]). Въ преддверіи встрѣчаетъ васъ курьеръ и ведетъ, чрезъ большія сѣни, въ адъютантскую; отсюда, направо, собственная канцелярія государя императора, налѣво—департаментъ Аракчеева, а прямо—пріемная. Вездѣ мистика, вездѣ глубокая тишина; даже на физіогноміяхъ ничего болѣе, кромѣ страха, не отсвѣчи-

[1]) Съ этого времени я началъ подозрѣвать Дибича (въ недоброжелательствѣ ко мнѣ) и не безъ причины:—онъ свелъ меня со сцены и обратилъ на грязную дорогу Балты и госпиталей. С. М.

[2]) Этотъ большой деревянный домъ находится въ Петербургѣ, на углу Кирочной и Литейной улицъ. Нынѣ, въ 1873 г., онъ нѣсколько передѣланъ для 3-й С.-Петербургской военной гимназіи для приходящихъ. Ред.

вается. Всякій бѣжитъ отъ вопроса и отвѣта, всякій движется по мановенію колокольчика и почти никто не открываетъ рта. Это тайное жилище султана, окруженнаго нѣмыми прислужниками.

— «Попался!» думалъ я. Но, успѣвши въ $1^1/_2$ часа придти въ самаго себя, я живо представилъ себѣ всю картину могущества и ничтожества. «Такъ, думалъ я, вымышляютъ вельможи разстанавливать время представленія. А для чего? Для того, чтобы, оцѣпенивъ сперва представляющагося и набросивъ на него мракъ, располагать потомъ имъ по первому чувству впечатлѣнія. Не у египетскихъ-ли жрецовъ занялъ графъ тайну сего очарованія, посреди котораго теряется разсудокъ и простая вещь принимается за сверхъестественную, а простой человѣкъ принимается за бога Вулкана или Юпитера?» Наконецъ—раскрываются двери и входитъ графъ. Вотъ нашъ разговоръ:

Графъ: «Государю императору угодно было назначить васъ въ помощь мнѣ, для сформированія Старорусскаго военнаго поселенія».

— Я выборъ сей считаю священнѣйшею для меня обязанностью, и, сколько силы и способности мои позволятъ, буду стараться оправдать довѣренность вашу ко мнѣ.

Графъ: «Нѣтъ, не мою, а государя. Я васъ не выбиралъ и даже не зналъ, а выбралъ васъ самъ государь. Я давно уже запретилъ себѣ избирать помощниковъ; (съ злостью) они проучили меня, и я ни за кого изъ васъ не хочу краснѣть предъ государемъ. (Еще съ бо̀льшею злостью): по мнѣ, выбери государь хоть козла, для меня все равно, лишь бы только онъ не умничалъ, а дѣлалъ то, что я приказываю. (Съ улыбкою, означавшею усиливающуюся злость): а вы привыкли говорить: «это невозможно». Васъ тотчасъ и слушаютъ, и думаютъ, что дѣйствительно невозможно. Нѣтъ, братъ, у меня—не у Сакена: я требую службы, слѣпаго исполненія, а не умничанья. Да и тебѣ запрещаю принимать резоны отъ своихъ подчиненныхъ. У меня надобно служить, работать да и работать!»

Пока я былъ одинъ, я походилъ на неціанта, трепещущаго при мысли испытанія. Но когда грубый языкъ и незаслуженная укоризна тронули и чувство и достоинство мыслящаго, я далъ свободу духу моему и продолжалъ:

— Ваше сіятельство! посвятивъ себя службѣ обожаемаго

царя, я не разсчитываю власти, ввѣряемой надо мною. Я слѣпо слѣдую этому правилу и принимаю волю моего начальника, какъ святой законъ. Будетъ время, когда ваше сіятельство оцѣните труды мои и, можетъ быть, отдѣлите сами отъ толпы, неумѣвшей оправдать высокой вашей довѣренности.

Графъ (смягчившись): «Посмотримъ, посмотримъ. Я не люблю армейскаго вашего духа: у васъ все «нельзя, да нельзя!»

— Ваше сіятельство справедливо изволите заключать, что слово «невозможно» составилось аксіомою лѣнивыхъ и худо-обнимающихъ предметы. Но я не лѣнивъ; а не постигать вещей при такомъ совершенствѣ учителя, какъ ваше сіятельство, было бы даже и непростительно.

Графъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Я уже старъ, я не могу всѣхъ учить я не такъ воспитанъ, какъ вы; я не такъ краснорѣчивъ, какъ вы. Васъ мнѣ дали и я только потребую вашего дѣйствія».

— Ежели ваше сіятельство лишаете меня главнѣйшаго пособія на пути предстоящихъ трудовъ моихъ, или все равно, лишаете меня наставленій и тайны управлять обширнѣйшимъ поселеніемъ, то я буду, какъ въ лѣсу, и дѣйствительно, умственная способность уступитъ физической.

Графъ: (съ примѣтнымъ удовольствіемъ): «Ну, когда ты не льстишь мнѣ и дѣйствительно хочешь учиться у меня, то и я скажу тебѣ, что ты мнѣ нравишься, и я хочу имѣть тебя не помощникомъ и не подчиненнымъ, а другомъ моимъ», повторивъ это нѣсколько разъ.

Изъ пріемной перевелъ онъ меня въ свой кабинетъ, посадилъ, и послѣ недолгихъ отвлеченныхъ разговоровъ, началъ работать при мнѣ, показывая тѣмъ свои занятія и говоря, что онъ все дѣлаетъ самъ, а не другіе.

Графъ: «У васъ, въ арміи, принесутъ къ главнокомандующему бумаги, онъ возьметъ перо и подписываетъ».

— Нашъ главнокомандующій едва-ли въ годъ увидитъ столько бумагъ, сколько ваше сіятельство обработаете въ одинъ день. Да и тутъ разница: всякая бумага требуетъ геніальнаго искусства и опыта; а бумага главнокомандующаго почти составляетъ повтореніе предшествовавшихъ.

Графъ: «Но, вѣдь, онъ — главнокомандующій, а я — просто графъ Аракчеевъ».

— Не только главнокомандующій, но многіе короли предпочли бы васъ себѣ. Во-первыхъ, вы приближены къ первому монарху въ Европѣ; во-вторыхъ, природа излила на васъ всѣ усилія и одарила васъ геніемъ, которому нѣтъ въ Европѣ даже соперниковъ.

Графъ (съ радостною улыбкою): «Ты, братъ, много мнѣ льстишь. Гдѣ мнѣ равняться съ людьми нынѣшняго воспитанія! Они всѣ умнѣе меня. Это гогъ-магоги (такъ онъ называлъ вельможъ). Но я имѣю одно предъ ними преимущество: я душею преданъ царю и, конечно, не продамъ его».

Говоря со мной, онъ продолжалъ читать и поправлять. Перо у него за ухомъ, карандашъ въ зубахъ, а гумми-ластика въ рукахъ. Окончивши все, графъ подаетъ мнѣ табель капитала военнаго поселенія. Я, боясь задержать, пробѣгаю вскользь; но графъ заставилъ меня прочитать постепенно всю; 30-ти милліонный капиталъ раскрылъ новый матеріалъ.

— Самая сія табель есть уже дѣло возвышеннаго генія! Для васъ мало было сотворить небывалое до васъ, колоссальное заведеніе поселенія,—вы умѣли еще удивить Россію пріобрѣтеніемъ такого капитала, который бы всякій другой на вашемъ мѣстѣ потребовалъ бы самъ на однѣ только издержки.

Графъ: «Всякой другой сдѣлалъ бы тоже, что и я; но, конечно, никто бы ихъ такъ не сохранилъ. У меня, братъ, не украдешь. Но я уже старъ; можетъ быть, государь выберетъ себѣ помоложе, новоспитаннѣе; Богъ знаетъ, можетъ быть, изберетъ и тебя....».

Я догадался, что злоба выкатывалась отъ довѣренности ко мнѣ царя, а можетъ, и противъ воли графа, — и не давая сего замѣтить, (я) продолжалъ:

— Ежели государь, избирая на ваше мѣсто другаго, можетъ сообщить ему даръ небеснаго вашего генія, тогда вашъ духъ будетъ водить перомъ его такъ, какъ нѣкогда конь Тюреня велъ въ бой цѣлую французскую армію.

Графъ (въ восторгѣ): «Ты все мнѣ льстишь. Не думай, братъ, у меня этимъ выиграть: я не люблю лести, я знаю самъ себя».

— Собственное ваше чувство есть уже ручательство за нельстивый языкъ мой. Покажите же другаго, кто бы былъ равенъ вамъ? 30-ти лѣтнее управленіе дѣлами кабинета, довѣренность такого прозорливаго царя, какъ нашъ, и образованіе многихъ пред-

метовъ—не внушаетъ-ли въ каждомъ изъ насъ удивленіе къ генію, которому обязана Россія многимъ прекраснымъ и совершеннымъ!...

Вдругъ докладываютъ, что пріѣхалъ Княжной.

Графъ: «Спросите, зачѣмъ?»

Пока ходили, онъ мнѣ говоритъ:

— «Княжной — другъ мой; его портретъ виситъ въ моемъ кабинетѣ. Но я такъ справедливъ, что ни для кого не перемѣню моего правила».

Клейнмихель: «Княжной просилъ государя дать ему мѣсто въ совѣтѣ военнаго министерства; но государь отправилъ его къ вамъ. Княжной говоритъ, что отъ васъ зависитъ участь службы его».

Графъ: «Нѣтъ, этого я не сдѣлаю. Пусть просится въ военное поселеніе. Другаго мѣста онъ не будетъ имѣть во всю мою жизнь. А послѣ моей смерти, пусть государь посадитъ его хоть въ верховный совѣтъ».

Въ 11 часовъ графъ, по обыкновенію, поѣхалъ во дворецъ, а меня перекрестилъ и отпустилъ домой съ тѣмъ, чтобъ въ 2 часа я пріѣхалъ обѣдать къ нему.

Послѣ обѣда мы были съ графомъ, какъ будто столѣтніе знакомцы. Онъ былъ со мною ласковъ и отбросилъ грубый и злой свой тонъ. Для испытанія меня, графъ далъ мнѣ кодексъ поселенія съ тѣмъ, чтобы я читалъ и сказывалъ ему мысли мои. Для этого назначены были мнѣ часы: всякое утро и 6 часовъ вечера каждаго дня до 11-ти, а иногда и позже. Вотъ опять жизнь по-кутузовски!

Читая проэктъ образованія военнаго поселенія, который въ главнѣйшихъ предметахъ написанъ былъ собственноручно государемъ императоромъ, а исправленъ былъ вообще личнымъ перомъ его, я не могъ безъ слезъ и восторга слѣдовать за движеніемъ души сего великаго образователя-царя. Все, что дышетъ устройствомъ и счастіемъ народа—это говорилось божественнымъ сердцемъ его. Возвышенный языкъ, вмѣстѣ съ счастливымъ изобрѣтеніемъ и желаніемъ, врѣзывались въ душу мою и ослѣпляли меня блаженствомъ золотаго вѣка. Я, какъ ребенокъ, ввѣрялъ чувства мои графу, а онъ передавалъ ихъ царю. Я послѣ только

узналъ, что тиранъ-исполнитель далекъ отъ бога-царя, опредѣляющаго счастіе людей.

Государь хотѣлъ меня видѣть въ первые дни; но онъ опасно заболѣлъ [1]). Самъ графъ не всякій день могъ быть у него. Однажды онъ мнѣ сказалъ:

— «Государь очень нездоровъ, но хотѣлъ принять тебя хотя на постелѣ. Я все, все ему пересказалъ, и онъ такъ же, какъ и я, доволенъ тобою».

Посѣщенія мои графа постепенно продолжались всякій день, по утру—въ 6 часовъ; обѣдалъ я у него всегда, а послѣ обѣда опять являлся въ 6 часовъ. Часто я графа вовсе не видалъ; но онъ всегда присылалъ извиняться предо мной. Когда я бывалъ допущенъ въ кабинетъ, то онъ меня сажалъ и занимался со мной. Все это для того, чтобы показать, что я учусь у него..... [2]).

Сдѣлавши для себя образцовый семейный списокъ, я изложилъ его на бумагѣ и показалъ графу. Графъ его одобрилъ и въ точныхъ моихъ словахъ передалъ всѣмъ поселеннымъ начальникамъ, только подъ своимъ именемъ. Онъ послѣ служилъ закономъ для разсортированія семействъ и утвержденія прочнаго ихъ существованія.

Серьезная болѣзнь государя все еще продолжалась и Петербургъ былъ среди страха и надежды. Между тѣмъ наступила Сырная недѣля и Петербургъ, не видя нигдѣ обожаемаго царя, примѣтно уменьшилъ свои радости. Я, съ остаткомъ моей казны (500 руб.), не могъ быть роскошенъ: небогатая комната, 2—3 блюда—вотъ и все, что составляло утѣшеніе мое. Между тѣмъ, бывши обязанъ всякій день быть у графа, я 5—6 разъ въ день получалъ отъ него приказанія съ фельдъегерями: то онъ велитъ явиться въ столько-то часовъ, то пришлетъ дѣла для обработки ихъ, то зоветъ на обѣдъ, и т. д., и т. д. Между 11-мъ и 3-мъ часомъ утра, между 4-мъ и 6-мъ пополудни я объѣзжалъ сто-

[1]) О болѣзни Александра Павловича въ 1824 г. см. подробный разсказъ въ Запискахъ его доктора, Д. К. Тарасова: «Русская Старина», изд. 1871 г. т. IV. Ред.

[2]) Далѣе въ подлинникѣ три строки тщательно зачеркнуты самимъ авторомъ. Оговоримся разъ навсегда, что въ разсказахъ объ Аракчеевѣ Маевскій во многихъ мѣстахъ повымаралъ по нѣсколько словъ, даже строкъ; очевидно, все это были такія замѣтки, которыя показались ему самому слишкомъ рѣзкими. Таковыя вымарки мы отмѣчаемъ нѣсколькими точками. Ред.

лицу, ибо нанятый извощикъ даромъ бы бралъ въ сутки по 15 руб. ассигнаціями.

Пробывъ съ мѣсяцъ при графѣ, поѣхалъ я, по его волѣ, въ полкъ его имени. Намѣреніе было то, чтобы я познакомился съ образцовымъ устройствомъ поселенія и принялъ всѣ его формы. Графъ столько былъ честолюбивъ, что, показывая лучшую сторону, не умѣлъ примѣтить дурной........ Все, что составляетъ наружность—плѣняетъ глазъ до восхищенія; все, что составляетъ внутренность — говоритъ о безпорядкѣ. Чистота и опрятность есть первая добродѣтель въ этомъ поселеніи. Но представьте огромный домъ съ мезониномъ, въ которомъ мерзнутъ люди и пища; представьте сжатое помѣщеніе—смѣшеніе половъ безъ раздѣленія; представьте, что корова содержится, какъ ружье, а кормъ въ полѣ получается за 12-ть верстъ; что капитальные лѣса сожжены, а на строеніе покупаются новые изъ Порхова, съ тягостнѣйшею доставкою; что для сохраненія одного деревца употребленъ сажень дровъ, для обставки его клѣткою,—и тогда получите вы понятіе о государственной экономіи. Но при этомъ не забудьте, что поселянинъ имѣетъ землю по названію; а общій его образъ жизни—ученье и ружье; что онъ, жена и дѣти, съ груднаго ребенка, получаютъ провіантъ, и что все это пріобрѣтается милліонами казнѣ. Притомъ, отъ худаго разсчета, или оттого, что корова въ два оборота дѣлаетъ въ день по 48 верстъ для пастбища,—опредѣлительно, всякій годъ падало отъ 1,000 до 2,000 коровъ въ полку, чѣмъ лишали себя позема и хлѣбородія, а казна всякой годъ покупала новыхъ коровъ. Еще: всякій названный хозяинъ былъ не болѣе, какъ солдатъ, поступившій въ рекруты изъ другой губерніи. Съ прошествіемъ времени службы, онъ уходилъ на родину; слѣдовательно, его ничто къ поселенію непривязывало, и онъ смотрѣлъ только на число лѣтъ, приближающихъ его къ свободѣ. Бывало не разъ, что такой поселянинъ бросалъ жену и дѣтей и спѣшилъ домой, отъ чего мѣстныя женщины, безъ усилія, никогда почти не выходили замужъ. Странно было слушать обрядъ ихъ свадебъ. Полковникъ строитъ женщинъ въ одну, а солдатъ—въ другую противоположную линію, и, называя солдата по имени, даетъ ему невѣсту, вызывая ее по имени-жъ. Брачные эти союзы никогда не согласовались съ выборомъ и согласіемъ сердца, но учреждались полковникомъ, который разда-

валъ невѣстъ, какъ овецъ, судя по достоинству жениха! Стоитъ бросить взглядъ на плодородіе и развратъ этого поселенія, тогда грѣхъ, великій грѣхъ падетъ на Аракчеева!

Не имѣя глупости Пиѳагора—возмущать младшихъ противъ старшихъ, я взялъ себѣ въ урокъ худое и хорошее; но, чтобъ не озлобить графа, который не терпѣлъ правды,...... я вторилъ только то, что я дѣйствительно видѣлъ хорошаго. Надобно признаться, что въ этомъ поселеніи все придумано ко благу человѣка: повивальныя бабки, родильныя, ванны, носилки, самыя отхожія мѣста — все царскія. Мысль царя изображала его сердце и отражалась на каждомъ шагу человѣколюбиваго и незабвеннаго его чувствованія. Но цари—не боги, ихъ всего легче обманываютъ. Бережливость и чистота погребла пользу всего учрежденія. Въ больницѣ полы доведены были до паркетовъ и больные несмѣли прикоснуться къ нимъ, чтобы ихъ не замарать. Отъ этого-то вошло въ пословицу, что «они ходятъ про себя чрезъ окно.» У каждаго поселеннаго полка были богатая мебель и богатый серебряный сервизъ. Но мебель хранилась, какъ драгоцѣнность, на ней никто не смѣлъ сидѣть. Тоже самое было и съ офицерами: они не смѣли ни ходить, ни сидѣть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано для ихъ употребленія. Комнаты до половины не вмѣщали ихъ вещей и чердаки по большей части были ихъ комнатами [1]). Графъ имѣлъ даръ стѣснить каждое состояніе и поселить такую ненависть, которая доходила до изступленія. Одинъ ужасъ связывалъ языкъ, но чувство отражалось на физіогноміи. Читая одни приказы графа, почувствуешь уже невольный ужасъ и разницу между предположительнымъ счастіемъ и мучительнымъ требованіемъ. У меня отъ приказовъ его всегда подымались волосы. Но, сдѣлавшись послѣдователемъ, и я не избѣгъ его погрѣшностей. Мы оба были Ромулы. Но я, по сердцу, не былъ чудовищемъ.

Это правда, что всякая новизна имѣетъ всѣхъ своими врагами; тутъ нужна стоическая настойчивость.

Наскучивъ безполезною петербургскою жизнію, я порывался проситься къ мѣсту назначенія; но графъ все это откладывалъ, подъ предлогомъ болѣзни государя. Чтобы занять чѣмъ-нибудь

---

[1]) Графъ сюрпризами входилъ въ офицерскія комнаты. И горе тому, кого онъ заставалъ спящимъ или въ безпорядкѣ. С. М.

праздный мой умъ, онъ составилъ комитетъ и велѣлъ мнѣ написать проэктъ для будущаго моего управленія, не давъ, однако-жъ, никакой идеи [1]). Признаюсь, я никогда не былъ такъ глупъ, какъ при этомъ случаѣ. Писать то̀, о чемъ не имѣешь понятія; изъясняться во власти, которой не дано положительнаго и тогда, когда графъ не терпитъ другой власти, кромѣ своей,— это значило сказать ни то, ни сё. Мы взяли среднюю пропорцію и какъ Старорусское поселеніе не имѣло ничего общаго съ другими, то мы ввели и предметы новые. Графъ назначилъ день для слушанія. Мы собрались у Клейнмихеля, и едва я прочелъ одинъ §, графъ закричалъ:

— «Что это вы написали? Такой вздоръ напишетъ у меня всякій писарь! Не правда-ли, Петръ Андреевичъ?»

Клейнмихель, изъявляя знакъ........ согласія, вторилъ:

— «Точно такъ, ваше сіятельство».

Графъ: «Читай далѣе».

И послѣ всякаго § было одно и тоже повтореніе.

— Ваше сіятельство! Я признаюсь, что этотъ предметъ слишкомъ для меня новъ, и что я, не зная точнаго плана и воли вашего сіятельства, легко могъ не постигнуть высокаго вашего намѣренія. Но...

Графъ: «Но надобно имѣть тутъ (показывая на свой лобъ), тогда всякое намѣреніе будетъ ясно и понятно. Ты привыкъ служить съ такими начальниками, которые соглашались во всемъ, что̀ ты ни напишешь. Нѣтъ, у меня, братъ, не то. Я не Волконскій! я выходокъ и краснорѣчивыхъ словъ не люблю; да и тебѣ запрещаю говорить и писать краснорѣчиво. Я все люблю просто и коротко».

Со всѣмъ тѣмъ, проэктъ прочли. Но графъ изъявлялъ жалкую улыбку, какую изъявляетъ учитель ученику при чтеніи жалкаго его сочиненія. Комитетъ разошелся, а проэктъ поступилъ къ Самбурскому [2]). Онъ прибавилъ только вступленіе, но содержаніе и мысль остались тѣже. Стыжусь сказать, но этотъ трудъ

---

[1]) Онъ даже не могъ терпѣть, чтобъ записывали для памяти и простыя его слова. С. М.

[2]) Въ распоряженіи «Русской Старины» находится обширное собраніе писемъ гр. Аракчеева къ Самбурскому. Это былъ одинъ изъ главныхъ и наиболѣе довѣренныхъ его приближенныхъ. Ред.

совсѣмъ былъ напрасенъ. Это былъ кафтанъ Пигмея, натянутый на великана. Въ немъ только и осталось святаго имя, или подпись графа, а впрочемъ, ни одинъ § не шелъ къ образу мною принятаго дѣйствія. Спрашиваю, кто изъ насъ былъ новѣе въ образѣ понятія о поселеніи?

Въ день гнѣва я у графа не обѣдалъ, но вечеромъ явился по установленію.

Графъ, слѣдуя своей системѣ и поминутно боясь бунта, употреблялъ нѣкоего Морковникова въ родѣ агента [1]. Этотъ злой человѣкъ сдѣлалъ многихъ подозрительными... Марковниковъ, по волѣ графа, привезъ депутатовъ отъ всѣхъ 12-ти волостей. Чтобы не сдѣлать шуму въ столицѣ и не надѣлать гласнымъ неудачь, которыхъ очень боялись и которыми въ Петербургѣ ковали невыгодные толки, графъ остановилъ ихъ въ Ижорѣ. Съ вечера приказано мнѣ быть готову къ дорогѣ. Подвезли возокъ. Графъ назначилъ мѣсто, гдѣ сѣсть ему и мнѣ; мы усѣлись и съ нами поѣхалъ воспитанникъ его—Шумской. Подъѣхавъ къ дому князя Лопухина, возокъ остановился. Графъ съ воспитанникомъ пошелъ къ князю, чтобы за одинъ разъ, какъ онъ говорилъ, сдѣлать два дѣла, т. е., и съѣздить въ Ижору, и представить воспитанника князю. Чрезъ двѣ минуты, графъ воротился. Шумскій пошелъ домой пѣшкомъ, а графъ сѣлъ ко мнѣ въ возокъ, гдѣ я его дожидался.

— «Ты знаешь-ли», сказалъ мнѣ графъ, «вѣдь, это не нашъ братъ; это гогъ-магогъ! Я, правда, не люблю ихъ и почти никогда у нихъ не бываю. Но чтобъ не сказали, что Аракчеевъ собака, я не могъ отвязаться отъ его просьбы, и долженъ былъ представить ему Шумскаго. Вѣдь у него всегда балы: надобно же молодаго человѣка ввести въ кругъ хорошаго общества».

Дорогою графъ принялъ веселый тонъ. Вотъ нашъ разговоръ. Я пишу слова его потому, что Аракчеевъ—историческое лицо Россіи; но его знаютъ только по отголоскамъ, а не по чувствованіямъ.

Графъ: «Что обо мнѣ говорятъ у васъ въ арміи?»

---

[1]) Далѣе сквозь зачеркнутыя слова видно ясно: злой; далѣе, чрезъ три слова, видно: «Мнѣ все кажется, что тутъ былъ тайною пружиною самъ графъ, ибо для его видовъ увеличивать бунты,...... чтобъ побѣдой ихъ увеличить верхъ своего вліянія»...... Затѣмъ совершенно уничтожено семь строкъ. Ред.

— Удивляются всеобъемлещему вашему генію и неимовѣрнымъ вашимъ трудамъ, которые вы посвятили отечеству; а несчастные благословляютъ ваше правосудіе и милости.

Графъ (сердито): «Россія глупа: надѣнь на кого хочешь андреевскую, она будетъ въ поясъ ему кланяться. Читалъ-ли ты некрологію Уварова? Его едва-ли не сравниваютъ съ полубогами. А онъ больше ничего, какъ соглядатай и наушникъ. Я его не боялся; да онъ мнѣ и сдѣлать ничего не могъ. Я служу вѣрно. Пусть государь сыщетъ другаго, мнѣ подобнаго! А Уварову написали Богъ-знаетъ чего, и убавили даже лѣтъ жизни: это подлая лесть и ложь! А что говорятъ о твоемъ Волконскомъ?»

— Всѣ думаютъ, что паденіе его и Закревскаго подписано вами.

Графъ (съ самодовольною улыбкою): «Вѣдь они гогъ-магоги, могу-ли я вредить имъ?»

— Говорятъ, что Закревскій недоволенъ своимъ постомъ, не зная ни языка, ни націи, которою управляетъ.

Графъ: «Какъ ему не быть довольнымъ, вѣдь это важнѣйшій постъ въ Россіи».

Я:...... Какъ трудно найти людей въ мірѣ, которые бы вполнѣ были довольны своимъ настоящимъ!

Графъ: «А вотъ тебѣ Богъ свидѣтель, что я своимъ совершенно доволенъ и ничего больше не желаю».

— Ваше сіятельство можете быть причислены къ феноменамъ нашего вѣка. Вашъ геній ставитъ васъ выше всѣхъ смертныхъ. И если можно еще поставить въ паралель къ вамъ, то это не больше, какъ Меттерниха, Велингтона и Наполеона!

Графъ (съ довольною улыбкою): «Гдѣ мнѣ до нихъ! Это народъ ученый, образованный, а я учился на мѣдныя деньги. У нихъ цѣлыя королевства, а у меня одно Грузино,—и тѣмъ я, Богъ свидѣтель, доволенъ».

— Ваше Грузино, конечно, лучше всѣхъ резиденцій германскихъ князей и многихъ королей.

Графъ (очень довольный): «А кто его сдѣлалъ такимъ? Я! Я для управленія его сотворилъ особую методу. И если бы я былъ частный человѣкъ, то выдалъ бы ее въ свѣтъ. Конечно бы короли учились по ней управлять народомъ. У меня ничто не позабыто: я не беру большаго оброка. Лѣсъ и луга — вотъ мой доходъ! Но я недавно выдумалъ новый: мои крестьяне имѣютъ

большое скотоводство. Нанимающіеся у нихъ пастухи платятъ мнѣ положенную цѣну. Изъ этого я содержу ночныхъ сторожей и дѣлаю ежедневное освѣщеніе Грузина».

Проѣзжая чрезъ Царское Село, графъ говоритъ: «Вотъ государю хотѣлось бы, чтобы всѣ города были такъ красивы и хорошо выстроены. Я покажу, какъ возвышать города безъ издержекъ».

Я: Ежели бы всѣ имѣли такую цѣль, какъ ваше сіятельство, тогда бы наши лачуги превратились въ зданія.

Графъ: «Да, они любятъ только воровать».

Мы не ѣхали, а летѣли. Фельдъегеръ, скакавшій впередъ, загналъ двухъ лошадей, а подъ нами пала одна. Я во всю жизнь не ѣзжалъ такъ скоро.

Депутаты были представлены. Графъ говорилъ имъ о непремѣнной волѣ (государя учредить) поселенія. 11-ть преклонили только колѣна; 12-й вдругъ началъ приходить въ изступленіе и разсказывать сонъ, что онъ видѣлъ Пресвятую Богородицу и множество нашедшихъ на нихъ людей съ желѣзными крючьями; что они стали молиться Богу и что Богъ разогналъ ихъ, какъ тьму. Не успѣлъ онъ докончить, какъ его схватили и повезли. У графа всегда была готовая повозка, и онъ любилъ сюрпризныя ссылки. Графъ, придя въ себя, началъ ласкать остальныхъ и, представляя меня имъ, какъ начальника, говорилъ:

— «Не думайте, чтобы онъ (т. е. я) что-нибудь значилъ. Я его тотчасъ сожму въ рогъ: онъ не смѣетъ ничего у васъ брать. А если бы потребовалъ, пишите обо всемъ ко мнѣ: вы посмотрите, что я съ нимъ сдѣлаю».

Я хотѣлъ его остановить. Но можно-ли остановить лаву? Итакъ, я видѣлъ здѣсь, вмѣсто одного, цѣлыхъ двоихъ пришедшихъ въ изступленіе. Графъ имѣлъ низость выигрывать расположеніе у черни униженіемъ мыслящихъ существъ.

Назадъ воротились мы еще скорѣе. Графъ отослалъ меня въ своемъ экипажѣ домой, а самъ послѣ обѣда поѣхалъ къ государю. Весь Петербургъ зналъ уже о нашемъ путешествіи и завидовалъ моему счастію. Вотъ какъ оно по наружности обманчиво!

Всякое воскресенье графъ возилъ меня въ военно-сиротское отдѣленіе . . . .

Я не могу не обратиться къ судьбѣ, которая меня ровно 40 лѣтъ баловала и дѣлала мишенью для выстрѣловъ зависти. Мудрецы правду говорятъ, что лишняя извѣстность есть уже несчастіе [1]).

Графъ, показывая мнѣ военно-сиротское заведеніе, говорилъ: «что 80 т. этихъ малютокъ, раскиданныхъ по лицу Россіи, до поступленія въ его вѣдомство, гасли какъ свѣча: 10-й умиралъ, а 5-й былъ болѣнъ. Вообще же всѣ имѣли закоренѣлую чесотку. Хлѣбъ получали они пополамъ съ пескомъ, а говядину раздавали имъ, какъ артосъ, и то въ годъ не болѣе трехъ разъ. За то наружный видъ замѣнялъ все: кровати были лакированныя, а полы, столы и скамейки свѣтились, какъ зеркало!»

Истину сего могъ я подтвердить и самъ, видѣвши Смоленское отдѣленіе, гдѣ эти малютки ѣли хуже страусовъ. Я понять не могъ, какъ желудокъ человѣка могъ въ себя принимать, вмѣсто хлѣба, почти живой песокъ, а вмѣсто пищи—жидкость, составленную изъ одной почти теплой воды. Въ 1830 году я видѣлъ петербургское сиротское отдѣленіе въ командѣ уже Клейнмихеля: обученіе прелестно, порядокъ необыкновенный, установленіе и разснащиваніе обѣденныхъ столовъ, пріемъ и раздача пищи — почти театральныя; пища прекрасная; гимны, которые 1,000 человѣкъ поютъ однимъ хоромъ, или однимъ согласнымъ тономъ въ церкви, до и послѣ обѣда, восхищаютъ слухъ зрителя и возносятъ душу къ предмету ея обожанія. Содержаніе сихъ дѣтей, какъ Клейнмихель мнѣ говорилъ, казнѣ ничего не стоитъ, но содержатся они остатками провіанта и аммуниціи.........

Въ одинъ день, когда мы обѣдали у графа и шелъ обыкновенный разговоръ о здоровьѣ обожаемаго царя, вдругъ – фельдъегерь съ огромнымъ пакетомъ, за нимъ другой, за тѣмъ третій и т. д. Графъ въ восторгѣ сказалъ:

— «Ну, слава Богу! государю видно легче, если онъ опять начинаетъ работать».

Въ послѣдній день масляницы, когда государь рѣшительно еще никого не принималъ, велѣно мнѣ представиться его величеству: таково его было нетерпѣніе! Графъ Аракчеевъ далъ мнѣ

[1]) На всѣ дружескіе вечера, куда приглашали графа, приглашали и меня. Имена приглашенныхъ вносились въ списокъ швейцара, и лишній, хотя бы былъ другъ дома, мѣста не имѣлъ. С. М.

письменный пропускной видъ къ царю съ тѣмъ, чтобъ я тотчасъ послѣ придворной обѣдни представился. Видъ этотъ предъявилъ я камердинеру и ожидалъ приказанія. Между тѣмъ, никто не воображая, чтобы я могъ имѣть это счастіе, поминутно подходили ко мнѣ съ запросами.

Дибичъ: «Вы, вѣрно, хотите представиться къ государынямъ?»

Я: Нѣтъ, къ государю.

Дибичъ: «Государь никого не принимаетъ».

Я: Вотъ пропускной мой листъ.

Дибичъ изъявилъ знакъ удивленія и пошелъ къ царю.

Кн. Волконскій: тотъ же вопросъ, тотъ же и отвѣтъ. Кн. Волконскій говоритъ: «Какъ ты попался въ военное поселеніе?»

Я: Самъ не знаю: обязанъ-ли я этимъ счастію, или несчастію.

Волконскій: «Какъ-же ты разстался съ славною твоею бригадою, которую государь очень хвалитъ? Тебѣ, вѣрно, ее жаль?»

Я: Что же дѣлать? воля царя священна для меня.

Я потерялъ здѣсь хронологическій разсчетъ и забылъ пересказать наставленіе графа при отправленіи меня къ царю.

Графъ: «Государь, не смотря на свою болѣзнь, нетерпѣливо хочетъ видѣть тебя. Ты долженъ считать это за величайшее счастіе, ибо теперь онъ не допускаетъ къ себѣ и гогъ-магоговъ, а ты будешь говорить съ царемъ».

— Я этимъ счастіемъ обязанъ вашему сіятельству.

Графъ: «Нѣтъ, это воля царя; я ею не располагаю. Но это правда, что я хвалю тебя и говорю ему все, что ты ни говоришь. Я ничего не скрываю отъ государя. Богъ тебя знаетъ, что у тебя на душѣ; но если ты не лжешь и говоришь правду, то государю и мнѣ очень пріятно, что ты любишь наше поселеніе. Ну, смотри-же, скажи государю, что ты все это время занимался со мною въ кабинетѣ и понялъ уже нѣкоторыя правила».

— Святой мой долгъ начать съ того, что ежели я постигъ тайну совершенства, то я обязанъ вашему сіятельству.

Графъ: «Ого-го! Ты уже постигъ все! Скоро же. Я 15 лѣтъ учусь у государя и учу другихъ, а все еще не знаю тайны совершенства. Ну, братъ, тебѣ не надо уже больше никакихъ учителей, ты все знаешь самъ».

Я (догадался, что графу лучше видѣть меня профаномъ, не-

жели посвященнымъ въ таинство): Ваше сіятельство! Познанія мои въ таинствахъ военнаго поселенія не свыше еще того, чтобъ умѣть съ точностью исполнить ваши приказанія. Я въ кабинетѣ у васъ больше постигъ въ день, чѣмъ въ размышленіяхъ съ самимъ собою въ цѣлый мѣсяцъ.

Графъ: «А проэкты мои развѣ не ясны?... Петръ Андреевичъ, вотъ какъ онъ понимаетъ наши съ тобою труды!»

Я: Ни предъ однимъ закономъ не преклонялъ еще колѣнъ моихъ съ такимъ душевнымъ благоговѣніемъ, какъ предъ проэктомъ. Сами боги никогда не писали ничего лучшаго и благодѣтельнѣйшаго. Но это относится къ одному только чувствованію. Въ отношеніи дѣйствія, я похожъ еще на того юношу, который, слушавъ на каѳедрѣ своего учителя, считаетъ уже и себя учителемъ; но каѳедра кончилась, а съ этимъ кончилось и его знаніе.

Графъ: «Ну, когда такъ, такъ скажи же это и государю. Да скажи, что мы прошли съ тобой весь проэктъ и что я самъ лично толковалъ тебѣ истинную цѣль каждаго § и на первый разъ вразумилъ во всемъ, что тебѣ дѣлать. А послѣ ты опять будешь спрашивать меня; а если ты умнѣе меня, такъ пусть государь сдѣлаетъ тебя начальникомъ поселенія. Смотри-жъ, скажи государю всю правду, ничего не лги. Государь у насъ умнѣйшій человѣкъ; онъ такъ и смотритъ въ глаза: чуть солжешь, государь сейчасъ догадается. Да говори просто, а не краснорѣчиво. Государь, такъ какъ и я, терпѣть не можетъ натянутаго краснорѣчія. Не правда-ли, Петръ Андреевичъ?»

— «Права, правда», подхватилъ Клейнмихель.

— «Ну, поѣзжай, а послѣ пріѣзжай ко мнѣ и скажи всю правду, что ты говорилъ государю и онъ тебѣ».

Ровно въ 12-ть часовъ я введенъ былъ въ храмъ святилища. Первый мой предметъ былъ — богъ мой царь!

Если къ обыкновенному царедворцу идешь съ нѣкоторымъ невольнымъ трепетомъ, то благоговѣйный страхъ объемлетъ еще болѣе душу того, кто въ первый разъ представляется царю. Радость, восхищеніе, неизвѣстность и страхъ сливаются въ одно чувство и связываютъ умъ и языкъ.

Государь сидѣлъ за письменнымъ своимъ столомъ; впереди были еще большіе два, на которыхъ въ большомъ порядкѣ ле-

жали карты, пакеты и дѣла. Вправо стояло бюро съ опущеннымъ столомъ.

Государь всталъ, подошелъ ко мнѣ. Онъ былъ въ форменномъ сюртукѣ, и держась рукою за бюро, началъ говорить:

Государь: «Маевскій! Я призвалъ тебя для важнаго порученія. Алексѣй Андреевичъ вѣрно сказалъ тебѣ обо всемъ. Ты теперь видѣлъ графскій полкъ: это—образчикъ поселенія. Я хочу, чтобы и будущее твое, Старорусское, было точно такое же. Ты, конечно, разсмотрѣлъ все... Какъ ты его находишь?»

Я: Государь! Какъ солдатъ, я восхищался совершенствомъ фронта; какъ гражданинъ—благоговѣлъ предъ творцемъ этого заведенія, гдѣ все придумано ко благу воина, гдѣ все дышетъ его счастіемъ и благоденствіемъ.

Государь: «А вотъ какъ розно думаютъ: Россія и особенно Петербургъ, не понимая цѣли, противоборствуютъ цѣлому». (Государь не употреблялъ общихъ словъ. Но слово «противоборство» равно было у него дурачеству враговъ новости).

Я: Государь! Я думаю, что это происходитъ отъ толпы. Пусть первѣйшій въ мірѣ зоилъ взглянетъ на зданіе поселенія и прочитаетъ творческую мысль проэкта, тогда онъ невольно бросится на колѣни и вѣчно будетъ благоговѣть предъ тѣмъ, кто въ твореніи военнаго поселенія сотворилъ цѣлое счастіе Россіи и воина. Но, я, государь, не доумѣваю: отчего истинная цѣль сокрыта отъ публики? а это-то и даетъ ей поводъ впадать въ толки и въ ошибки.

Государь: «На это еще не время. Я хочу открыть глаза публикѣ съ усовершенствованіемъ уже поселенія. Теперь ты представь себѣ милліонъ солдатъ. У нихъ все занятіе хлопать ружьемъ. Бывъ сведены въ одну массу изъ необъемлемаго пространства Россіи, она для нихъ какъ чужая: родство ихъ не связываетъ, браки служатъ только въ тягость; увѣчный и калѣка не находятъ пріюта; солдатскія жены и ихъ дѣти, а особливо дочери, служатъ образцомъ нищеты и разврата. Милліонъ солдатъ не оживляетъ общества и каждый годъ Россія теряетъ столько же народонаселенія. Въ военномъ поселеніи солдатъ имѣетъ вѣчную свою осѣдлость и, въ случаѣ похода, имущество, жена и дѣти его устроены; самъ онъ служитъ съ надеждой, а возвращается съ радостію. Офицеры въ обыкновенныхъ квартирахъ большею ча-

стію имѣютъ невыгодное помѣщеніе, разбросаны и по году не видятъ другъ друга, — связь товарищества охладѣваетъ; чувство не имѣетъ ни соревнованія, ни порыва, а пріятность службы замѣняется унылостью и скукою. Пороки замѣняютъ мѣсто удовольствій и служба теряетъ хорошихъ офицеровъ. Здѣсь, напротивъ, помѣщенія у нихъ хорошія, столъ общій, занятія приличны образованному офицеру. Вотъ вся цѣль поселенія. Сверхъ того, воспитаніе самихъ кантонистовъ умножаетъ способныхъ людей и многимъ дастъ лучшую дорогу, а люди не имѣютъ нужды ходить для ученья 10—15 верстъ и не будетъ стѣсненія жителей постоемъ. Ты теперь понялъ-ли мое намѣреніе?»

Я: Государь, столь общее и высокое благо не входило еще въ мое соображеніе. Видя одно наружное, я восхищенъ уже былъ каждымъ моимъ шагомъ. Но то, что я теперь слышу, уноситъ меня въ міръ совершеннаго земнаго счастія. Я выше этого и счастливѣе ничего не знаю.

Государь: «Я, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ бы быть виновникомъ этого счастія; но боги, одни только боги,—могутъ только ручаться за исполненіе того, чего хотятъ люди. Соединимъ, по крайней мѣрѣ, общія силы, чтобы привесть къ концу начатое. Мнѣ всѣ твердятъ, что планъ этотъ слишкомъ исполинскій; гдѣ набрать, говорятъ они, хозяевъ? Я думаю напротивъ. Время, усердіе и примѣры разовьютъ способности и легко могутъ быть другіе Фрикены и Полтинины».

Я: При такомъ милостивомъ вниманіи къ подданнымъ, нѣтъ сомнѣнія, государь, что способность ихъ весьма скоро разовьется, и новые хозяева замѣнятъ старыхъ и исполнятъ свято вашу волю.

Государь: «Я надѣюсь на тебя, Маевскій. Я призвалъ тебя съ этою цѣлью и, судя по твоему усердію, надѣюсь, что ты оправдаешь мой выборъ».

Государь, чувствуя сильную боль въ ногѣ, половину разговора велъ, почти прилегши на бюро. Страданія его какъ будто перелились въ мою душу, и я, полупогасшій, чувствовалъ себя однимъ только моимъ восторгомъ и счастіемъ этихъ минутъ. Онѣ вѣчно, вѣчно услаждать будутъ путь моей жизни. Воспоминаніе о нихъ есть уже верхъ всегдашняго моего наслажденія и блаженства!

Графу пересказалъ я весь разговоръ и, признаюсь, прибавилъ запасъ, съ которымъ онъ отпустилъ меня къ государю. Самъ Пиѳагоръ, со всею стойкостью своихъ правилъ, оправдалъ-бы меня въ этомъ случаѣ, ибо и въ его школѣ для каждаго смертнаго было общее и относительное свѣтило..... Графъ, проходя весь нашъ разговоръ, повторялъ поминутно: а говорилъ-ли ты то-то, или то-то? и былъ очень доволенъ неотрицательнымъ моимъ отвѣтомъ.

Въ этотъ день обѣдалъ я у генерала Лашкарева. Избранный кругъ остряковъ и ученыхъ, узнавши, что я былъ у государя, острили па счетъ поселенія, говоря: «Тамъ все прекрасно, выключая свободы. Я хочу ѣсть курицу, а меня заставляютъ ѣсть яйца». Не касаясь подробностей и тайны, я указалъ имъ только на нашъ міръ. Вѣдь и онъ еще не всѣмъ извѣстенъ, когда въ немъ всякій день открывается новое за новымъ. А что свобода не есть общій уставъ природы, въ этомъ наставляютъ насъ отцы семействъ и все населяющее природу, гдѣ одно существо подчинено другому.

На другой день графъ встрѣтилъ меня съ довольною миною.

— «Ну, государь тобою доволенъ также, какъ и я. И когда я сказалъ государю, что мы съ тобою довольно уже занимались, государь изволилъ отвѣчать: «Это видно, графъ, что онъ побылъ съ пользою въ твоей школѣ. Какъ кажется, онъ любитъ поселеніе и подаетъ надежду». Графъ улыбаясь продолжалъ: «видишь-ли, какъ государь прозорливъ, отъ него ничего не скроется. Но онъ также, какъ и я, подозрителенъ. Чуть что солжешь, тогда онъ тебѣ ничего уже не повѣритъ. Мнѣ никто не вѣрилъ изъ гогъ-магоговъ, чтобы я успѣлъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ. Они не могли даже представить себѣ, какъ 30—40 т. рабочихъ помѣстить въ одномъ мѣстѣ и назначить каждому свой кругъ дѣйствій, не мѣшая другому. Но мнѣ Богъ помогъ, и государь до сихъ поръ мною доволенъ. Но я ужъ старъ. Легко можетъ быть, что государь захочетъ имѣть помоложе; можетъ быть, и тебя сдѣлаетъ генералъ-лейтенантомъ, ты же мастеръ писать и говорить и лучше меня учился, а я учился на мѣдныя деньги».

Я молчалъ, чтобы не ввести его опять въ изступленіе, ибо никто легче его не переходилъ отъ умиленія..... къ грубостямъ и преслѣдованію. Я здѣсь догадывался, что мнѣ, конечно, хо-

рошо у государя, когда графъ въ колкостяхъ изображаетъ свою зависть.

.....Надобно отдать графу полную справедливость........ у него на все написаны правила и всякому дано мѣсто. Кто повѣритъ, что солдату и коровѣ написаны съ одною и тою же точностью маршруты для ежедневныхъ ихъ переходовъ! По моему мнѣнію, излишній педантизмъ есть мѣра гибельная, стѣснительная и опасная.

II.

Отъѣздъ въ Старорусское военное поселеніе. — Характеристика Аракчеева. — Высочайшій смотръ 1-й гренадерской дивизіи. — Бритье и стрижка поселянъ старорусскихъ. — Зависть Аракчеева. — Судьба его «однокорытника». — Семеновцы и аракчеевцы. — Балъ въ Старой Русѣ. — Награда. — Щегольство въ полкахъ. — «Воруй да не попадайся». — Богатство и свобода. — Флотилія.

Іюнь — декабрь.

1824 г.

Наконецъ, наступилъ день моего отъѣзда. Графъ, зная, что я небогатъ и не охотникъ просить, упредилъ мои нужды, испросивъ мнѣ 5,000 р. ассигн. на подъемъ, жалованья 8,000 р. ассигн. и прогоновъ по 6,000 р. въ годъ, приказавъ тутъ же послать за моею женою и дѣтьми адъютанта. Смѣшеніе грубостей съ отеческимъ, можно сказать, попеченіемъ, явно противорѣчило свойству одного и того же человѣка. При отъѣздѣ графъ мнѣ запретилъ начинать какое-либо дѣло.

Чрезъ недѣлю пріѣхалъ онъ самъ, и съ этой минуты начинаются новыя сцены.

Чтобъ лучше знать характеръ графа, надобно сперва приблизить къ нему слухъ и вниманіе. Это вотъ какой человѣкъ: золъ, вспыльчивъ безъ ограниченія, а иногда и до забывчивости, нетерпѣливъ, какъ дитя; дѣятеленъ, какъ муравей, а ядовитъ, какъ тарантулъ. Ежели ему хочется кого связать съ собою (это выраженіе можно отнесть къ одному ему, ибо безъ сильной цѣпи не было человѣка, которой бы могъ ужиться съ нимъ), то онъ въ началѣ его ласкаетъ, обнадеживаетъ и даетъ чины и кресты на словахъ [1]). Но когда утвердитъ его на мѣстѣ, тогда обращается съ нимъ, какъ

---

[1]) Вѣрность этой характеристики подтверждается свидѣтельствомъ многихъ современниковъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ Аракчеевымъ; см. напримѣръ: «Воспоминанія объ Аракчеевѣ» — И. И. Свіязева въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV. Ред.

съ невольникомъ, и позволяетъ себѣ всѣ дерзости. Но чуть кто покажетъ видъ гнѣва, или захочетъ оставить его, того гонитъ съ злодѣйскою жестокостью. Въ этихъ случаяхъ надежда на царя и иногда божественная улыбка его смягчала страданія и отводила душу отъ отчаянія......... Когда ему чего захочется, онъ употребляетъ ласки и большія обѣщанія; когда это исполнится, находитъ недостаточнымъ и никогда у него не обойдется безъ шума и неудовольствія. Скорѣе можно открыть квадратуру круга, чѣмъ средній характеръ графа: у него сто характеровъ въ одинъ день. Будучи охотникъ до мелочей, онъ вѣчно занимается мелочью: ссоритъ подчиненныхъ и, вывѣдывая тайны ихъ, обнаруживаетъ потомъ ихъ въ глаза, дѣлая ихъ непримиримыми врагами. У него шпіонъ и инвалидъ при его домѣ, которому иногда даетъ по 300 лозановъ...............

Образъ мыслей графа столь же страненъ, какъ и характеръ его. Онъ подозрителенъ до неимовѣрности; онъ не знаетъ различія между людьми и всѣхъ считаетъ, какъ одного. Ему кажется, что самое слово человѣкъ есть уже злоупотребленіе; ибо, по его мнѣнію, что ни человѣкъ, тотъ и воръ, что вся страсть его—брать и наживаться. Для этого-то онъ ссоритъ одного съ другимъ, чтобъ оба ему высказали... Но, можетъ, никто въ мірѣ не былъ столько обманутъ, какъ графъ. Доказательство — собственный его полкъ, или фаворитный Ефимовъ.

Въ первый день пріѣзда графа, къ нему никто не является: этотъ день беретъ онъ на успокоеніе и на осмотръ. Ему подаютъ всѣ домашніе приборы до десертной ложки, и чуть что-либо запылено или оботрется.......... съ того взыскиваетъ.

Но вотъ онъ уже и въ Старой Русѣ, съ наперсникомъ своимъ—г. Жеребцовымъ, котораго можно поставить въ одну раму съ Марковниковымъ. Онъ принялъ меня ласково и тутъ же далъ кучу письменныхъ коммиссій; къ свѣту я ихъ кончилъ. Графъ, читая мое положеніе о перевозкѣ больныхъ, написалъ своею рукою: «исполнить; а чтобъ память трудовъ генералъ-маіора Маевскаго оставалась всегда въ виду, проэктъ сей хранить въ дежурствѣ». За этимъ посыпались отъ него приказанія и порученія, которыя исполнялись мгновенно и съ точностью. Графъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ объявилъ высочайшій указъ самъ, а въ остальныхъ объявляли—Жеребцовъ, Клейнмихель и я. Графъ

и усталъ, и струсилъ, ибо на первомъ и послѣднемъ ночлегѣ обставилъ себя баталіономъ солдатъ, а у входа въ двери положилъ Шумскаго, опасаясь бунта..........

Ему набрали до 20-ти человѣкъ изъ сопротивлявшихся..... которыхъ онъ при себѣ велѣлъ обрить..... Всѣ сомнѣвались въ удачѣ; ежедневныя письма къ графу показывали общую недовѣрчивость и опасенія.........

Меня самаго провожали изъ Петербурга съ сожалѣніемъ, полагая, что я беру на себя весьма опасное предпріятіе и что оно кончится или моею смертію, или бунтомъ. Графъ наставлялъ меня, какъ ребенка, и нарочно при всѣхъ, какъ приступить къ дѣлу. И едва онъ выѣхалъ, какъ я, на другой день, обрилъ и одѣлъ роту до 500 человѣкъ. Донесъ графу; но графъ......... меня остановилъ.

За 1-й опытъ—сына моего, Александра, пожаловали пажемъ, а его—Шумскаго государь пожаловалъ флигель-адъютантомъ.

Чрезъ 3 недѣли я обрилъ и одѣлъ еще 1,500. Я бы сдѣлалъ это въ одинъ день, но графъ меня разстанавливалъ.

Въ іюнѣ 1824 г. былъ смотръ 1-й гренадерской дивизіи, куда былъ приглашенъ и я. Графъ встрѣтилъ меня сухо; а чрезъ полчаса потребовали меня къ государю. Я подалъ рапортъ. Государь, разсматривая оный, сказалъ:

— «А! у тебя за 30 т. подъ ружьемъ».

Я: Государь! больше, нежели армія Миниха и Румянцева.

Государь (улыбнулся): «А каково у тебя?»

Я: Государь! Баталіонъ уже обрилъ и одѣлъ.

Государь: «Какъ баталіонъ? Я слышалъ одну еще роту».

Я: Нѣтъ, государь, 4; прежде одну, а завчера три.

Государь: «Знаетъ-ли объ этомъ графъ?»

Я: Я имѣлъ честь доносить его сіятельству.

Государь: «Хорошо. У тебя это идетъ очень успѣшно».

Я: Кто имѣетъ счастіе имѣть учителемъ васъ, государь, и гр. Алексѣя Андреевича, тому не трудно никакое предпріятіе.

Государь: «Но, вѣдь, всякій достигаетъ своими способами; твои—превзошли мои ожиданія. Я тобою очень доволенъ, и надѣюсь, что ты еще больше окажешь усердія и оправдаешь мою довѣренность».

Съ этимъ я откланялся и вышелъ; а графъ во все время

стоялъ у дверей и подслушивалъ разговоръ. Увидя меня, сказалъ: «Я тобою очень доволенъ и всѣмъ тебя хвалю. Спроси у нихъ», показывая на Дибича и другихъ царедворцевъ.

Я во всѣ 7 дней имѣлъ счастіе обѣдать у государя. Но тутъ были два штрафные генералы: Сентъ-Лоранъ и Рылѣевъ. Первый призванъ былъ для практическаго нравоученія, второй—для познанія службы военнаго поселенія. Они такъ были несчастливы, что ни разу не удостоились быть за государевымъ столомъ. Я чувствовалъ мое преимущество и какое-то особое къ себѣ уваженіе графа. Безъ сего послѣдняго и моя участь не была бы выше Сентъ-Лорана и Рылѣева.

Государь по большей части подзывалъ меня къ себѣ на ученьяхъ, называя уже не Маевскимъ, но Сергѣемъ Ивановичемъ, и говоря о разныхъ эволюціяхъ гвардіи, при концѣ почти смотра, спросилъ: «какъ ты надѣешься на дальнѣйшіе успѣхи?»

Я: Надѣюсь, государь, что конецъ будетъ отвѣчать началу.

Государь: «А не выйдетъ-ли чего?»

Я: Нѣтъ, государь; за это, кажется, смѣло можно поручиться; но только позвольте мнѣ употребить мое средство.

Государь (изумясь немного): «Какое?»

Я: Ассигновать на баталіонъ по бочкѣ водки.

Государь: «А это на что? Ты знаешь, я не люблю такого рода употребленій». (Государь ненавидѣлъ пьянство и не любилъ табачниковъ).

Я: Государь! Я вотъ какъ поступаю: ставлю бочку водки и безъ предисловія говорю: кто хочетъ пить водку, тотъ скорѣе одѣвайся! Въ 1/4 часа тысячи обриты и одѣты, и съ пѣснями идутъ домой солдатами. (Я точно такъ поступилъ со всѣми 30 т.).

Государь: «На этихъ условіяхъ я согласенъ. Скажи графу. Но не будетъ-ли тутъ новаго безпорядка?»

Я: Нѣтъ, государь, за это я уже отвѣчаю.

Пріѣхавъ въ Руссу, я въ 11 дней обрилъ и одѣлъ 27 т. человѣкъ. Графу это было очень непріятно, и онъ при первомъ свиданіи вотъ что мнѣ сказалъ:

— «Ты скоренько все дѣлаешь; ты вездѣ спѣшишь и хвастаешь. Ты думаешь, что ты одѣлъ людей? Нѣтъ — я! Что тутъ удивляться: «сила солому ломитъ». Я пять лѣтъ трудился и готовилъ ихъ къ повиновенію и покорности; а ты думаешь, что

ты все сдѣлалъ самъ по себѣ. Знаешь, что я съ тобою сдѣлаю? Разотру, какъ пыль! Я не такихъ училъ, какъ ты: гогъ-магоги, да и тѣ не смѣютъ идти противъ меня! Меня Европа, вся Европа трепещетъ! Ко мнѣ Богъ милостивъ. У меня одинъ только остался злодѣй—Гурьевъ; да и тотъ, слава Богу, околѣваетъ. Нѣтъ, братъ, нѣтъ! мнѣ не надо скороспѣлокъ. Мнѣ надо такой помощникъ, которой бы не умничалъ, а исполнялъ слѣпо мои приказанія. Пусть онъ будетъ дуракъ, лишь бы дѣлалъ только то, что я велю».

— «Ваше сіятельство! Я полагалъ, что въ такомъ случаѣ скорость есть первое счастливое средство. Если въ войнѣ должно пользоваться первою удачею, то здѣсь всего болѣе надобно воспользоваться первыми впечатлѣніями и не дать времени простыть и обдумать средства. Впрочемъ, я думаю, что у васъ не можетъ быть дуракъ подчиненный; ибо для того только, чтобы постигнуть вашу волю и умѣть ее исполнить, надобно быть умному человѣку».

Графъ, успокоившись этою лестью, оставилъ колкости; но не могъ простить мнѣ моего успѣха...............

Графъ, при каждомъ видѣ на мое поселеніе, находилъ все не такъ, ко всему придирался и повторялъ, по крайней мѣрѣ, сто разъ: «ты думаешь, что ты это сдѣлалъ..........»

Графъ во весь этотъ годъ нарочито часто ѣздилъ въ Руссу...... ибо его присуствіе было необходимо.............

Къ обнаженію характера графа, разскажу собственный его разговоръ. На смотру царя опоздали войска выдти на плацъ. Графъ сердился, суетился, разсылалъ съ приказаніями. И когда собрались, онъ собралъ всѣхъ генераловъ вокругъ себя и началъ говорить:

— «Хотя А. Сергѣевичъ (Шкуринъ, командиръ сихъ войскъ) и пріятель мнѣ, но я и его не пощажу, отдамъ въ приказѣ по корпусу... Представьте вы себѣ: я посылаю къ Шкурину, а онъ еще въ шлафоркѣ. Я, я—графъ Аракчеевъ, давно уже одѣтъ, а онъ еще нѣжится! Да у васъ и у всѣхъ, гг. генералы, такая же привычка. Вы отдадите приказъ,—вамъ скажутъ: «этого нельзя»,— и вы приказъ уничтожаете. Но если бы вы поступали по моему, тогда бы безпорядковъ не было. Бухмееръ, вѣдь, другъ мой и однокорытникъ по корпусу, но вотъ, — что я сдѣлалъ съ нимъ:

отъѣзжая въ Виттово поселеніе, я отдалъ приказъ, чтобы онъ заступилъ мое мѣсто. Бухмееру показалось это тяжело и свыше его силъ; онъ сказался больнымъ. Я призвалъ его, уговаривалъ и ничто не помогло! Я ѣду къ государю и прошу выключить изъ службы Бухмеера.

«Государь остановился и говоритъ:

— «Помилуй, графъ, онъ такъ давно и хорошо служитъ. Не лучше-ли отставить его съ пенсіономъ?»

— «Воля ваша, государь, я отдалъ приказъ и ни за что его не перемѣню. Ежели вамъ не угодно исполнить просьбы моей, такъ я ужъ больше не служу».

«Государь, подумавъ немного, сказалъ:

— «Помилуй, графъ, сдѣлай съ нимъ, что хочешь, кромѣ выключки изъ службы».

«Я посадилъ его съ фельдъегеремъ и отправилъ въ Чугуевъ!»

Графъ сказалъ намъ это съ намѣреніемъ, чтобы доказать свое могущество и... послѣ этого, прикусишь языкъ и, конечно, не захочешь скакать на повозкѣ!

За опозданіе войскъ Шкурину былъ выговоръ, а 4-хъ офицеровъ графъ хотѣлъ посадитъ въ крѣпость; но его упросили, и онъ выписалъ ихъ въ дальній гарнизонъ.

. . . .

....Графъ былъ самолюбивъ и ему казалось, что природа подарила совершенство одному ему; прочихъ онъ считалъ ниже ск... Въ одно время разспрашивалъ онъ у меня объ армейскихъ генералахъ. Я описывалъ ихъ достоинства; а когда коснулось В... (Витта?) и я сказалъ «онъ храбръ», — «что ваша храбрость», подхватилъ графъ; «вотъ напиши это — показывая на свои проэкты и приказы, — тогда будешь храбръ!»

Полкъ свой считалъ онъ совершеннымъ, хотя онъ далеко былъ ниже другихъ; назвать его посредственнымъ, даже равняться съ нимъ, въ глазахъ графа, было преступленіе. Полкъ этотъ составлялся изъ всей арміи и, конечно, въ рукахъ другаго, онъ былъ-бы 1-й въ Россіи. Тогда былъ въ модѣ Семеновскій полкъ. Государю было угодно, чтобъ мы были у развода его. Послѣ ученья графъ спрашивалъ у насъ, какъ этотъ полкъ въ сравненіи съ его? Кто же скажетъ правду! и натурально, мы отдали справедливость графскому. Графъ передалъ это государю.

Но государь не согласился съ нашимъ мнѣніемъ. Да и дѣйствительно, въ Семеновскомъ полку была особая благородная свобода въ движеніи, ловкость и развязка, плѣняющая взоръ; а графскій— былъ............... очень обыкновенный.

Графъ, вводя меня въ поселеніе, приказалъ привесть изъ Новгорода въ Старую Руссу учебный свой баталіонъ, дабы я принялъ его правила. Но баталіонъ этотъ такъ былъ дуренъ, что графъ, разбранивъ всѣхъ, полковника арестовалъ . . . . .

. . . .

Отдѣлавши всѣхъ, графъ принялся за меня.

— Помилуйте, ваше сіятельство, говорилъ я. Я тутъ не принималъ никакого участія; вы сами изволили отдавать приказанія, и слѣдственно, я на свой счетъ ничего не беру.

— «Но у тебя нѣтъ вовсе военнаго глаза», и т. д., говорилъ графъ.

Къ несчастію, мимоходомъ попался ему генералъ-маіоръ Кузьминъ, котораго считалъ онъ добрымъ дуракомъ.

— «А ты чего же смотрѣлъ?» говоритъ ему графъ, «ты давно у меня уже въ поселеніи и знаешь мои правила. Пожалуйста, ваше превосходительство (обращаясь ко мнѣ), сажайте его чаще на гауптвахту, а я и государь скажемъ вамъ за то спасибо».

. . . . [1].

Въ іюлѣ 1824 года графъ смотрѣлъ мой учебный баталіонъ. Баталіонъ учился отлично. Клейнмихель не скрылъ его достоинства, и когда графъ былъ восхищенъ, то и Клейнмихель вторилъ: «Прекрасно! Посмотрите, ваше сіятельство, съ какою аттенціею дѣлаются построенія».

Графъ, послѣ ученія на плацу, обнялъ меня и сказалъ:

— «Ты у меня не только хорошій хозяинъ, но и мастеръ фронтоваго дѣла. Государю скажу. Я отъ него ничего не скрываю».

Графъ обѣдалъ у меня; былъ съ визитомъ у жены моей и подарилъ обоимъ намъ особое свое расположеніе. На жену мою возложилъ ввести въ городѣ веселости и оживить духъ города,

---

[1]) Сквозь чернила, зачеркнутую строку можно разобрать такъ: «общее было счастье, что графъ не зналъ двухъ вещей, которыя онъ болѣе всего требовалъ, это фронта, картографіи (?). Клейнмихель суфлировалъ ему въ обоихъ случаяхъ». Достойно замѣчанія, что даже замѣтки свои о Клейнмихелѣ и его пособничествѣ Аракчееву Маевскій тщательно повычеркивалъ. Ред.

который получалъ что-то мрачное. Мы дали ему вечеръ. Онъ былъ восхищенъ, сказавъ, что онъ въ жизнь свою не имѣлъ пріятнѣе этого дня и что онъ въ Старой Руссѣ оживаетъ и перенесетъ сюда свою резиденцію......... Онъ хотѣлъ завесть тамъ сѣрныя ванны и привлечь туда всю Россію. Чтобъ оказать вниманіе къ столь высокому посѣтителю, я спросилъ его:

— Кого ему угодно будетъ видѣть у меня гостей?

— «По мнѣ, кого хочешь,» отвѣчалъ графъ: «я и съ волками уживусь».

Обхожденіе графа было по большой части грубое, дерзкое; оно было нестерпимое. Но онъ, отъ недостатка образованія и отъ излишка счастія и власти, вовсе того не примѣчалъ. Напротивъ, всегда думалъ, когда онъ кого бранитъ, то это значитъ— учитъ. Посему онъ всякому, кого онъ бранилъ, говаривалъ:

— «Ты мнѣ долженъ быть благодаренъ за это, ибо я тебя учу добру. Слушайся только меня и дѣлай такъ, какъ я приказываю, ты будешь счастливый человѣкъ».

Графъ всегда противорѣчилъ самому себѣ: письменно приказываетъ, какъ государственный человѣкъ, а словесно велитъ дѣлать, какъ деспотъ. Кто его послушаетъ, онъ самъ же послѣ отречется и надѣлаетъ тьму непріятностей; не послушаться же графа— значитъ быть уже безъ вины преступникомъ. Когда одинъ разъ былъ онъ недоволенъ (а это бывало у него въ часъ по 10-ти разъ), онъ началъ мнѣ говорить:

— «Когда бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я не то бы сдѣлалъ: я сдѣлалъ бы то-то и то-то».

Я зналъ, что графу хочется ввести меня въ грубую ошибку, выставить ее предъ царемъ и потомъ, въ видѣ милости, простить. Я ему отвѣчалъ: «Ежели ваше сіятельство письменно прикажите мнѣ обрить митрополита, я не остановлюсь ни на одну минуту; но ежели дадите приказаніе подъ рукою, я ничего исполнить не осмѣлюсь: ибо послѣ сами же, ваше сіятельство, повторите любимую вашу пословицу: «что вы не Богъ, а человѣкъ», и что вы легко могли ошибиться. Но я, какъ мѣстный начальникъ, долженъ былъ все сообразить и не поступать противъ разсудка».

. . . .

Ежели кого онъ бранитъ и тотъ послѣ признается въ небывалой винѣ и проситъ у графа прощенія, того онъ называетъ

«умнымъ и славнымъ человѣкомъ». Но бѣда, кто споритъ, бѣда, кто дастъ себѣ сѣсть и на шею! Тутъ надобно среднее искусство: «лисій хвостъ и волчій ротъ», какъ говоритъ пословица.

Характера этого довольно бы было для того, чтобъ въ графѣ видѣть Аракчеева. Но это было бы еще простительно въ частности. Но онъ въ цѣломъ разрушалъ цѣлое. Напримѣръ, въ малороссійскомъ баталіонѣ, при 2,000 поселянахъ, началъ бранить начальниковъ безъ всякой вины, и, обращаясь къ поселянамъ, говорилъ имъ: «видите, какъ я съ ними поступаю [1])? Ежели бы не я, у васъ давно бы гнили спины отъ палокъ; молите Бога за меня. Не слушайте ихъ и пишите обо всемъ ко мнѣ—я вашъ покровитель! Но когда меня не станетъ, тогда вы меня вспомните и не разъ кулакомъ утрете слезы».

Между тѣмъ, требуетъ отъ начальниковъ порядка и исполненія до деспотизма, и за проступки поселянъ часто подвергаетъ ихъ аресту. Такое вѣроломство во всякой другой націи произвело бы бунтъ и несчастіе. Графъ какъ-будто поклялся ставить одного противъ другаго и съ намѣреніемъ всегда искалъ просителей, чтобы, по его мнѣнію, знать все и истреблять злоупотребленія, упирая въ глаза, что отъ него ничего не скроется. Жалобы эти не касались до маленькихъ властей, а относились къ высшей, и слѣдовательно, жаловались ему — на него. И графъ обыкновенно оканчивалъ ихъ наказаніемъ самаго просителя. Въ другой разъ графъ бранилъ генерала Чеодаева до того, что у него отъ слезъ сдѣлались сильнѣйшія судороги. Поступокъ этотъ былъ въ присутствіи цѣлой бригады. Я подошелъ къ нему и говорю:

— «Ваше сіятельство, генералъ Чеодаевъ, полагая, что вы на него прогнѣваны, плачетъ, какъ ребенокъ. Утѣшьте его хоть немного!»

Графъ: «Это ваше дѣло. Вѣдь я его учу не къ злу, а къ добру. Вы бы ему растолковали, что графъ—милостивый и справедливый начальникъ и желаетъ вамъ же добра, а потому и учитъ.

---

[1]) Одинъ день, говоря со мною о хозяйствѣ, вывелъ меня изъ кабинета къ представлявшимся офицерамъ. Вотъ чѣмъ онъ началъ: «послушайте вашего генерала..... Ежели бы я его слушалъ, то-бъ пропали вы и все ваше поселеніе. Я знаю армейскую вашу привычку: вы всѣ любите воровать и брать взятки; ты не возьмешь, такъ возметъ твоя жена» и т. д. Вотъ характеръ великаго человѣка. С. М.

Но ежели онъ считаетъ это обидою, такъ онъ ошибается. Я бонжурить не умѣю, по-французски не знаю, комплиментовъ не терплю, учился на мѣдныя деньги, а взыскиваю и говорю съ вами, какъ умѣю. За это надобно не сердиться, но благодарить меня».

Я извинялъ Чеодаева новостію и непривычкою къ здѣшней службѣ (или лучше, къ здѣшнему обращенію).

— «То-то», подхватилъ графъ: «у васъ въ арміи гладютъ васъ по головкѣ; вы тамъ все бонжурите, да играете вмѣстѣ въ бостонъ, офицеры тоже; а я этого не люблю, да и тебѣ строго запрещаю».

Графъ, успокоившись, сѣлъ въ мои дрожки. Чтобъ возвратить его къ себѣ, я говорю:

— Съ вашимъ сіятельствомъ гораздо легче работать, чѣмъ съ Петромъ Андреевичемъ (Клейнмихелемъ). Мы осмотрѣли уже три роты, а онъ смотритъ еще одну.

Графъ: «Ну, вѣдь, онъ дѣлаетъ не по вашему, а все аккуратно».

— Ваше сіятельство, вы еще больше не пропускали ничего (смотрѣли и бранились) и уже давно кончили.

Графъ: «Ну, я болѣе его сдѣлалъ навыкъ»...

— Надобно отдать справедливость нашимъ поселянамъ; извольте посмотрѣть, съ какимъ они духомъ идутъ поротно.

Графъ: «А ты думаешь, ты это сдѣлалъ? Нѣтъ я» и т. д., и т. д.

— Я ничего не беру на себя; но чтобы умѣть исполнять и собственно волю вашу, на это нуженъ нѣкоторый умъ.

Графъ далѣе говоритъ: «Государь пожаловалъ тебѣ 3,000 руб. и я прислалъ ихъ тебѣ по эстафетѣ, а ты пишешь, что тебѣ даны въ долгъ. Перепиши свою бумагу. Государь тотчасъ догадается и прогнѣвается».

— Послѣ тѣхъ милостей, которыми государь осыпалъ меня, я не смѣю просить пособія; а если бы попросилъ, то не 3 т., а 10 т. рублей.

Графъ: «А 10 т. государь тебѣ бы не далъ».

— А 3 т. я бы не взялъ.

Тутъ графъ былъ какъ-то любезнѣе, и ни слова болѣе не сказалъ; но перемѣнилъ разговоръ, говоря:

— «Вы думаете, графъ собака, онъ кусаетъ. А ежели бы вы знали, какъ мнѣ часто за чубъ (это его слово) отъ государя достается. Я одинъ разъ осмѣлился сказать государю: «Государь! ежели бы я служилъ чорту и тотъ бы уважалъ меня болѣе!» — Я уже старъ; у меня написанъ уже и прощальный приказъ. Пусть государь изберетъ другаго помоложе и поспособнѣе меня, — помнѣ, хоть тебя. Я уѣду за границу».

— А насъ обрадовалъ слухъ, что государь жалуетъ васъ новгородскимъ княземъ.

Графъ: «А на что мнѣ это? Ежели бы это увеличило мою жизнь или ввело въ царство небесное, тогда было бы хорошо; но это ни къ чему не ведетъ. Отъ этого я не буду ни святѣе, ни счастливѣе; мнѣ эти титлы не нужны. (Потомъ продолжалъ): У тебя, пока-што, идетъ хорошо. Богъ тебя знаетъ, можетъ, ты и атеистъ; но я не проникаю ни въ чью душу, а наружнымъ твоимъ поведеніемъ доволенъ. Едва ты написалъ письмо ко мнѣ, я туже минуту поѣхалъ во дворецъ предъ самымъ выѣздомъ уже государя, и онъ велѣлъ пожаловать тебѣ 3,000 рублей. Видишь, какъ государь тебя любитъ!»

Служа и живя съ такимъ начальникомъ, какъ графъ, у котораго по-утру одно, а въ полдень другое расположеніе и наоборотъ, нельзя похвастать равнодушіемъ мудреца и спокойствіемъ духа: они ежеминутно въ трепетномъ, по крайней мѣрѣ, въ горько-нестерпимомъ положеніи. Самый великодушный человѣкъ, подъ эгидою его управленія, сдѣлается раздражителенъ. . . .

. . . .

Онъ отдалъ подъ судъ маіора Сухачева. Я положилъ мое мнѣніе, основанное на истинѣ. Графъ слѣлалъ мнѣ замѣчаніе за слабость мнѣнія; но я въ другой разъ остался при моемъ.

Графъ требовалъ щегольства и издержекъ на украшеніе фронта. Издержки эти, натурально, падали на собственность солдата. Графъ самъ это зналъ и одобрялъ въ тишинѣ кабинета. Но когда невольныя злоупотребленія случайно обнажались, онъ преслѣдовалъ ихъ...... такъ, какъ будто это дѣлалось самопроизвольно.

Я по дѣлу Сухачева объяснился съ графомъ, говоря: «ежели обвинять за это Сухачева, то, не разбирая лицъ, надо судить начальниковъ всей арміи и самаго меня. Ибо тѣ тысячи, кото-

рыя употребляются на украшенія, равно вездѣ падаютъ на собственность солдата, подъ скрытыми, но допущенными видами».

Графъ мнѣ на сіе отвѣчалъ:

— «Я и самъ твоего мнѣнія. Но пока оно негласно, мнѣ нѣтъ дѣла до того».

Слѣдовательно, графъ держался пословицы Ваньки-Каина: «воруй, да не попадайся».

. . . .

Графъ возложилъ на меня составить проэктъ для промышленниковъ-поселянъ. Я сдѣлалъ его, сообразно съ государственнымъ постановленіемъ, приспособивъ его къ званію поселянъ и къ мѣстнымъ необходимостямъ, способствовавшимъ имъ и отправлять свои обязанности, и заниматься съ выгодною промышленностью, обогащавшею край. Графъ былъ другого мнѣнія. Боясь разсѣянности поселянъ и толковъ ихъ, и наоборотъ, онъ хотѣлъ сжать весь кругъ ихъ промышленности въ кругу одной Старой Руссы, сдѣлавъ купцовъ ея монополистами; привязывая всѣми способами купцовъ, полагалъ торжествомъ и то, что они не оставили города. Но я воспротивился его мнѣнію, утверждая, что выгода поселянина-хлѣбопашца есть первостепенная, выгода купца— есть второстепенная. Довольно для него (поселянина), говорилъ я, когда перекупщикъ, получая рубль на рубль барыша, не стѣсняетъ производителя и не лишаетъ его охоты къ трудамъ и умноженію произведеній земли.

Когда графъ упрекалъ меня, что я не хочу споспѣшествовать ему, я сказалъ: . . . .

— Ваше сіятельсто требовали моего мнѣнія, я изложилъ его. За мнѣніе никто не сердится: оно есть свидѣтельство или истины, или ошибки. Высокіе умы принимаютъ только полезное и отбрасываютъ излишнее.

— «Но я не хочу», подхватилъ графъ, «чтобъ поселяне были купцами и заражались другими мнѣніями. Знаешь-ли ты», продолжалъ онъ, «что ничего нѣтъ опаснѣе богатаго поселянина? Онъ тотчасъ возмечтаетъ о свободѣ и не захочетъ быть поселяниномъ. Да и кто же изъ свободы пойдетъ въ неволю?... Я не вѣрю ихъ чувствованіямъ и увѣреніямъ».

— Такъ всего лучше, сказалъ я, не писать положенія о про-

мышленности, гдѣ тѣнь свободы покрываетъ яркими красками всю картину невольничества.

— «Вы всѣ филантропы, у васъ вездѣ свое, а я хочу вести по моему».

. . . .

Я долженъ, впрочемъ, признаться, что я обязанъ графу точностію идей моихъ и глубокимъ изслѣдованіемъ самаго себя. Графу нельзя написать того, чего нельзя доказать анализами; а эту науку пріобрѣлъ я, служа только съ графомъ. Боясь говорить поверхностно, я сталъ обнимать основательно, и корень извлеченій моихъ не слабѣе былъ кубическаго корня. Взвѣшивая каждую мысль, даже каждое слово, я видѣлъ самъ, что поверхностное знаніе съ глубокимъ и основательнымъ есть тоже, что мракъ при молніи съ дневнымъ свѣтомъ, при яркихъ лучахъ солнца. Графъ подалъ мнѣ первую о семъ мысль двумя родами: первый былъ тотъ, что онъ кучу моихъ предположеній проходитъ со мною самъ и на каждый предметъ требуетъ неопровержимыхъ доказательствъ. Послѣ чего кладетъ рѣшенія собственною рукою, что можно видѣть въ штабѣ Старорусскаго военнаго поселенія; второй—тотъ, что графъ сильнѣе разсматриваетъ безделицы, чѣмъ важныя дѣла. Въ одинъ разъ, когда онъ строго повѣрялъ строевой рапортъ баталіоннаго командира и исписалъ его кругомъ своими замѣчаніями, вотъ что онъ мнѣ сказалъ:

— «Ты скажешь, что графъ занимается такими пустяками посреди важныхъ государственныхъ занятій. А я тебѣ скажу, что я важными никогда такъ не занимаюсь, какъ пустыми. Ибо важнымъ занимается и вполнѣ обработываетъ тотъ, на кого это возложено, а бездѣльнымъ никто не занимается. Но когда я найду и здѣсь ошибку, тогда всѣ скажутъ: ежели графъ занимается и видитъ ошибки въ бездѣлицахъ, то что же онъ увидитъ уже въ важномъ дѣлѣ, которое, конечно, читаетъ онъ съ большимъ напряженіемъ и вниманіемъ?... И ты учись этому и дѣлай такъ, какъ я дѣлаю».

Отчетность въ людяхъ и формы о томъ такъ были перепутаны и неудобопостигаемы, что графъ, отъ дня изданія ихъ, не обращалъ на то вниманія. При излишествѣ требованій, потребовалъ онъ и отъ меня точнаго изъясненія его формамъ. Дѣло это предоставлено было Клейнмихелю, какъ созидателю формъ, и онъ

самъ увидѣлъ спутанность, затруднявшую собственное его понятіе. Итакъ, формы перемѣнили по моему.

Графъ имѣлъ злую привычку, минуя начальника, обращаться непосредственно къ его подчиненнымъ. Адъютанту моему прислалъ онъ собственноручное повелѣніе, требуя отвѣта въ его дѣйствіи. Адъютантъ, въ испугѣ, принесъ эту бумагу и, по словамъ моимъ, отвѣчалъ, что онъ только исполнитель, но что все пишу и дѣйствую я. Графъ, увидѣвши меня, говоритъ:

— «Для чего ты по моему предписанію все принялъ на себя? Чтобъ скрыть адъютанта? Я этого не люблю. Это—значитъ потворить и баловать подчиненныхъ. Ты бы сказалъ, когда графъ находитъ тебя виноватымъ, то ты ужъ долженъ быть виноватъ».

— Ваше сіятельство! Такой способъ выведетъ только подчиненныхъ изъ подчиненности, и когда я буду что приказывать, то никто меня не послушается, не зная, худо-ли, хорошо-ли это дѣлается. Я и такъ едва успѣлъ покорить общій отзывъ: «я не смѣю, графъ за это меня арестуетъ». Ежели мой подчиненный будетъ дѣлить себя между исполненіемъ моего приказанія и отвѣтомъ за то предъ вами, то всякій будетъ уже въ зависимости вашей, а не моей. И что тогда будетъ съ лицомъ, на которое падаетъ общая отвѣтственность? . . . .

Графъ три раза велѣлъ мнѣ упущенное исправить на счетъ баталіонныхъ командировъ. Я взялъ вину на себя, ибо ее не было, и заплатилъ 300 рублей. Графъ почувствовалъ несправедливость, и деньги приказалъ мнѣ возвратить.

Всѣ мои письма графъ читалъ государю. Въ одномъ отвѣтѣ, графъ мнѣ писалъ: «и государь изволилъ замѣтить, что ты теперь въ лучшемъ расположеніи духа».

Графъ терпѣть не могъ похвалъ и наградъ; я и того, и другаго домогался.

Графъ говоритъ:

— «Не хвали ты мнѣ никого: я и самъ знаю, кого и чѣмъ наградить».

— Ваше сіятельство, ежели бы я былъ вельможа, какъ вы, тогда бы одного моего слова, одной улыбки довольно было составить ихъ счастіе; но какъ я простой генералъ, то мнѣ надобно показать всю мою признательность, чтобы подвигнуть лю-

дей къ безкорыстному дѣйствію и неимовѣрнымъ трудамъ, успѣху которыхъ сами вы отдаете справедливость.

Графъ: «Ну, съ этимъ я согласенъ. Да я уже и такъ произвелъ трехъ твоихъ капитановъ въ маіоры, чего я другимъ не дѣлаю». (Графъ никогда не производилъ капитановъ въ маіоры, чтобы не было лишнихъ штабъ-офицеровъ и чтобъ они не выбыли въ армію и тѣмъ избавились-бы отъ ужасовъ поселенія).

Графъ хотя и не хотѣлъ, не могъ не отдать справедливости Старорусскому поселенію. Оно въ полтора года, какъ-будто волшебною силою, сотворилось въ прелестнѣйшемъ видѣ. Всѣ его части имѣли полный видъ совершенства. А что всего важнѣе, не стоивъ казнѣ ни копѣйки, составило собственно своего капитала до 6-ти милліоновъ, разумѣя съ запасами хлѣба и съ продовольствіемъ отъ себя поселенныхъ солдатъ.

Въ концѣ 1824 года графъ возложилъ на меня устроить Старорусскую флотилію. Я сдѣлалъ смѣту однимъ деревяннымъ матеріаламъ, и сумма далеко была ниже той, которая выдавалась въ Новгородѣ. Но экономическій комитетъ требовалъ, чтобъ я на эту же сумму сдѣлалъ и такелажъ. Знавши пословицу графскую: «гдѣ рука (подпись), тамъ и голова (отвѣтъ)», я писалъ ему: «Вашему сіятельству угодно было сдѣлать меня пѣхотнымъ адмираломъ. Я умѣлъ прежде строить однѣ только пѣхотныя колонны, а теперь строю уже и флотилію. Со всѣмъ добрымъ намѣреніемъ и остатками экономіи, меня заставляютъ дѣлать то, чего я на себя не бралъ. Ежели я, по твердости правила, долженъ буду приплатить отъ себя 3 — 4 т. рублей, то это неслишкомъ лестная награда за минутное званіе адмирала и безкорыстіе, которое доказывается уменьшенною на суда цѣною» [1]). Графъ былъ столько внимателенъ, что отмѣнилъ прежнее приказаніе комитету. ....

Въ это же почти время графъ привезъ съ собою положеніе для Старорусскаго экономическаго комитета и, отдавая мнѣ, сказалъ:

---

[1]) Надобно и здѣсь примѣтить, что мысль о постройкѣ флотиліи я первый сообщилъ графу (см. мое донесеніе). Но графъ принялъ это худо, а особенно выраженіе объ опасности, которой я, въ семъ случаѣ, подвергался и велѣлъ актъ сей совершенно уничтожить. Но онъ остался въ книгѣ исходящаго журнала; а флотилія построена вслѣдъ за уничтоженіемъ акта! С. М.

— «Прочитай его хорошенько и подпиши, когда въ немъ нѣтъ противнаго: ты знаешъ, гдѣ рука, тамъ и голова. Да не сдѣлай такъ, какъ сдѣлалъ П. А. Угрюмовъ.» — И, обратясь съ усмѣшкою къ Клейнмихелю, спросилъ: «какъ-бишь, сказалъ П. А?»

Клейнмихель: «Когда я отдалъ ему бумаги и именемъ вашимъ приказалъ разсмотрѣть ихъ, исправить сообразно мѣстности и потомъ подписать, тогда онъ взялъ перо и, не читая, подписалъ. Я требовалъ, чтобъ онъ прочелъ то, что подписываетъ; но Угрюмовъ отвѣчалъ: когда графъ что обдумалъ и подписалъ, то оно уже очень хорошо. И какъ бы я ни выдумывалъ, лучше графа не выдумаю».

Графъ (обращаясь къ Клейнмихелю съ самодовольною улыбкою): «Петръ Адреевичъ! хорошо за нами жить. Онъ только спитъ, да куритъ трубку и играетъ въ бостонъ. А мы за него трудимся; а онъ за насъ получаетъ всякой годъ награду за наградою. Я, впрочемъ, имъ доволенъ: онъ добрый и честный человѣкъ, дѣлаетъ то, что велятъ, и не умничаетъ. Его и государь за то любитъ.»

Я (зная, что это идетъ о наставленіи меня): Я завидую участи П. А. Угрюмова и желалъ бы имѣть его характеръ и счастіе.

Графъ: «Нѣтъ, ты совсѣмъ другое: ты можешь работать самъ безъ помощи другихъ. Но въ тебѣ то не хорошо, что ты все берешь на себя. Нѣтъ, братъ, я всѣ твои письма ко мнѣ велѣлъ переплесть въ аглицкой переплетъ и поставить на полку въ библіотекѣ главнаго штаба. Если и меня не будетъ, то П. А. (Клейнмихель) обнаружитъ тебя, что ты учился у меня; а если ты мнѣ льстишь, такъ это непростительно тебѣ.»

— Я писалъ, говорилъ и говорю, что я и знаніемъ моимъ дѣлъ военнаго поселенія, и счастливымъ успѣхомъ обязанъ однимъ вамъ. Повторять это предъ лицомъ свѣта считаю данью чувствъ, а не лести. Да кто бы и повѣрилъ мнѣ, что я могу что-либо начать, продолжать и исполнять безъ наставленія вашего сіятельства? . . . .

Графъ успокоился и принялъ обыкновенный тонъ.

Но вслѣдъ за его выѣздомъ, мнѣ нужно было начать новыя и довольно смѣлыя дѣйствія. Отправляя къ графу адъютанта моего—Яковлева въ С.-Петербургъ, для познанія порядка дѣлъ графскаго штаба, что графъ любилъ показывать и наставлять,—

я писалъ къ графу: «Всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я пріобрѣлъ въ кабинетѣ вашего сіятельства, подъ непосредственнымъ руководствомъ вашего сіятельства, составляли науку и алфавитъ моихъ дѣйствій по сей день. Теперь наступаетъ новый періодъ дѣйствій; но я совершенный рекрутъ въ нихъ. Ваше сіятельство! по примѣру прошедшаго, не лишите меня новымъ запасомъ наставленій и вразумленія» . . . .

Наканунѣ почти 1825 г. графъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ онъ говорилъ, чтобы избѣжать придворнаго этикета и поздравленій, отъ которыхъ онъ не можетъ укрыться и въ своемъ Грузинѣ, куда пріѣзжаютъ съ поздравленіями къ нему первыя лица въ государствѣ.

— «Сюда», говоритъ графъ, «далеко, и никто, слава Богу, не пріѣдетъ. Эти визиты мнѣ наскучили и, кромѣ тягости, отнимаютъ много времени у дѣлъ. А здѣсь мы съ тобою пообработаемъ остальныя наши дѣла» [1]).

Дѣло шло о разсортированіи неимущихъ семействъ.

Графъ по опыту узналъ, что бобыли, ни къ чему неспособные, обремѣняютъ только поселеніе. И потому, отдѣливъ больныхъ и увѣчныхъ въ мѣстную больницу, остальныхъ выслалъ въ гражданское вѣдомство, гдѣ они, войдя опять въ разрядъ своего класса людей, платили бы подати или, лучше, другіе платили бы за нихъ. Казалось-бы 3-хъ часовъ довольно и дѣло бы кончено. Нѣтъ, мы провозились отъ 7-ми до 10-ти дней [2]). Графъ, кончивъ разборъ семействъ, хотѣлъ отправить ихъ такъ, чтобы это и поселянъ не растраивало, и казну не обремепяло. Вотъ его средство: онъ вздумалъ увѣрять меня, что я ему это обѣщалъ. Я отказывался, а онъ сильно въ томъ настаивалъ. Отправить ихъ было не трудно; но исполненіе безъ его предписанія повело бы меня въ выисканный отвѣтъ. . . . .

— Вашему сіятельству нѣтъ надобности въ моихъ средствахъ. Ваше предписаніе есть одно мое средство.

Графъ (гнѣвно): «Какъ же ты мнѣ сказалъ вотъ здѣсь (указывая на мѣсто), что ты самъ ихъ перевезешь, и это ничего не будетъ стоить? Меня и самаго это очень удивило».

---

[1]) Но представьте себѣ, ежели ему тяжелы посѣщенія покорности, униженія, почести и лести, то каковъ же долженъ былъ быть мой новый годъ!

С. М.

[2]) Далѣе чернилами затерты три параграфа (18 строкъ), возстановить которые въ подлинности невозможно. Изъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, сквозящихъ сквозь темный покровъ, фразъ можно заключить, что Маевскій описываетъ педантизмъ гр. Аракчеева во время работъ и страсть его говорить при этомъ преимущественно о себѣ, что, разумѣется, уносило почти все время. Примѣчаніе, написанное авторомъ сбоку, также зачеркнуто. Вотъ оно: «Онъ любилъ разсказывать, какъ онъ вошелъ въ корпусъ, какъ высѣкъ кадета, какъ билъ Булатова, какъ мать его, по мановенію отца, бѣгивала въ подвалъ и какъ государь хотѣлъ наградить ее, за его заслуги, статсъ-дамою; какъ былъ принятъ Павломъ I и какъ терпѣлъ отъ бѣдности и ненависти». Ред.

— Чтобы я перевелъ ихъ на свой счетъ за 250 верстъ съ полнымъ продовольствіемъ, ваше сіятельство сами того не захотите; но перевезть ихъ можно на обывательскихъ подводахъ, съ отпускомъ жизненныхъ припасовъ изъ запасныхъ нашихъ магазиновъ, ибо 1,000 чел. обоего пола, а особливо калѣкъ и дѣтей, перевезть приватными средствами приватнаго человѣка— это не только невозможно, но и неудобопостижимо.

Графъ: «Твое хвастовство самаго меня удивило. Я все полагалъ, что ты духъ и что для тебя все возможно. Нѣтъ, братъ, передо мною нельзя лгать и хвастать: у меня ухо и память хороши. Я если разъ что услышу, то никогда не забуду».

Въ это же время было у насъ другое смѣшное происшествіе. Графъ возложилъ на меня планъ огромной и, можно сказать, не бывалой перевозки плиты изъ Устрика въ Русу. Бѣдные способы 1-й дивизіи дѣлали операцію сію неудобовозможною. Я написалъ планъ, графъ утвердилъ (прибавилъ оболочку)—и дѣйствія превзошли ожиданія (см. приказъ по отряду). Операція должна была начаться съ 15-го декабря и кончиться по 15-е марта, разумѣя весь зимній путь; но она кончилась по 1-е января. Графъ, проѣзжая мѣсто перевозки и видя, что она кончилась 2½ мѣсяцами прежде, требуетъ, чтобы я всѣхъ баталіонныхъ командировъ отдалъ подъ судъ за неисполненіе, или ближе, за отступленіе отъ печатнаго его приказа.

— Ваше сіятельство, предоставивъ мнѣ распоряженіе и дѣйствіе, можете обвинять только одного меня. Скорость произошла вотъ отчего: каждый баталіонъ разсчиталъ перевозку по числу хозяевъ, а каждый хозяинъ, чтобы скорѣе ее кончить, вмѣсто однихъ саней, взялъ 5—6, судя по числу его лошадей. Итакъ, вмѣсто 1,000, выходило вдругъ 5—6 т. подводъ. Перевозка кончена во-время, люди свободны и могутъ заняться другими работами, а слѣдовательно и выгодами. Время выиграно, а стужа и распутица не пугаютъ.

Графъ: «Но для чего ты не упредилъ меня объ этомъ? Я бы далъ другое предписаніе, сообразное съ мѣстными возможностями».

— Я зналъ скорый пріѣздъ вашъ и думалъ объяснить все это лично.

Графъ: «То-то, ты все спѣшишь. А ты знаешь, что я люблю, чтобъ приказы мои исполнялись буквально».

(Окончаніе слѣдуетъ).

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа.

1761 г.

«Помѣщаемое здѣсь произведеніе великаго русскаго писателя, которое онъ самъ озаглавилъ: «О сохраненіи и размноженіи народа», было напечатано нѣсколько разъ: В. Олинъ помѣстилъ его въ «Журналѣ древней и новой словесности» 1819 года, часть V, мартъ, № 6, стр. 52—78; потомъ г. Погодинъ издалъ его въ «Москвитянинѣ» 1842 года, № 1, стр. 126—143, съ примѣчаніемъ: «подлинность этого разсужденія засвидѣтельствована Россійскою Академіею; отрывокъ изъ него, именно оглавленіе другихъ предположенныхъ Ломоносовымъ сочиненій, найденъ г. Ѳедоровымъ въ собственноручномъ подлинникѣ Ломоносова». Въ изданіе Смирдина—Сочиненій Ломоносова, томъ I, стр. 631—654, разсужденіе это перешло въ томъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано въ «Москвитянинѣ».

«Надобно думать, что названные издатели имѣли въ своемъ распоряженіи неполные или плохіе списки «Разсужденія», такъ какъ, при сравненіи текста изданій, оказываются между ними разнорѣчія и неполноты. Въ «Библіографическихъ запискахъ» 1859 г., № 11, стр. 345—348, въ статьѣ: «Матеріалъ для будущаго издателя сочиненій Ломоносова» сдѣланы дополненія къ прежде изданному тексту «Разсужденія». Въ матеріалахъ для біографіи Ломоносова, изд. Билярскимъ, есть выписки изъ протоколовъ бывшей Россійской Академіи, касающіяся того же «Разсужденія». Редакція «Русской Старины» получила въ свое распоряженіе списокъ его съ такими же выписками, которыя сочла нужнымъ помѣстить въ началѣ для бóльшей достовѣрности въ несомнѣнной принадлежности этого произведенія Ломоносову. Что касается до самого письма, то оно, будучи написано за 110 лѣтъ до нашего (1871 г.) времени, само собою разумѣется, изображаетъ много такихъ чертъ, которыя уже не встрѣчаются болѣе въ наши времена; независимо отъ того, всякая строка такого дѣятеля въ нашей исторіи, какъ Ломоносовъ, должна быть старательно сохраняема въ позднѣйшемъ потомствѣ. Кромѣ того, нельзя не признать, что статья изобилуетъ достоинствами въ литературномъ отношеніи,—и редакція «Русской Старины» смѣетъ думать, что оказываетъ услугу русской литературѣ помѣщеніемъ произведенія Ломоносова по списку, болѣе исправному, чѣмъ тѣ, съ которыхъ оно печаталось прежде».

Приведенныя строки принадлежатъ перу академика П. П. Пекарскаго († 1872 г.), который въ 1871 году доставилъ намъ вмѣстѣ съ ними: «Выписку изъ журналовъ Императорской Россійской Академіи 1836 г.» и «списокъ письма Ломоносова 1761 г.» [1]). Мы тогда же предполагали помѣстить интересное сообщеніе нынѣ покойнаго академика, какъ вдругъ въ III-мъ выпускѣ «Бесѣдъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности», вслѣдъ за тѣмъ въ томъ-же 1871 г. вышедшемъ въ Москвѣ, нашли, что Н. С. Тихонравовъ помѣстилъ это самое письмо Ломоносова, по другому, нѣсколько отличающемуся отъ академическаго, списку [2]).

Пріостановившись въ то время изданіемъ сообщенія г. Пекарскаго, мы, печатаемъ его нынѣ, какъ во вниманіе къ важности настоящаго документа, такъ и потому, что «Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійкой Словесности»,— изданіе, впрочемъ, для исторіи отечественной словесности хотя и весьма полезное,—но къ сожалѣнію чрезвычайно мало вѣстны публикѣ.

Печатаемъ письмо Ломоносова вмѣстѣ съ помянутою «Выпискою изъ журналовъ Россійской Академіи». Замѣтимъ при этомъ, что мы сочли нужнымъ сохранить неприкосновенною орѳографію Ломоносова, по скольку она соблюдена академическимъ спискомъ, не исправляя даже описокъ. Измѣнять характеристическія особенности письма Ломоносова было бы грѣшно. **Ред.**

Выписки изъ журналовъ Императорской Россійской Академіи.

Мая 2-го дня 1836 года.

«Статья 4-я. Непремѣнный секретарь читалъ принадлежащую ему копію съ письма Ломоносова къ Ивану Ивановичу Шувалову отъ 1-го ноября 1761 года о разныхъ предметахъ государственной экономіи, объяснивъ при томъ, что рукопись эту, однако же неподлинную, онъ получилъ слишкомъ за 40 лѣтъ до сего, что она нигдѣ не напечатана, кромѣ издаваемаго г. Оленинымъ [3]) журнала, подъ названіемъ: «Древней и Новой Словесности», но въ искаженномъ видѣ, и что онъ, непремѣнный секретарь, жертвуя Академіи сею бумагою, не ручается за то, чтобы письмо это писано было дѣйствительно Ломоносовымъ. По прочтеніи, собраніе нашло, что письмо могло быть дѣйствительно произведеніемъ Ломоносова, ибо въ немъ ясно видѣнъ слогъ его; а поелику оно содержитъ въ себѣ предметъ великой важности и оставалось до сего времени въ неизвѣстности, то для сохраненія онаго отъ совершеннаго забвенія, для чести безсмертнаго нашего писателя, тѣмъ болѣе достойнаго памяти, что нѣкоторыя изъ мыслей его, изображенныхъ въ семъ письмѣ, приведены были въ исполненіе Великою Екатериною,—

«Опредѣлено: съ представленной непремѣннымъ секретаремъ копіи, снявъ два списка хорошею рукою, хранить ихъ въ Академіи въ библіотекѣ, а приносителю изъявить благодарность».

---

[1]) Тетрадь въ бумажномъ переплетѣ въ 4-ю д. 76 стр., четкаго письма, безъ малѣйшей помарки. **Ред.**

[2]) Отличія эти состоятъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. **Ред.**

[3]) Въ подлинномъ протоколѣ Академіи сказано «Оленинъ», но это описка, надо читать Олинъ, какъ и значиться въ академическомъ спискѣ того-же протокола. **Ред.**

Мая 16-го.

Статья 9-я. Членъ академіи Б. М. Θедоровъ представилъ снимокъ съ собственноручной записки М. В. Ломоносова, въ которой записаны слѣдующіе предметы:

«1) О сохраненіи и размноженіи народа.

«2) О истребленіи праздности.

«3) О исправленіи нравовъ и о просвѣщеніи.

«4) О умноженіи внутренняго изобилія.

«5) О купечествѣ, особливо со внѣшними народами.

«6) О ремесленныхъ дѣлахъ и художествахъ.

«7) О Государственной Еканоміи.

«8) О сохраненіи военнаго искусства и храбрости во время долговременнаго мира.

«Оріентальная Академія.

«О лѣсахъ.

«Економическая Географія.

«Олимпическія игры.

«Истребленіе Раскола.

«Економическая Ланкарта.

«Праздность показать: по мѣстамъ и по персонамъ, и по временамъ. Мужъ мѣльницу не здѣлаетъ а жена весь день мелетъ».

Сія собственноручная записка выводитъ изъ всякаго сомнѣнія достовѣрность сочиненія Ломоносова, читаннаго въ собраніи 2-го мая сего года (статья 4).

Собраніе, принявъ съ благодарностью къ г. Θедорову доставленіе столь важнаго акта,—опредѣлило: снимокъ съ записки Ломоносова приложить къ рукописному его сочиненію» [1]).

Письмо М. В. Ломоносова къ И. И. Шувалову.

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Разбирая свои сочиненія, нашелъ я старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общей пользы. По разсмотрѣніи разсудилось мнѣ за благо пространнѣе и обстоятельнѣе сообщить ихъ Вашему Высокопревосходительству, яко истинному рачителю о всякомъ добрѣ любезнаго Отечества, въ упованіи (что), можетъ быть, найдется въ нихъ что-нибудь къ дѣйствительному поправленію Россійскаго свѣта служащее, что Вашимъ проницательствомъ и раченіемъ разобрано, расположено и къ подлинному исполненію приве-

[1]) Согласно сему точный списокъ съ собственноручной записки М. В. Ломоносова приложенъ къ академическому списку письма его къ И. И. Шувалову, 1761 г. **Ред.**

дено быть можетъ. Всѣ оныя по разнымъ временамъ замѣченныя порознь мысли подведены быть могутъ, какъ мнѣ кажется, подъ слѣдующія главы:

1) О размноженіи и сохраненіи Россійкаго народа.

2) О истребленіи праздности.

3) О исправленіи нравовъ и о большомъ народа просвѣщеніи.

4) О исправленіи земледѣлія.

5) О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.

6) О лучшихъ пользахъ купечества.

7) О лучшей Государственной Экономіи.

8) О сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира.

Сіи толь важныя главы требуютъ глубокаго разсужденія, долговременнаго въ Государственныхъ дѣлахъ искусства къ изъясненію и предосторожной силы къ произведенію въ дѣйство.

И такъ, М. Г., извините мою дерзость, что, не имѣя къ тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени, только изъ усердія, которое мнѣ непозволяетъ ничего (хотя бы только и повидимому) полезнаго обществу оставить подъ спудомъ. Начало сего полагаю самымъ главнымъ дѣломъ: сохраненіемъ и размноженіемъ Россійскаго народа, въ чемъ состоитъ величество, могущество и богатство всего Государства, а не въ обширности тщетной безъ обитателей. Божественное дѣло и милосердыя и человѣколюбивыя нашея Монархини кроткаго сердца достойное дѣло, избавлять подданныхъ отъ смерти, хотя бы иные по законамъ и достойны были. Сіе помилованіе есть явное и прямо зависящее отъ Ея материнскія Высочайшія воли и повелѣнія. Но много есть человѣкоубивства и еще самоубивства, народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія, или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ и еще нѣкоторыхъ подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, истребить невозможно.

1) Въ обычай вошло во многихъ Россійскихъ предѣлахъ, а особливо по деревнямъ, что малыхъ ребятъ, къ супружеской должности неспособныхъ, женятъ на дѣвкахъ взрослыхъ, и часто жена могла бы по лѣтамъ быть матерью своего мужа. Сему съ натурою спорному поведенію слѣдуютъ худыя обстоятельства: слезныя приключенія и рода человѣческаго приращенію вредныя душегубства. Первыя послѣ женитьбы лѣта проходятъ безплодны, слѣдовательно, такое супружество не супружество и сверхъ того вредно размноженію народа, затѣмъ, что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить нѣсколько дѣтей обществу. Мальчикъ побуждаемъ будучи отъ

задорной взрослой жены усиливаніемъ себя прежде времени, портитъ и впредь въ свою пору къ дѣтородію не будетъ довольно способенъ, а когда достигнетъ въ мужескій возрастъ, то жена скоро выдетъ изъ тѣхъ лѣтъ, въ кои къ дѣтородію была способнѣе. Хотяжъ она и въ малолѣтство мужнее можетъ обрюхатѣть непозволеннымъ образомъ, однако боясь безславія и отъ мужнихъ родителей попрёку и побоевъ, легко можетъ поступить на дѣтоубивство еще въ своей утробѣ. Довольно есть и такихъ примѣровъ, что гнушаясь малымъ и глупымъ мужишкомъ, спознавается жена съ другимъ, и чтобъ за него выдти, мужа своего отравливаетъ, или инако убиваетъ, а послѣ изобличена предается казни. Итакъ сими непорядками еще нерожденные умираютъ и погибаютъ повинные и неповинные. Второе неравенство въ супружествѣ бываетъ, когда мужчина въ престарѣлыхъ лѣтахъ женится на очень молодой дѣвушкѣ, которое хотя и не столь опасно, однако приращенію народа вредно, и хотя не позволенною любовію недостатокъ можетъ быть наполненъ, однако сіе недружелюбія, подозрѣнія, безпокойства и тяжебъ въ наслѣдствѣ и большихъ злоключеній причиною бываетъ. Для сего вредное приумноженію и сохраненію народа неравенство супружества запретить и въ умѣренные предѣлы включить должно. По моему мнѣнію невѣста жениха не должна быть старѣе развѣ только двумя годами, а женихъ старѣе можетъ быть 15-ю лѣтами. Сіе для того, что женщины скорѣе старятся, нежели мужчины, а особливо отъ частой беременности. Женщины родятъ едва далѣе 45 лѣтъ, а мужчины часто и до 60-ти лѣтъ къ плодородію способны: всего сходнѣе, ежели мужъ жены старѣе отъ 7 до 10 лѣтъ. Хотяжъ по деревнямъ и показываютъ причины, что женятъ малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустошь, затѣмъ что ежели кто семью малую, а много пашенъ, или скота имѣетъ, тотъ наймуй работниковъ, прими третьщиковъ или половиньщиковъ, или продай излишнее другому.

2-е) Неравному супружеству много подобно насильное: ибо гдѣ любви нѣтъ, ненадежно и плодородіе. Несогласія, споры и драки вредятъ плоду зачатому и нерѣдко бываютъ причиною безвременному и незрѣлому рожденію. Для того должно вѣнчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить, чтобы они услышавъ гдѣ о невольномъ сочетаніи, онаго не допускали и не вѣнчали подъ опасеніемъ лишенія чина. Жениха бы и невѣсту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены въ Церковь къ вѣнчанію, но нѣсколько прежде.

3-е) Хотя больше одной жены вдругъ имѣть въ нашемъ законѣ не позволяется, однако четвертая послѣ третьей смерти въ нашихъ

узаконеніяхъ незаказана, кромѣ того, что нѣкто Арменопулъ, судья Солунской, заказалъ приватно, положась, какъ уповаю, на слова Назіанзиновы: „первый бракъ — законъ, вторый — прощеніе, третій — пребеззаконіе". Но сіе никакими соборными узаконеніями не утверждено затѣмъ что онъ сіе сказалъ какъ ораторъ, какъ проповѣдникъ, а не какъ законодавецъ; и не взирая на слова великаго сего святителя, Церковь Святая третій бракъ благословляетъ, а четвертаго запрещеніе пришло къ намъ изъ Солуня, а не отъ Вселенскихъ соборовъ, или Монаршескихъ и общенародныхъ узаконеній. Сіе обыкновеніе много возпрещаетъ народному приращенію. Много видалъ я вдовцовъ отъ третьей жены около 30-ти лѣтъ своего возраста, и отецъ мой овдовѣлъ въ третій разъ хотя 50-ти лѣтъ, однако еще въ полной своей бодрости и могъ бы еще жениться на четвертой. Мнѣ кажется, было-бъ законамъ не противно, если бы для размноженія народа и для избѣжанія непозволенныхъ плотскихъ смѣшеній, а отъ того и несчастныхъ приключеній, четвертой, а по нуждѣ и пятой бракъ былъ позволенъ, по примѣру другихъ христіанскихъ народовъ. Правда, что иногда не безъ сомнительства бываетъ, всели происходило натурально, когда кто въ третій, и притомъ въ немногіе годы овдовѣетъ, и не былоли какого потаеннаго злодѣйства? Для сего лицо, требующее четвертаго или пятаго брака, должно представить въ свидѣтели сосѣдей, или еще лучше, родственниковъ по первымъ супружествамъ, что въ оныхъ поступки его были незлобны и беззазорны, а у кого окажутся вѣроятные знаки невѣрности, или свирѣпости, а особливо въ двухъ, или во всѣхъ трехъ супружествахъ, тѣмъ лицамъ непозволять четвертаго брака.

4-е) Вошло въ обычай, что натурѣ человѣческой противно, (противно-ли законамъ на соборахъ положеннымъ не помню), что вдовыхъ молодыхъ поповъ и дьяконовъ въ чернцы насильно постригаютъ, чемъ къ грѣху, а не ко спасенью дается поводъ, и приращенію народа немалая отрасль пресѣкается. Смѣшная неосторожность! Не позволяется священнодѣйствовать женясь вторымъ бракомъ законно, честно и благословенно, а въ чернечествѣ блуднику, прелюбодѣю, или еще и мужеложцу Литургію служить и всякія Тайны совершать дается воля. Возможноли подумать, чтобы человѣкъ молодой, живучи въ Монашествѣ, безъ всякой печали, довольствуясь пищами и напитками, и по всему внѣшнему виду здоровой, сильной и тучной, не былъ бы плотскихъ похотей стремленіямъ подверженъ, кои всегда тѣмъ больше усиливаются, чемъ крѣпче запрещаются. Для сихъ причинъ кажется, что молодымъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ надобно позволить вторый бракъ и не постригать прежде лѣтъ пятидесяти, или снявъ чинъ

священства позволить быть мірскими чинами. Сюдажъ надлежитъ и постриженіе молодыхъ людей прямо въ Монахи и Монахини, которое хотя въ нынѣшнія времяна и умалилось предъ прежними, однако еще много есть излишества, особливо въ Малороссіи и при Синодальныхъ школахъ. Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочіе поступки вездѣ показываютъ, что Монашество въ молодости ничто иное есть, какъ чернымъ платьемъ прикрытое блудодѣяніе и содомство, наносящее знатной ущербъ размноженію человѣческаго рода, не упоминая о бывающихъ дѣтоубивствахъ, когда законопреступленіе закрываютъ злодѣяніемъ. Мнѣ кажется, что надобно клобукъ запретить мужчинамъ до 50, а женщинамъ до 45-ти лѣтъ.

5-е) Вышеписанное касалось больше до обильнѣйшаго плодородія родящихъ, слѣдующее надлежитъ особливо до сохраненія рожденныхъ. Хотя запрещеніемъ неравнаго и насильнаго супружества, позволеніемъ четвертаго и пятаго брака, разрѣшеніемъ къ супружеству вдовыхъ поповъ и дьяконовъ и непозволеніемъ до указныхъ лѣтъ принятія Монашескаго чина, несомнѣнно воспослѣдовать можетъ знатное приумноженіе народа и нестолько будетъ беззаконнорожденныхъ, слѣдовательно, и меньше дѣтскаго душегубства, однако по разнымъ случаямъ и по слабости человѣческаго сложенія быть тому невозможно, чтобы непозволеннымъ сластолюбіемъ, или и насильствомъ обременная женщина нехотя быть обезславлена, неискала бы способовъ утаить своего беззаконія и несчастія, отъ чего иногда въ отчаяніи матери дѣтей своихъ убиваютъ. Для избѣжанія столь ужаснаго злодѣйства и для сохраненія жизни неповинныхъ младенцевъ, надобно бы учредить нарочные богодѣленные домы для невозбраннаго зазорныхъ дѣтей пріему, гдѣ богодѣленныя старушки моглибъ за ними ходить вмѣсто матерей, или бабокъ; но о семъ особливо въ письмѣ о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ.

6-е) Слѣдуютъ сему младенческія болѣзни, изнуряющія и въ смертныя челюсти повергающія начинающуюся жизнь человѣческую, изъ которыхъ первое и всѣхъ лютѣйшее мученіе есть самое рожденіе. Страждетъ младенецъ не менѣе матери и тѣмъ только разнится ихъ томленіе, что мать оное помнитъ, непомнитъ младенецъ. Коль же оно велико, изъявляетъ Давидъ Пророкъ, ибо, хотя изобразить ужасныя враговъ своихъ скорби, говоритъ: тамо болѣзни, яко раждающія (сирѣчь женщины). Проходя болезненной путь въ прискорбной и суетной свѣтъ, коль часто нѣжной человѣкъ претерпѣваетъ великія поврежденія, а особливо въ головѣ, тѣмъ что въ самое свое рожденіе лишается едва начатыя жизни и въ первые почерпнутой духъ,

въ послѣднее испускаетъ, либо нѣсколько часовъ или дней только лишь съ настоящею смертiю борется. Сiе первое страданiе, которымъ нерѣдко изъ рожденныхъ живыхъ на весь вѣкъ здравiе повреждается. Сего иначе ничемъ не можно отвратить, или хотя нѣсколько облегчить, какъ искуствомъ повивальныхъ бабокъ и осторожностiю беременныхъ. Потомъ слѣдуетъ болѣзнь при выходѣ зубовъ, младенцамъ часто смертоносная, когда особливо падучую болѣзнь съ собою приноситъ. Такъ же грыжи, оспа, сухотка, черви въ животѣ и другiя смерти дѣтской причины, всѣ требуютъ знанiя: какъ лечить нѣжныхъ тѣхъ болѣзни. Для умаленiя толь великаго зла, совѣтую въ дѣйствiе произвести слѣдующее: 1-ое) выбрать хорошiя книжки о повивальномъ искуствѣ, и самую лучшую положивъ за основанiе сочинить наставленiе на Россiйскомъ языкѣ, или сочинивъ на другомъ перевесть на Россiйской, къ чему необходимо должно присовокупить добрые прiемы Россiйскихъ повивальныхъ искусныхъ бабокъ, для сего, созвавъ выборныхъ долговременнымъ искуствомъ дѣло знающихъ, спросить каждую особливо и всѣхъ вообще и что за благо принято будетъ внести въ оную книжицу. 2-ое) Для излеченiя прочихъ дѣтскихъ болѣзней положивъ за основанiе великаго медика Гофмана, который упражнявшись черезъ 60 лѣтъ въ Докторскомъ званiи, при концѣ жизни писалъ наставленiе о излеченiи младенческихъ болезней, по которымъ я дочь свою дважды отъ смерти избавилъ, и присовокупивъ изъ другихъ лучшее, соединить съ вышеписанною книжкою о повивальномъ искуствѣ, при томъ не позабыть, что наши бабки и лекари съ пользою вообще употребляютъ. 3-ое) Въ обѣихъ совокупленныхъ сихъ искуствъ въ одну книжку, наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большой части не трудно было сыскать вездѣ въ Россiи, затѣмъ что у насъ аптеками такъ скудно, что не токмо въ каждомъ городѣ, но и въ знатныхъ великихъ городахъ понынѣ неустроены, о чемъ давно бы должно было имѣть попеченiе, но о семъ особливо представлено будетъ. 4-ое) Оную книжку напечатавъ въ довольномъ множествѣ разпродать во все Государство, по всѣмъ церквамъ, чтобы священники и грамотные люди читая могли сами знать и другихъ наставленiемъ пользовать. По изчисленiю умершихъ по приходамъ, учиненному въ Парижѣ, сравнивъ ихъ лѣта, умираютъ въ первые три года столько же почти младенцовъ, сколько въ прочiя до ста считая. Итакъ положимъ, что въ Россiи мужеска полу до 12-ти миллiоновъ, изъ нихъ состоитъ одинъ миллiонъ въ такомъ супружествѣ, что дѣти родятся, положивъ обще, одинъ въ два года. Посему на каждый годъ будетъ рожденныхъ полмиллiона, изъ коихъ въ три года умретъ половина, или еще по здѣшнему небреженiю и

больше, такъ что на всякой годъ достанется смерти въ участіе по сту тысячь младенцовъ, не свыше трехъ лѣтъ. Не стоитъ ли труда и попеченія нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть, 10 тысячь, можно было удобными способами сохранить въ жизни?

7-ое) Доселѣ о натуральныхъ обстоятельствахъ младенцамъ вредныхъ; остается упомянуть о поврежденіяхъ отъ суевѣрія и грубаго упрямства произходящихъ. Попы, нетокмо деревенскіе, но и городскіе, крестятъ младенцовъ зимою въ водѣ самой холодной, иногда и со льдомъ, указывая на предписаніе въ требникѣ, чтобы вода была натуральная безъ примѣшенія и вмѣняютъ теплоту за примѣшенную матерію, а недумаютъ того, что лѣтомъ сами же крестятъ теплою водою, по ихъ мнѣнію, смѣшенною. Итакъ, сами себѣ прекословятъ, а особливо по своему недомыслію, незнаютъ, что и въ самой холодной водѣ еще теплоты очень много. Отъ замерзанія въ ледъ принимаетъ вода на себя стужу до 130 гр., да и тутъ можно почесть ее горячею, затѣмъ, что замерзающая ртуть несравненно большее разстояніе отъ сего градуса имѣетъ, нежели вода отъ кипетка до замерзанія. Однако невѣждамъ попамъ Физику толковать нѣтъ нужды, довольно принудить властію, чтобы всегда крестили водою лѣтней въ разсужденіи теплоты равною, затѣмъ, что холодная изшедшему недавно изъ теплой матерней утробы младенцу конечно вредна, а особливо который много претерпѣлъ въ рожденіи. Одно погруженіе въ умѣренной водѣ не безъ тягости младенцу, когда мокрота въ глаза, въ уши, въ ноздри, а иногда и въ ротъ вливается, (а когда ротъ и ноздри запираетъ попъ рукою, тогда пресѣкается дыханіе, которое недавно лишь получилъ младенецъ). Когда-жъ холодная вода со льдомъ охватитъ члены, то часто видны бываютъ признаки падучей болезни, и хотя отъ купели живъ избавится, однако въ слѣдующихъ болезняхъ, кои всякой младенецъ послѣ преодолѣть долженъ, а особливо при выходѣ первыхъ зубовъ, оная смертоносная болезнь удобнѣе возобновится. Такихъ упрямыхъ поповъ, кои хотятъ насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами затѣмъ, что желаютъ послѣ родинъ и крестинъ вскорѣ и похоронъ для своей корысти. Коль много есть столь несчастливыхъ родителей, кои до 10 и 15-ти дѣтей родили, а въ живыхъ ни единаго не осталось?

8-ое) Бѣдственному младенческому началу жизни слѣдуютъ приключенія, нападающія на здравіе человѣческое впрочемъ оныя теченія. И во-первыхъ невоздержаніе и неосторожность съ уставленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и имѣющими видъ нѣкоторой святости Паче другихъ временъ пожираютъ у насъ Масляница и Св. Недѣля великое множество народа однимъ

только перемѣннымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что готовясь къ воздержанію Великаго Поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени неостается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частыя похороны доказываютъ то ясно. Розговѣнье томужъ подобно. Да и дивиться не для чего? Кромѣ невоздержанія въ заговѣнные дни питіемъ и пищею, стараются многіе на весь В. Постъ удовольствоваться плотскимъ смѣшеніемъ законно и беззаконно, и такъ себя до чистаго понедѣльника изнуряютъ, что здоровья своего никоею мѣрою починить не могутъ, употребляя грубыя постныя пищи, которыя и здоровому желудку тягостны. Сверхъ того вскорѣ слѣдуетъ начало весны, когда всѣ скверности, накопленныя отъ человѣковъ и отъ другихъ животныхъ, бывшія во всю зиму заключенными отъ морозовъ, вдругъ освобождаются и наполняютъ воздухъ, мѣшаются съ водою и намъ съ мокротными и цинготными рыбами въ желудокъ, въ легкое, въ кровь, въ нервы и во все строеніе жизненныхъ членовъ человѣческаго тѣла вливаются, рождаютъ болезни въ здоровыхъ, умножаютъ оныя въ больныхъ и смерть ускоряютъ въ тѣхъ, кои бы еще могли пожить долѣе. Послѣ того приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе — всеобщая христіанская радость, — тогда, хотя почти безпрестанно читаютъ и многократно повторяются страсти Господни, однако мысли наши уже на Св. недѣли. Иной представляетъ себѣ пріятныя и скоромныя пищи; иной думаетъ поспѣетъ-ли ему къ празднику платье; иной представляетъ какъ будетъ веселиться съ родственниками и друзьями, иной ожидаетъ прибудутъ ли запасы изъ деревни, иной готовитъ живописныя яица и несомнѣнно чаетъ случая поцѣловаться съ красавицами или помилѣе свидаться. Наконецъ Заутреню въ полночь начали, и обѣдню до свѣту отпѣли. Христосъ воскресе! только въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены. Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри, — рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ; тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, расбитая посуда, текутъ пролитые напитки, тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ, тамъ валяются обнаженные и блудомъ утомленные недавніе строгіе постники. О истинное Христіанское пощеніе и празднество! не на такихъ ли Богъ негодуетъ у Пророка: „Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше мерзость есть предо Мною!" Между тѣмъ бѣдной желудокъ привыкнувъ чрезъ долгое время къ пищамъ малопитательнымъ, вдругъ принужденъ принимать

тучныя и сальныя брашна въ сжавшіеся и ослабѣвшіе проходы, и неимѣя требуемаго довольства жизненныхъ соковъ, несваренныя яденія по жиламъ посылаетъ: онѣ спираются, пресѣкается теченіе крови и душа въ отворенныя тогда райскія двери изъ тѣсноты тѣла прямо улетаетъ. Для увѣренія о семъ можно справиться по церковнымъ запискамъ, около котораго времени въ цѣломъ году у поповъ больше меду на кутью изходитъ? Неоспоримое есть дѣло, что неравное теченіе жизни и круто перемѣнное питаніе тѣла не токмо вредно человѣку, но и смертоносно, такъ что вышеписанныхъ строгихъ постниковъ, притомъ усердныхъ и ревностныхъ праздниколюбцевъ, самоубійцами почесть можно. Правда, что ежели кто на Масленицѣ приуготовляется къ посту житіемъ умѣреннымъ, въ постъ не изнуряетъ себя излишно, и говѣетъ больше духомъ, нежели брюхомъ, на Св. Недѣлѣ радуется о препровожденіи В. Поста въ истинныхъ добродѣтеляхъ, въ трудахъ обществу полезныхъ и Богу любезныхъ, а не въ томъ, что дожилъ до разрѣшенія на вся, — тотъ конечно меньше почувствуетъ припадковъ отъ нездороваго времени, а особливо, когда трудами кровь приводитъ въ движеніе и, словомъ, содержитъ себя хотя то постными, то скоромными пищами, однако равно умѣренными, безъ крутыхъ скочковъ и пригорковъ. Но здѣсь, въ Сѣверѣ, сіе по концамъ тучное, а въ середкѣ сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне неимѣютъ никакой большой работы и только посѣянныя, пожатыя, измолоченныя и смолотыя плоды полевые доѣдаютъ. Купцамъ, за испорченными дорогами и распутицами, почти нѣтъ проѣзду изъ города въ городъ съ товарами; нѣтъ кораблямъ плаванія и морскимъ людямъ довольнаго движенія; военные люди стоятъ въ походахъ по зимнимъ квартирамъ, а дома, то для морозовъ, то для слякости не могутъ быть удобно экзерцицій. Итакъ, большая часть народа должна остаться въ праздности, которая въ заговѣнье и розговѣнье даетъ причину къ необузданной роскоши, а въ постъ съ худыми прошлогодними пищами и съ нездоровымъ воздухомъ соединенная, портитъ здоровье и жизнь коротитъ.

Многіе скажутъ: „да проживаютъ же люди! отцы наши и прадѣды жили долгіе вѣки!“ Правда! живутъ и Лопари, питаясь почти одною только рыбою; да посмотритежъ, коль они тѣломъ велики и коль многолюдны и сравните ихъ съ живущими въ томъ же климатѣ Семоядами, питающимися по большой части мясомъ. Первые ростомъ мѣлки, малолюдны, такъ что на 700 верстахъ въ длину, а въ ширину на 300, Лопарей толь мало, что и въ большіе солдатскіе наборы со всей земли по два солдата съ числа душъ наймаютъ изъ нашего народа, затѣмъ что изъ нихъ весьма рѣдко, чтобы кто и по

малой мѣрѣ въ солдаты годился. Семояды, напротивъ того, ростомъ не малы, широкоплечи и сильны, и въ такомъ множествѣ, что если бы междуусобныя частыя кровавыя сраженія между многими ихъ князьками не случались, то бы знатная Восточно-Сѣвернаго берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что тѣ Россійскія области многолюднѣе, гдѣ скотомъ изобильнѣе, затѣмъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ скотомъ скудно, и въ мясоѣдъ по большой части питаются рыбою или пустыми щами съ хлѣбомъ. Еслибъ наша Масленица положена была въ Маѣ мѣсяцѣ, то В. Постъ былъ бы въ полной веснѣ и въ началѣ лѣта, а Св. Недѣля около Петрова дня то бы кромѣ новыхъ плодовъ земныхъ и свѣжихъ рыбъ и благорастворѐннаго воздуха: 1-ое) поспѣшествовалобы сохраненію здравія движеніе тѣла въ крестьянахъ пахатною работою, въ купечествѣ — дальнею ѣздою по землѣ и по морю, военнымъ — экзерциціею и походами. 2-ое) Ради исправленія такихъ нужныхъ работъ, меньше бы было праздности, матери невоздержанія, меньше гостьбы и пирушекъ, меньше пьянства, неравнаго житія и прерывнаго питанія, надрывающаго человѣческое здравіе. А сверхъ того, хотя бы кто и напился, однако возвращаясь домой не замерзъ-бы на дорогѣ, какъ о Масленицѣ бываетъ, и не провалился бы подъ ледъ, какъ случается на Св. Недѣлѣ.

Я къ вамъ обращаюсь великіе учители и расположители постовъ и праздниковъ, и со всякимъ благоговѣніемъ вопрошаю вашу святость, что вы въ то время о насъ думали, когда Св. Великій Постъ поставили въ сіе время? Мнѣ кажется, что вы, по своей святости, кротости, терпѣнію и праводушію, милостивый отвѣтъ дадите, и не такъ, какъ Андреевской Протопопъ Яковъ дѣлалъ, — въ церкви матерно не избраните, или еще, — какъ онъ съ Морскимъ Капитаномъ Яньковымъ въ Свѣтлое Воскресеніе у креста за непоцѣлованіе руки поступилъ: въ грудь кулакомъ не ударите. Вы скажите: „Располагая посты и праздники жили мы въ Греціи и въ землѣ обѣтованной; Святую четыредесятницу тогда содержать установили, когда у насъ полнымъ сіяніемъ вешняго солнца земное богатое нѣдро отверзается, произращаетъ здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздухъ возобновляетъ ароматными духами. Поспѣваютъ ранніе плоды въ пищу, въ прохлажденіе и въ лекарство купно служащіе. Пѣнію нашему для славословія Божія соотвѣтствовали журчащіе ручьи, шумящіе листы и воспѣвающія сладкогласныя птицы; а про ваши полуночныя стороны мы разсуждали, что не токмо тамъ нѣтъ и не будетъ Христіанскаго закона, но ниже единаго словеснаго обитателя, ради великой стужи. Не жалуйтесь на насъ! Какъ бы мы вамъ предписали ѣсть финики и смоквы и пить добраго виноград-

наго вина по Красоулѣ, чего у васъ не родится? Расположите, какъ разумные люди, по вашему климату; употребите на постъ другое способнѣйшее время, или въ дурное время пользуйтесь умѣренноздоровыми пищами. Есть у васъ духовенство, равную намъ власть отъ Христа имѣющее вязати и рѣшити. Для толь важнаго дѣла, можно въ Россіи Вселенской соборъ составить: сохраненіе жизни толь великаго множества народа того стоитъ. А сверхъ того, ученьемъ вкорепите всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цинготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества, что обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель, прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ, вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичь, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ. Чистое покаяніе есть доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротѣ и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани данныя Христомъ заповѣди, на коихъ весь законъ и Пророки висятъ: „Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ (сирѣчь не кишками) и ближняго какъ самъ себя", (т. е. совѣстію, а не языкомъ). Исправленію сего недостатка ужасныя обстоятъ препятствія, однако не больше опасны, какъ заставить брить бороды, носить нѣмецкое платье, сообщаться обходительствомъ съ иновѣрными, звставить матрозовъ въ лѣтніе посты ѣсть мясо, уничтожить боярство, патріаршество и стрѣльцовъ, и вмѣсто ихъ учредить Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое мѣсто и новый годъ въ другой Мѣсяцъ! Россійской народъ гибокъ!

9-ое) Кромѣ сего впадаетъ великое множество людей и въ другія разныя болезни, о излеченіи коихъ весьма еще мало порядочныхъ есть учрежденій, какъ вышеупомянуто, и только по большой мѣрѣ простыя, безграмотныя мужики и бабы лечатъ на угадъ, соединяя часто натуральныя способы, сколько смыслятъ, съ вороженьемъ и шептаніями и тѣмъ не только не придаютъ никакой силы своимъ лекарствамъ, но еще въ людяхъ укрѣпляютъ суевѣріе, больныхъ приводитъ въ страхъ унылыми видами и умножаютъ болезнь, приближая ихъ скорѣе къ смерти. Правда много есть изъ нихъ, кои дѣйствительно знаютъ лечить нѣкоторыя болезни, а особливо внѣшнія, какъ коновалы и костоправы, такъ что иногда и ученыхъ хирурговъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходятъ, однако все лучше учредить по правиламъ, медицинскую науку составляющимъ. Къ сему требуется по всѣмъ городамъ довольное число докторовъ, лекарей и аптекъ,

удовольствованныхъ лекарствами, хотябъ только по нашему климату пристойными, чего не токмо нѣтъ и сотой доли, но и войско Россійское весьма не довольно снабжено медиками, такъ что лекари не успѣваютъ перевязывать и раненыхъ, не токмо чтобы всякаго осмотрѣть, выспросить обстоятельства, дать лекарства и тѣмъ страждущихъ успокоить. Отъ такого непризрѣнія, многіе, коимъ бы ожить, умираютъ. Сего недостатка ничемъ не можно скорѣе наполнить, какъ для изученія докторства послать довольное число Россійскихъ студентовъ въ иностранные университеты и учрежденнымъ и впредь учреждаемымъ внутри Государства университетамъ, дать между прочими привиллегіями власть производить достойныхъ въ доктора. 2-е) Медицинской канцеляріи подтвердить накрѣпко, чтобы какъ въ аптекахъ, такъ и при лекаряхъ было довольное число учениковъ Россійскихъ, коихъ бы они въ опредѣленное время своему искуству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики Россійскаго народа, будучи по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ, почти никакихъ лекарствъ составлять неумѣютъ, а ради чего? Затѣмъ, что аптекари держатъ еще учениковъ Нѣмецкихъ, а русскіе при иготѣ, при решетѣ и при угольѣ, до старости доживаютъ и учениками умираютъ, а нѣмецкими всего государства ненаполнишь. Сверхъ того, недостаточное знаніе языка, разность вѣры, несходные нравы и дорогая имъ плата много прецятствуютъ.

10-е) Смертямъ отъ болезни слѣдуютъ насильственныя, натуральныя и случайныя обстоятельства, какъ причины лишенія жизни человѣческой, т. е., моровыя язвы, пожары, потопленія, морозы. Повѣтрія на людей хотя по большой части въ Южныхъ предѣлахъ здѣшняго государства случаются, однако всякіе способы противъ того употреблять должно. Оные состоятъ въ истребленіи уже начавшагося, или въ отвращеніи приходящаго. Къ первому требуются извѣстныя употребительныя противъ такого несчастія средства и для того лучшіе должно выбравъ изъ авторовъ сочинить Медицинскому Факультету книжку и напечатавъ распродавать по государству. Ко второму надобно съ бывшихъ примѣровъ собрать признаки, изъ которыхъ главный есть затмѣніе солнца, причиняющее почти всегда вскорѣ падежъ на скотъ, а послѣ и на людей повѣтріе. Въ наши просвѣщенные вѣки знаютъ о томъ въ великомъ свѣтѣ обращающіяся люди отъ астрономовъ и могутъ предостеречся не выпуская скота изъ дому и не давая травы того дня снятой,—такъ въ другихъ Государствахъ остерегаются два, или три дни, послѣ и сами никакихъ плодовъ въ то время не снимаютъ и не употребляютъ, говоря, что во время солнечнаго затмѣнія, падаютъ ядовитыя росы. Главная причина быть кажется, по моему

мнѣнію, что во время затмѣнія закрывается солнце луною, такимъ же тѣломъ, какъ и земля наша пресѣкается круто электрическая сила, которую солнце на всѣ ростенія во весь день изливаетъ, что видно на травахъ ночью спящихъ, и тоже страждущихъ въ солнечное затмѣніе. Время научитъ, сколько можетъ электрическая сила дѣйствовать въ разсужденіи повѣтрія. Затмѣнія во всемъ государствѣ не знаютъ, и для того надобно заблаговременно публиковать, и что требуется, повелѣть указами, по примѣру какъ водится въ другихъ государствахъ. Для избавленія отъ огненной смерти, служитъ предосторожность о утоленіи частыхъ и великихъ пожаровъ, о чемъ покажется пространно въ письмѣ о лучшей государственной экономіи. Потопленія суть двояки: отъ наводненія и отъ неосторожной дерзости, особливо въ пьянствѣ. Первое легко отвратить можно, запретивъ, чтобъ при великихъ рѣкахъ на низкихъ мѣстахъ, вѣшней особливо водѣ подверженныхъ, никакихъ жилищъ не было. Сіе дѣлается отъ одной лѣности, чтобъ вода и сѣно и всякая отъ воды удобность была близко, однако часто на высокихъ мѣстахъ живущіе видятъ весною, сами будучи въ безопасности, какъ скотъ и люди и цѣлые домы неприступной ледъ несетъ въ отчаяніи всякаго спасенія. Вторыхъ потопленій ничемъ отвратить нельзя, не умаливъ много гощенія и пьянства, для коихъ люди дерзаютъ переѣзжать чрезъ рѣки въ бурную погоду, перегрузивъ суда множествомъ, или переходить черезъ ледъ осенью и весною, когда онъ весьма ненадеженъ и опасенъ. Въ главѣ о истребленіи праздности предложатся способы, равно какъ и для избавленія померзанія многихъ зимою.

11-е). Не малой ущербъ причиняется народу убивствами, кои бываютъ въ дракахъ и отъ разбойниковъ. Драки произходятъ вредныя между сосѣдями, а особливо между помѣщиками, которыхъ ничемъ, какъ межеваніемъ, утушить не можно. На разбойниковъ хотя посылаются сыщики, однако чрезъ-то вывести сіе зло, или хотя знатно убавить, нѣтъ почти никакой надежды. Основательнѣйшія и сильнѣйшія къ тому требуются способы. Слѣдующій кажется мнѣ всѣхъ надежнѣе, бережливѣе и Монархинѣ Всемилостивѣйшей славнѣе, и притомъ любезнѣе, затѣмъ, что онъ дѣйствіе свое возымѣетъ меньшимъ пролитіемъ человѣческой крови. Разбойники безъ пристанища въ городахъ и около деревень пробыть и злодѣйствомъ своимъ долго пользоваться не могутъ. При деревняхъ держатся, а въ городахъ обыкновенно часто бываютъ для продажи награбленныхъ пожитковъ: итакъ, когда имъ сіи мѣста сдѣланы будутъ узки и тѣсны, то не могутъ долго утаиться, не занадобится далече посылать команды и дѣлать кровопролитныя сраженія со многими, когда можно имѣть случай пе-

ребрать по одиначкѣ и ловить ихъ часто. Всевожделѣнной и долговременной покой внутри нашего отечества чрезъ полтораста лѣтъ, въ кое время, послѣ разоренія отъ Поляковъ не нужно было стѣнами защищаться отъ непріятелей, подалъ нерадѣнію нашему причину мало имѣть попеченія о градскихъ огражденіяхъ, и потому большая часть малыхъ городовъ и посадовъ и многихъ провинціальныхъ и Губернскихъ городовъ, не токмо стѣнъ каменныхъ, или хотя надежныхъ валовъ и рвовъ, но и деревянныхъ полисадниковъ, или тыновъ не имѣютъ, что не безъ сожалѣнія вижу изъ отвѣтовъ, присылаемыхъ на географическіе вопросы въ Академію наукъ изо всѣхъ городовъ указомъ Правительствующаго Сената, по моему представленію. Кромѣ того, что проѣзжающіе иностранные не безъ презрѣнія смотрятъ на наши безпорядочные города, или лучше сказать почти на развалины, разбойники употребляютъ ихъ къ своему прибѣжищу и такъже могутъ закрываться отъ достойнаго каранія въ городѣ, или еще лучше нежели въ деревнѣ, затѣмъ, что городъ больше и со всѣхъ сторонъ въ него на всякомъ мѣстѣ ворота днемъ и ночью безпрестанно отворены ворамъ и добрымъ людямъ. Когдажъ бы Всемилостивѣйше повелѣть благоизволено было всѣ Россійскіе города, у коихъ огражденіе рушилось, или его и небыло, укрѣпить хотя не каменными стѣнами, но токмо валомъ и рвомъ и высокимъ полисадникомъ и не во многихъ мѣстахъ оставить ворота съ крѣпкими запорами и съ надежными мѣщанскими караулами, гдѣ нѣтъ горнизоновъ, такъ чтобы ряды и лавки были внутри огражденія, то бы ворамъ провозить въ городъ грабленныя вещи для продажи было весьма трудно и всѣ для осмотру предосторожности употребить было несравненно легче, нежели вмѣстѣ, со всѣхъ сторонъ отвореннымъ, а разбойникъ можетъ быть въ воротахъ скорѣе примѣченъ, который не продавъ грабленныхъ вещей, корысти не получитъ. Сверхъ того въ каждомъ огражденномъ городѣ назначить постоянные ночлеги для прохожихъ и проѣзжихъ съ письменными дозволеніями и съ вывѣскою, и приказать, чтобы каждый хозяинъ на всякой день объявлялъ въ Ратушѣ, кто у него былъ на ночлегѣ и сколько времени, а другіе бы мѣщане принимать къ себѣ въ домъ пріѣзжихъ и прихожихъ, воли не имѣли, подъ опасеніемъ наказанія, кромѣ своихъ родственниковъ, въ городѣ извѣстныхъ. По всѣмъ волостямъ, погостамъ и деревнямъ публиковать, что ежели крестьянинъ, или двое и больше, поймаютъ разбойника, приведутъ его въ городъ, или въ другое безопасное мѣсто, и докажутъ надежными свидѣтелями и спору въ томъ не будетъ, то давать приводчикамъ за всякую голову по 10 руб. изъ мѣщанскаго казеннаго сбору, а за главныхъ злодѣйскихъ предводителей, за атамана, Эсаула,

такъ же и за пойманіе и доводъ того, кто держитъ воровскія прибѣжища, по 30 руб. Сіе хотя довольно быть кажется, гдѣ города не въ весьма дальномъ разстояніи, однако многіе мѣста есть въ Россіи глухіе, на 500 и больше верстъ безъ городовъ, прямыя убѣжища разбойникамъ и всякимъ бѣглымъ и безъпашпортнымъ людямъ: примѣромъ служить можетъ лѣсистое пространство около рѣки Ветлуги, которая, на 700 верстъ теченіемъ отъ вершинъ до устья простираясь, не имѣетъ при себѣ ни единаго города. Туда съ Волги укрывается великое множество зимою бурлаковъ, изъ коихъ не малая часть разбойники. Крестьяне содержатъ ихъ во всю зиму за полтину человѣка, а буде онъ что работаетъ, то кормятъ и безъ платы, неспрашивая пашпорта. По такимъ мѣстамъ должно основать и поставить города, давъ знатнымъ селамъ гражданскія права, учредить Ратуши и воеводствы, и оградивъ надежными укрѣпленіями и осторожностями отъ разбойниковъ, какъ выше показано. Сіе будетъ служить нетокмо для общей безопасности, и къ сбереженію Россійскаго народа, но и къ особливой славѣ Всемилостивѣйшей Нашея Самодержицы, яко возобновительницы старыхъ и состроительницы многихъ новыхъ городовъ Россійскихъ.

12-е) Переставая говорить о потерѣ Россійскаго народа болѣзнями, несчастіями и убивствами, должно упомянуть о живыхъ покойникахъ. Съ пограничныхъ мѣстъ уходятъ люди въ чужія государства, а особливо въ Польшу и тѣмъ лишается подданныхъ Россійская корона. Подлинно, что расположивъ предосторожности на рубежѣ Литовскомъ, однако толь великой скважины силою совершенно заперѣть невозможно: лучше поступить съ кротостію. Побѣги бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ. Итакъ мнѣ кажется лучше пограничныхъ съ Польшею жителей облегчить податьми и снять солдатскіе паборы, расположивъ ихъ по всему государству. Для расколу много уходитъ россійскихъ людей на Ветку: находящихся тамъ бѣглецовъ неможноли возвратить при нынѣшнемъ военномъ случаѣ? А впредь могутъ служить способы, кои представятся о исправленіи нравовъ и большемъ просвѣщеніи народа.

13-е) Мѣсто бѣглецовъ за границы удобно наполнить можно пріемомъ иностранныхъ, ежели къ тому употреблены будутъ пристойныя мѣры. Нынѣшнее въ Европѣ несчастное военное время принуждаетъ нетокмо одинокихъ людей, но и цѣлыя разоренныя семейства оставлять свое отечество и искать мѣстъ отъ военнаго насильства удаленныхъ. Пространное владѣніе Великой Нашей Монархини въ состояніи вмѣстить въ свое безопасное нѣдро цѣлые народы и довольствовать всякими потребами, кои единаго только посильнаго труда отъ

человѣковъ ожидаютъ къ своему полезному произведенію. Условіи, коими иностранныхъ привлечь можно къ поселенію въ Россіи, не представляю, не вѣдая довольно союзныхъ и враждебныхъ обстоятельствъ между воюющими и мирными сторонами.

Хотѣлъ бы я сочинить примѣрный счетъ, сколько бы изъ сихъ 13-ти способовъ (а есть еще и больше) воспослѣдовало сохраненія и приращенія подданныхъ Ея Императорскаго Величества. Однако требуется къ тому для извѣстія многія обстоятельства и не мало времени, для того только одною догадкою досѣгаю нѣсколько, что на каждый годъ можетъ взойти приращеніе россійскаго народа больше, противъ прежняго до полумилліона душъ, а отъ ревизіи до ревизіи, въ 20-ть лѣтъ до 10-ти милліоновъ. Кромѣ сего уповаю, что сіи способы не будутъ ничемъ народу отяготительны; но будутъ служить къ безопасности и успокоенію всенародному.

Окончивая сіе надѣюсь, что Вашему Высокопревосходительству что-нибудь понравится изъ моихъ доброжелательныхъ къ обществу мнѣній, и прошу о вашемъ безпрерывномъ здравіи и во всемъ удовольствіи Всевышняго строителя и Правителя всѣхъ народовъ и языковъ, произведшаго Васъ въ сей день, и влившаго Вамъ кровь сына Отечества къ произведенію дѣлъ полезныхъ, а паче къ покровительству наукъ и художествъ, къ которымъ я, равно и къ Вамъ, отъ всей искренности усердствуя, съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ пребываю.

Ноября 1.
1761.

Сообщ. въ 1871 г. Акад. **П. П. Пекарскій.**

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

XXI [1]).

Андрей Андреевичъ Нартовъ.

Андрей Андреевичъ Нартовъ родился въ Петербургѣ, 25-го ноября 1737 года (Слов. Евг., т. II, стр. 99; отсюда же заимствованы почти всѣ свѣдѣнія о собственно служебной карьерѣ Нартова, только въ этомъ словарѣ и собранныя). По окончаніи ученія въ университетѣ при Академіи (въ которой съ 1740 по 1743 годъ служилъ совѣтникомъ какой-то Андрей Нартовъ,—вѣроятно, отецъ его, (см. Матеріалы для біографіи Ломоносова Билярскаго 056—062), а затѣмъ въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ выучился языкамъ—французскому и нѣмецкому, Нартовъ пожалованъ былъ въ поручики арміи въ 1755 году, а въ слѣдующемъ — перешелъ тѣмъ же чиномъ въ артиллерію. Въ томъ же году, 30-го августа, основанъ былъ императорскій театръ, а вскорѣ театральныя представленія начались и въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ университета. Нартовъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, доставившихъ пьесы на вновь учрежденную русскую сцену; это были переводы комедій: „Граціи"—изъ Сенъ-Фуа; „Привидѣніе съ барабаномъ"—изъ Детуша и „Генрихъ и Пернилла"—изъ Гольберга, представленныя въ Петербургѣ въ 1757, 1759 и 1760 годахъ (Драм. Слов. 1787 г., стр. 40, 109 и 36). Затѣмъ Нартовъ печаталъ не мало произведеній своихъ въ прозѣ и особенно въ стихахъ въ журналахъ, выходившихъ въ концѣ царствованія Елизаветы, во время Петра III и въ первые годы царствованія Екатерины II. Между тѣмъ, Нартовъ

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1870 г., т. I. изд. первое, стр. 463; изд. второе, стр. 541; т. II, стр. 74 и 194; 1871 г. т. III, стр. 205; т. IV, стр. 571 и 681; 1873 г. т. VII, стр. 616 и 619. Андрей Андреевичъ Нартовъ, о которомъ нынѣ представляются біографическія и библіографическія свѣдѣнія, то самое лицо, о которомъ такъ часто упоминаетъ А. Т. Болотовъ въ послѣднихъ двухъ томахъ своихъ Записокъ. **Ред.**

занимался исполненіемъ важныхъ порученій по технической части артиллерійскаго искусства, при починкѣ орудій и изобрѣтеніи разныхъ машинъ. Въ 1758 году пожалованъ онъ капитаномъ, въ 1759—маіоромъ, 1763—подполковникомъ. Въ 1765 году онъ былъ въ числѣ основателей Вольнаго Экономическаго Общества и тогда же сдѣланъ его секретаремъ, котораго мѣсто занималъ до 1790 года. Въ 1766 году Нартовъ перешелъ, съ сохраненіемъ чина подполковника, въ состоявшій при бергъ-коллегіи монетный департаментъ. Въ 1767 году онъ былъ въ знаменитой коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія, депутатомъ отъ монетнаго департамента и членомъ частной коммиссіи о полиціи. Въ 1770 году произведенъ въ статскіе совѣтники, а въ 1772—императрица поручила ему, вмѣстѣ съ княземъ Мих. Мих. Щербатовымъ и Херасковымъ, приготовить медаллическую исторію Россіи со временъ Петра I до 1762 года, что и было приведено къ окончанію однимъ Нартовымъ. Въ 1779 году онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1781—назначенъ вице-президентомъ бергъ-коллегіи, съ оставленіемъ и при монетномъ департаментѣ.

Нартовъ занималъ довольно видное мѣсто между петербургскими масонами. 26-го апрѣля 1783 года Московскіе братья, составлявшіе, по постановленію Вильгельмсбадскаго масонскаго конвента, директорію осьмой провинціи ордена, обнимавшей всю Россію, учредили по этой системѣ ложу-мать въ Петербургѣ, подъ префектурою Алексѣя Андреевича Ржевскаго. Нѣкоторые изъ тамошнихъ масоновъ были его противниками и изъ нихъ Нартовъ, Лукашевичъ и двое Митусовыхъ просили Московскую директорію открыть въ Петербургѣ префектуру, какъ бы не признавая назначенія Ржевскаго, но имъ было въ томъ отказано (Новик. и Шварцъ, изслѣд. Лонг., 197). Въ 1796 году Нартовъ, награжденный чиномъ тайнаго совѣтника, опредѣленъ былъ президентомъ бергъ-коллегіи и избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, каковое званіе получилъ онъ, кромѣ того, впослѣдствіи и отъ Академіи Художествъ, Харьковскаго университета и Стокгольмской Академіи. При императорѣ Павлѣ I, въ 1797 году, Нартовъ сдѣлался президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества и оставался имъ до кончины. 29-го мая 1801 года Нартовъ назначенъ былъ президентомъ Императорской Россійской Академіи, не бывши до того ея членомъ (имян. спис. дѣйств. и поч. чл. Им. Рос. Ак., 11), также сохранивши эту должность до смерти, и получилъ Анненскую ленту; онъ имѣлъ также датскій орденъ Данеброга. Въ 1807 году Нартовъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и умеръ въ Петербургѣ 2-го апрѣля 1813 года, на 76 году отъ роду.

Многія произведенія Нартова разсѣяны въ трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества и Россійской Академіи.

Отдѣльно изданы слѣдующія произведенія Нартова:

1) «Граціи, комедія въ 1 дѣйствіи, пер. съ французскаго» (изъ Сенъ-Фуа). М., 1757. (Сопик. № 5,346; Плав. № 5,617; Смирдинъ № 7,067. Въ Драм. Слов., стр. 40, сказано, что она представлена въ первый разъ въ Петербургѣ 22-го декабря 1757).

2) «Ода на восшествіе на престолъ императрицы Екатерины II». Спб., 1762. (Сопик. № 7,114; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

3) «Эпистола къ вѣрнымъ сынамъ отечества». Спб., 1762. (Сопик. № 3,745 у Плав. и Смирд. нѣтъ).

4) «Наставленіе о военномъ искусствѣ короля прусскаго къ своимъ генераламъ, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1762. (Сопик. № 6514. Тоже сочиненіе показано у него подъ № 6.515, какъ вышедшее новымъ изданіемъ, Спб., 1791; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 4,222).

5) «Баккалавръ Саламанскій, или похожденіе дона Херубина де-ла-Ронда», соч. Лесажа, пер. съ французскаго, 2 части. Спб., 1763. (Сопик. № 5,924; Плав. № 4,059; Смирд. № 8,543; показано новое изданіе, 2 ч., Спб., 1784).

6) «Повѣствованія Иродота Аликарнасскаго», переводъ, 3 ч., Спб., 1763 — 1764. (Сопик. № 4,649; Плав. № 2,612; Смирд. № 3,270).

7) «Генрихъ и Пернилла, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Гольберга, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1764. (Сопик. № 5,333, показанъ 1760 годъ; Плав. № 5,603, показанъ тоже 1760 годъ; Смирд. № 7,051, показанъ 1764 годъ, но это должно быть не вѣрно. Въ Драм. Слов., стр. 36, сказано, что эта пьеса была представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1760 году).

8) «Артаксерксъ, трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Гольберга, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1764. (Сопик. № 11,856; Плавильщ. № 6,118; Смирд. 6,863. Въ Драм. Сл., стр. 22, сказано, что эта пьеса представлена въ первый разъ съ величайшимъ успѣхомъ въ Москвѣ, вольными актерами, на Головинскомъ театрѣ въ 1778 году. Но въ означеніи года тутъ, вѣроятно, опечатка или ошибка и надо читать: «въ 1768 году», ибо на Головинскомъ театрѣ представленія прекратились въ 1769 году и затѣмъ театръ до 1780 года помѣщался въ Воронцовскомъ домѣ, на Знаменкѣ. Притомъ же вѣроятнѣе, что пьеса эта играна черезъ четыре года послѣ напечатанія, нежели черезъ четырнадцать лѣтъ).

9) «Лондонскій купецъ, или приключенія Георга Барневеля, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, пер. съ французскаго». Спб., 1764. (Сопик. № 11,920; показанъ 1755 годъ, вѣроятно, по ошибкѣ. У Плав. нѣтъ, Смирд. № 6,922).

10) «Привидѣніе съ барабаномъ или пророчествующій женатый, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, пер. съ французскаго» (изъ Детуша). Спб., 1764. (Сопик. № 5,569; Плав. № 5,849; Смирд. № 7,305, безъ означенія года. Въ Драм. Слов., стр. 109, сказано, что эта пьеса представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1759 году; если это правда, то переводъ игранъ у насъ раньше, нежели во Франціи оригиналъ, первое представленіе котораго въ Парижѣ происходило 16-го октября 1762; см. Hist. phil. et litt. du Théatre Francais, par H. Lucas; T. 3, p. 336).

11) «Притворная Агнеса, или сельскій стихотворецъ, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Детуша, пер. съ французскаго». Спб., 1764. (Сопик. № 5,572; Плав. № 5,853. Смирд. № 7,309).

12) «Молодой ученый, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Лессинга, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1765. (Сопик. № 5,459; Плав. № 5,733; Смирд. № 7,185).

13) «Превращенный мужикъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Гольберга, пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1765. (Сопик. № 5,566; Плав. № 5,846; Смирд. № 7,302).

14) «Плутусъ, или споръ между бѣдностію и богатствомъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, Гольберга, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1765. (Сопик. № 5,552, показанъ 1766 годъ; Плав. № 5,830, Смирд. № 7,285. Въ Драм. Слов., стр. 106, сказано, что пьеса эта «примѣчанія достойна по множеству дѣйствующихъ лицъ»).

15) «Торжество философіи, пер. съ нѣмецкаго». Спб., 1765. (Сопик. № 11,841; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 6,433. Эта книга сочинена госпожею Готшедъ; см. Кат. Рус. Кн., изд. Имп. Ак. Наукъ, 1865, стр. 6).

16) «Спокойствіе Кирово, или повѣствованіе его жизни, отъ шестнадцати до сорока лѣтъ рожденія его», переводъ. 3 ч. Спб., 1766. (Сопик. № 5,143, имя переводчика не обозначено; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 3,336).

17) «Іоганна Лемана металлургія», переводъ. Спб., 1772. (Сопик. № 6,223, показанъ 1771 годъ; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 4,459).

18) «Слово похвальное императору Траяну, говоренное римскимъ консуломъ Каіемъ Плиніемъ Цециліемъ вторымъ», переводъ. Спб., 1777. (Сопик. № 10,826 у Плав. нѣтъ; Смирд. № 6,535).

19) «Валха, каменное царство», переводъ. Спб., 1784. (Сопик. № 2,375, Плав. № 314, Смирд. № 4,493).

20) «Картина Парижа». Часть I. (Пер. съ франц., изъ Мерсье). Спб., 1786. (Сопик. № 5,169, Плав. № 2,842, Смирд. № 8,901. Остальныя части не изданы и, вѣроятно, остались даже непереведенными).

21) «Рѣчь въ чрезвычайномъ собраніи императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества». Спб., 1797. (Сопик. № 10,061; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

22) «Металлургія горнаго совѣтника и химіи профессора Скополи», переводъ. 2 ч. Спб., 1800. (Сопик. № 6,210, Плав. № 320, Смирд. № 5,219).

23) «Описаніе земляного миндаля и опыта надъ произращеніемъ онаго въ С.-Петербургѣ 1803 года». Спб., 1803. (Сопик. № 7,570, безъ имени автора. Плав. № 351; Смирд. № 5,113).

24) «Рѣчь, говоренная Императорской Россійской Академіи президентомъ Андреемъ Нартовымъ, въ первое торжественное собраніе въ новомъ сей академіи домѣ, іюля 12-го дня 1804». Спб., 1804. (Сопик. № 10,017, безъ означенія года; Плав. № 6,297; Смирд. № 6,447, безъ означенія года).

25) «Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи, въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова», переводъ съ французскаго (изъ Бартелеми), ч. 1. Спб., 1804. (Сопик. № 9,159, Плав. № 4,742, Смирд. 9,316. Книга эта состоитъ изъ 6 частей, изданныхъ Россійскою академіею въ 1804—1809 годахъ и переведенныхъ академиками: 2—А. С. Никольскимъ, 3—гр. Д. И. Хвостовымъ, 4—А. Ѳ. Севастьяновымъ, 5—В. М. Севергинымъ и 6—И. А. Дмитревскимъ и Я. А. Дружининымъ, см. Соп. № 9,159).

Въ Слов. Евг. (II, 101) въ числѣ переведенныхъ Нартовымъ комедій значатся еще «Докучливые». Должно быть, это переводъ комедіи Мольера «Les fâcheux»; но онъ, вѣроятно, не былъ никогда напечатанъ, а только игрался на сценѣ по рукописи,—по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ библіографическомъ пособіи не показано, кажется, комедіи подъ заглавіемъ «Докучливые».

Сообщ. **М. Н. Лонгиновъ.**

МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СПЕРАНСКІЙ.

1772—1839.

Мысли о новыхъ билетахъ казначейства [1].

1831 г.

Эти «мысли» были сообщены министру финансовъ гр. Канкрину при слѣдующемъ письмѣ отъ 27-го мая 1831 г.: «Представляю вашему сіятельству мои бредни. Многое со стороны кажется возможнымъ, что на дѣлѣ невозможно и есть дѣйствительно бредъ. Предаю ихъ совершенно въ вашу волю. Если найдете въ нихъ что-нибудь путное: хорошо; если нѣтъ: то положите въ тотъ ящикъ, въ которомъ хранятся у васъ всѣ несбыточные проэкты. Примите свидѣтельство совершеннаго и искренняго моего почитанія. Сперанскій. 27-го мая 1831 г.».

На верху письма отмѣтка гр. Канкрина: «данъ отвѣтъ моею рукою 27-го мая 1831 г.». Настоящія бумаги, по распоряженію М. Х. Рейтерна, въ подлинникѣ доставлены для храненія въ императорскую Публичную Библіотеку; копіи съ нихъ весьма обязательно сообщены директоромъ библіотеки И. Д. Деляновымъ для напечатанія на страницахъ нашего изданія. **Ред.**

Позвольте мнѣ, совсѣмъ не въ видѣ спора, но въ личномъ довѣріи представить вамъ нѣкоторыя мысли о новыхъ билетахъ казначейства. Ни слова здѣсь не будетъ о необходимости; въ ней я столько же увѣренъ, какъ и вы, и радъ вездѣ и предъ всѣми защищать мысль вашу, если бы то было нужно.

Рѣчь идетъ здѣсь только о свойствѣ сихъ билетовъ и внутреннемъ ихъ достоинствѣ.

---

[1]) См. нѣкоторыя другія замѣтки Сперанскаго, а также данныя къ его біографіи въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. V, стр. 81, 469—472.

Въ своемъ мѣстѣ я осмѣлился сказать, что они мнѣ кажутся слишкомъ хороши. Здѣсь раскрою мысль сію нѣсколько подробнѣе.

Достоинство сихъ билетовъ слагается изъ двухъ вещей: 1) изъ хода ихъ наравнѣ съ ассигнаціями во всѣхъ податяхъ и пошлинахъ. Это я называю ассигнаціоннымъ ихъ достоинствомъ: ибо они, дѣйствительно, ассигнуются на всѣ казначейства, когда представляются туда въ видѣ податей; 2) изъ процентовъ по 4%. Это есть ихъ облигаціонное значеніе [1].

Мнѣ кажется, изъ сихъ двухъ элементовъ одинъ есть лишній. Если одно облигаціонное ихъ значеніе не можетъ дать имъ ходу, то кажется однако же, что ассигнаціонное ихъ достоинство и одно могло бы поддержать ихъ въ полномъ движеніи и силѣ. Проценты суть элементъ лишній, и сей лишній элементъ есть, во-первыхъ —крайне многосложенъ; во-вторыхъ — дорогъ и, въ-третьихъ — можетъ повредить достоинству ассигнацій.

Вотъ три темы, кои должно доказать; но прежде должно доказать, что проценты суть элементъ лишній.

Билеты полагается допустить въ платежѣ податей и пошлинъ. Можетъ-ли быть какое-либо затрудненіе размѣстить 30 милліоновъ въ составѣ 400 милліоновъ? Въ однихъ винныхъ откупныхъ сборахъ, въ однихъ таможенныхъ пошлинахъ откроется имъ пространное поле.

Какой откупщикъ усомнится принять отъ кого-либо билетъ въ 250 рублей ассигнаціями, когда онъ знаетъ, что казначейство при первомъ взносѣ приметъ его точно также, какъ ассигнаціи. Если же билеты могутъ съ удобностію помѣститься даже и въ двухъ только кассахъ, то открывъ имъ двѣ другія, не можетъ быть сомнѣнія, что они и безъ процентовъ пойдутъ наравнѣ съ ассигнаціями. Если бы выпускъ ассигнацій не былъ прегражденъ, то неужели бы выпустили настоящіе 30 милліоновъ съ процентами, тогда какъ 595 милліоновъ ходятъ безъ процентовъ, слѣдовательно, проценты для хода билетовъ суть совершенно излишни.

Теперь обращусь къ тремъ моимъ темамъ:

1) Излишекъ сей весьма многосложенъ. Онъ предполагаетъ въ 500 или, по крайней мѣрѣ, въ 50-ти казначействахъ, провизію или назначеніе суммъ для платежа процентовъ; предполагаетъ особые счеты, книги, штемпели,—и на что все это огромное и раздробитель-

[1]) Exchequer bills и Navy bills суть des effets publics. Они негоцирують такъ, какъ и всѣ другіе fondes publics, и въ податяхъ никакъ не принимаются. Bank notes, напротивъ, принимають, но они не суть фонды и не имѣють курса, ибо платятся всегда серебромъ, исключая нѣкоторыхъ остановокъ временныхъ.— **М. Сперанскій.**

ное устройство? Для того только, чтобъ, напримѣръ, въ Олонцѣ или Иркутскѣ, куда едва-ли дойдетъ одинъ или два изъ сихъ билетовъ, быть въ готовности заплатить 10 или 20 рублей процентовъ. Тутъ, кажется, нѣтъ никакой соразмѣрности между цѣлію и средствами.

2) Излишекъ сей и весьма дорогъ. Издержать 1 милліонъ 200 тысячъ, а въ четыре года до 4-хъ мил. 800 тысячъ, для того только, чтобъ дать движеніе 30-ти мил. билетами, есть такая золотая колесница, въ коей наши 595 милліоновъ ассигнаціи никогда не путешествовали. Къ сему прибавить должно издержки штемпелей, изготовленіе бумагъ и проч., и проч.

3) Дѣйствіе сего излишка на ассигнаціи. Что всякій выпускъ ассигнацій, достигшихъ или перешедшихъ уже свою мѣру, унижаетъ ихъ достоинство, въ семъ, кажется, спора быть не можетъ,—нелѣпые толки о недостаткѣ и потребности ассигнацій, толки людей, съ сими понятіями не знакомыхъ, для васъ, безъ сомнѣнія, всегда будутъ ничтожны. Но билеты подъ щитомъ облигацій произведутъ-ли тоже дѣйствіе? Мнѣ кажется, произведутъ еще болѣе, хотя и не вдругъ и не на другой день, и не на другой мѣсяцъ; ибо, ставъ на ряду съ ассигнаціями въ податяхъ, они замѣнятъ равное ихъ количество и, слѣдовательно, умножатъ ихъ массу; проценты же, увеличивъ ихъ достоинство, дадутъ имъ верхъ надъ ассигнаціями, т. е., билеты въ ассигнаціонномъ ихъ значеніи будутъ представлять не только 30 милліоновъ, но 31, 32 и даже до 34 милліоновъ.

Здѣсь темы мои кончились. Начинаются ваши опроверженія; одно изъ нихъ стоитъ всѣхъ моихъ доводовъ, и едва-ли все зданіе мое не рушится. „Помощь казначейству скорая, рѣшительная необходима. Выпускъ ассигнацій прегражденъ закономъ и общимъ мнѣніемъ,—что же дѣлать въ сей крайности, какъ не выпустить бумаги, кои бы, имѣя всѣ свойства ассигнаціонныя, несли съ собою, во-первыхъ, удостовѣреніе, что онѣ вскорѣ будутъ погашены и, во-вторыхъ, представлялись бы не въ видѣ ассигнацій, но ходили бы въ одеждѣ облигацій, сколь бы, впрочемъ, нарядъ сей ни былъ дорогъ и многосложенъ!"

Противъ сего сказать почти нечего. Но если одежда симъ бумагамъ необходима, то нельзя-ли, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ее дешевле и простѣе, и вотъ какимъ образомъ:

1) Назначить проценты 2, 3 или даже и 4; но за одинъ послѣдній годъ и, слѣдовательно, на тѣ только билеты, кои въ 4-й годъ останутся въ обращеніи и кои будутъ по необходимости уже поступать въ казначейство для размѣна.

2) Назначить сей платежъ и самый окончательный размѣнъ при концѣ срока въ однихъ городахъ губернскихъ.

Отъ сего произойдутъ слѣдующія выгоды: 1) билеты будутъ ходить также, но обойдутся дешевле въ четверо; 2) они будутъ оставаться долѣе въ обращеніи, ибо 3) достоинство ихъ будетъ возрастать по мѣрѣ приближенія къ сроку; 4) вся многосложная операція штемпелеванія процентовъ, счеты, книги сократится и сдѣлается простѣе; 5) будетъ болѣе равновѣсія между ими и ассигнаціями и, слѣдовательно, менѣе будетъ униженія въ сихъ послѣднихъ.

Мнѣ совѣстно, что употребляю во зло ваше терпѣніе; но не могу въ заключеніе не прибавить слѣдующей мысли:

Если бы казначейство имѣло въ запасѣ не болѣе, какъ 10 милліоновъ золотой и серебряной монеты, и даже нѣсколько менѣе, то мнѣ кажется, не должно было бы колебаться учредить билеты, основанные на серебрѣ, и выпускать ихъ по мѣрѣ надобности такъ, чтобъ количество ихъ не привышало наличности металла болѣе, какъ втрое или даже и вчетверо. Билеты сіи имѣли бы ходъ самый вѣрный и сверхъ того:

1) Они дали бы и внѣ, и внутри имперіи самое высокое понятіе о нашихъ способахъ и благоразумномъ ихъ управленіи.

2) Они возвысили бы нашъ кредитъ при предстоящемъ внѣшнемъ займѣ и подѣйствовали бы на наши фонды столь же разительно, какъ и неожиданно.

3) Не только не унизили бы достоинства ассигнацій, но можетъ быть еще и пособили бы ему.

4) Нигдѣ не встрѣтили бы ни малѣйшаго затрудненія въ ходѣ ихъ, при открытомъ размѣнѣ въ столицахъ и, можетъ быть, въ Ригѣ.

5) Если бы къ сему присоединенъ былъ пріемъ ихъ въ тѣхъ родахъ пошлинъ, гдѣ нынѣ допускается серебро, то они вездѣ обращались бы на равнѣ съ нимъ и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ превосходствомъ.

Что значатъ, въ сравненіи съ симъ средствомъ, всѣ минутныя пособія, кои вы весьма справедливо сами называете заплатками. На что же ходить въ заплаткахъ, когда можно ходить въ серебрѣ? На что унижать вамъ вашу возвышенную и просвѣщенную администрацію?

Всѣ эти вопросы и всѣ сіи умствованія вы можете рѣшить однимъ словомъ: нельзя; и понеже я увѣренъ, что вы слово сіе скажете, все обдумавъ и измѣривъ—то и я, нимало не колеблясь, скажу за вами: нельзя. Сперанскій.

27-го мая 1831 г.

Сообщ. **И. Д. Делянов**ъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Ѳ. О. Туманскій.

Цензорская его дѣятельность въ 1800—1801 гг.

Въ „Русской Старинѣ", изд. 1873 г., т. VIII, (стр. 334—336) помѣщена статья М. Н. Лонгинова: „Русскіе писатели въ XVIII столѣтіи". Уважаемый нами библіографъ въ этой статьѣ, со свойственнымъ ему знаніемъ дѣла, исчислилъ всѣ литературные труды Ѳ. О. Туманскаго и коснулся его дѣятельности, какъ писателя и цензора при рижской таможнѣ (Слов. митр. Евгенія, часть 2-я, стр. 226-я). Объ этой-то послѣдней дѣятельности его мы и хотѣли бы прибавить отъ себя нѣсколько словъ, чтобы очертить нагляднѣе самую личность редактора: „Зеркала свѣта".

Въ сочиненіи Коцебу: „Une année mémorable de ma vie. Berlin, 1802", — книгѣ, составляющей въ настоящее время библіографическую рѣдкость,—находится весьма любопытный разсказъ о Туманскомъ (см. самое сочиненіе Т. II, стр. 225 — 234), вполнѣ характеризующій его цензорскую дѣятельность въ Ригѣ. Изъ него явствуетъ, что не одна только месть къ Карамзину руководила имъ при запрещеніи нѣмецкаго перевода „Писемъ русскаго путешественника", вышедшаго въ 1800 году, въ Лейпцигѣ; но что стѣсненія печати и стремленія проявлять, такъ или иначе, свою цензорскую бдительность были „parties prises" Ѳ. О. Туманскимъ. Вотъ почему имя его, по всей справедливости, и должно занять видное мѣсто въ ряду тѣхъ личностей, которыя заслужили громкую извѣстность въ исторіи русской цензуры. Мы переводимъ въ цѣлости отрывокъ изъ сочиненія Коцебу, относящійся до Туманскаго,

въ виду болѣе полнаго съ нимъ знакомства читателей „Русской Старины“. Вотъ этотъ отрывокъ:

„Г-нъ С...., пасторъ изъ окрестностей Дерпта, устроилъ для своихъ прихожанъ маленькую библіотеку. Туманскій, назначенный цензоромъ этой мѣстности, чтобы доказать свою неутомимую бдительность, проситъ пастора сообщить ему каталогъ книгъ этой библіотеки. Смущенный существовавшими порядками того времени, С.... отвѣчаетъ, что онъ уже отказался отъ мысли имѣть въ своемъ приходѣ читающее общество,—и дѣйствительно, его намѣреніе было таково: онъ въ это тремя собиралъ уже обратно въ библіотеку книги, находившіяся по рукамъ читателей,—чего, за немногими исключеніями, почти и достигъ совершенно. Въ числѣ невозвращенныхъ книгъ находилась одна часть сочиненія Августа Лафонтена, подъ названіемъ: „Сила любви“. Позабывъ, кто взялъ эту книгу и не желая съ тѣмъ вмѣстѣ ея лишиться, онъ избралъ обыкновенный путь для ея отысканія и напечаталъ въ Дерптской газетѣ, что онъ проситъ того, у кого находится книга, входящая въ составъ его библіотеки, ее возвратить обратно ему.

„Это объявленіе попало, къ несчастію, въ руки Туманскаго. Увиряютъ, что намѣреніе этого чудовища было не столько повредить пастору С...., на сколько вызывалось стремленіемъ навлечь выговоръ доброму лифляндскому генералъ-губернатору г. Нагелю, къ которому онъ чувствовалъ затаенную ненависть, по поводу воображаемой какой-то обиды, ему будто-бы нанесенной. Онъ донесъ обо всемъ этомъ рапортомъ своему защитнику и покровителю Обольянинову, прибавивъ отъ себя гнуснѣйшія обстоятельства; этотъ же послѣдній, въ свою очередь, увѣдомилъ рапортомъ о происшествіи самаго императора, съ прибавленіемъ отъ себя новыхъ подробностей, по своему личному вкусу. Однимъ словомъ, пасторъ С.... былъ обвиненъ въ томъ, что, не смотря на предупрежденіе цензора, онъ держалъ свою библіотеку открытой и, съ помощію запрещенныхъ и якобинскаго содержанія книгъ, старался распространять въ кругу своихъ читателей опасные принципы. (Пасторъ обвинялся и въ томъ, что не имѣлъ каталога запрещенныхъ книгъ). Все это было представлено предъ глазами императора въ такомъ превратномъ и гнусномъ видѣ, что онъ немедленно приказалъ: „арестовать пастора С.... и доставить его въ Петербургъ, въ крѣпость“, послѣ того, какъ Туманскій, окруживъ его домъ отрядомъ войскъ, предаетъ публично огню всѣ его книги.

„Когда Туманскій готовился къ отъѣзду, для исполненія этого блестящаго порученія, на этотъ праздникъ (?), всѣ жители города

Риги просили его употребить, на сколько онъ могъ, свое влiянie для спасенiя несчастнаго семейства пастора; онъ обѣщалъ исполнить просимое, но, какъ видно, не сдержалъ своего слова. Посреди ночи, солдаты, подъ предводительствомъ благороднаго (noble) Туманскаго, окружили домъ пастора, гдѣ онъ, его жена и дѣти спокойно спали. Пусть теперь составятъ себѣ понятie о ихъ пробужденiи! Всѣ выходы изъ дома заграждены; производится опись бумагъ пастора, на нихъ накладываются печати; всѣ его книги, не исключая даже и библiи, сваливаются въ груду и предаются пламени; самого несчастнаго хозяина дома бросаютъ въ кибитку и, въ сопровожденiи полицейскаго чиновника, отправляютъ въ Петербургъ.

„Оправившись нѣсколько, около утра, отъ своего перваго изумленiя, онъ проситъ позволенiя у сопровождавшаго его офицера написать нѣсколько строкъ своей женѣ. Этотъ лукавый человѣкъ, давъ ему на это разрѣшенie и дѣлая видъ, что онъ самъ желаетъ отдать письмо на почту, оставляетъ его у себя и передаетъ его, по прибытiи въ Петербургъ, генералъ-прокурору. Письмо это, кромѣ весьма естественныхъ жалобъ, содержало просьбу къ женѣ: „стараться прежде всего успокоить крестьянъ до его возвращенiя". Изъ этихъ словъ вывели заключенie, что онъ „уже" возмущалъ крестьянъ и что послѣднie ожидали только возвращенiя „своего вожака", чтобы окончательно возмутиться. Другie утверждаютъ, что пасторъ въ письмѣ просилъ свою жену сжечь его старую переписку съ однимъ изъ его прiятелей, въ которой говорилось о французской революцiи; и что дѣйствительно, будто-бы, былъ посланъ сыщикъ съ оковами, чтобы арестовать этого прiятеля, который, къ счастiю, еще задолго до этого случая умеръ.

„Какъ бы то ни было, но все это происшествie было доведено до свѣдѣнiя монарха генералъ-прокуроромъ (въ которомъ человѣческаго была только личина) и въ такихъ черныхъ краскахъ, что немедленно было приказано юстицъ-коллегiи „опредѣлить виновному тѣлесное наказанie и затѣмъ сослать его въ сибирскie рудники". Юстицъ-коллегiя поставлена была въ немалое затрудненie, потому что опредѣленie наказанiя, долженствующаго быть результатомъ разсмотрѣнiя дѣйствiй виновнаго, ей было предписано напередъ — такъ что въ данномъ случаѣ она низводилась на степень простаго исполнительнаго полицейскаго мѣста. Президентъ ея отважился по этому поводу сдѣлать нѣкоторыя представленiя генералъ-прокурору, на которыя послѣднiй отвѣчалъ сухо, что онъ можетъ поступать, какъ знаетъ, подъ своей личной отвѣтственностью, и что ему, впрочемъ, уже извѣстна по этому предмету высочайшая воля.

„И вотъ, однажды утромъ, въ крѣпости объявили несчастному С...., которому не назначили даже защитника, что онъ долженъ былъ надѣть свое священническое облаченіе и слѣдовать за г-мъ Макаровымъ въ помѣщеніе юстицъ-коллегіи для выслушанія приговора.

„Полный надеждъ, возникшихъ, отчасти даже вслѣдствіе того одѣянія, въ которое ему приказали облачиться, онъ отправился выслушать о рѣшеніи своего жребія. Въ залѣ, гдѣ объявлялись приговоры, его поставили къ стѣнѣ, секретарь прочелъ ему приговоръ, и когда дошелъ до словъ: „пасторъ С.... смѣщается съ занимаемаго имъ мѣста, лишается священническихъ крагъ и мантіи, присуждается къ полученію двадцати ударовъ кнута и, по исполненіи сего, имѣетъ быть препровожденъ въ оковахъ въ Нерчинскіе рудники,—работы до своей смерти", несчастный потерялъ всякое сознаніе. Конвульсивно качнувъ два-три раза головой, онъ упалъ лицомъ на землю; ему подали помощь, и когда пришелъ въ себя, онъ кинулся на колѣни и просилъ, чтобы его выслушали.

— „Здѣсь не мѣсто", отвѣчалъ ему генералъ-прокуроръ.

— „Гдѣ же?" закричалъ страшнымъ голосомъ несчастный: „гдѣ? тамъ, на верху! на небѣ!"

„Его увлекли обратно въ общую тюрьму.

„Весь Петербургъ принялъ участіе въ его судьбѣ: всѣ просили, хлопотали въ его пользу, даже русское духовенство, которому этотъ порывъ великодушія дѣлаетъ много чести. Графъ Паленъ заслужилъ общее одобреніе неимовѣрными усиліями, имъ употребленными для его спасенія. Все, однако-жъ, было напрасно! Обольяниновъ черезчуръ ловко схватилъ свою жертву и С.... былъ отвезенъ на лобное мѣсто. На половинѣ дороги его вернули назадъ, чтобы напутствовать таинствомъ причащенія, которое онъ и получилъ изъ рукъ пастора Рейнбота; затѣмъ процессія вновь двинулась въ путь.

„Его руки были уже прикручены къ столбу, его уже раздѣли, чтобы приступить къ экзекуціи,—какъ вдругъ прибылъ курьеръ и сообщилъ что-то на ухо палачу. Послѣдній почтительно отвѣчалъ: „слушаю-съ", и затѣмъ двадцать разъ, не прикасаясь, подымалъ и опускалъ надъ несчастнымъ кнутъ, ловко скользя имъ по платью осужденнаго, не причиняя ему боли. Ясно, что какая-то добрая душа, не имѣя возможности избавить этого невиннаго отъ безчестія, оградила его, по крайней мѣрѣ, отъ физическихъ истязаній.

„По совершеніи экзекуціи, пасторъ С.... былъ обратно отведенъ въ тюрьму. Графъ Паленъ, подъ разными предлогами, отдалялъ его отправленіе въ рудники и имѣлъ даже по этому поводу нѣсколько размолвокъ съ генералъ-прокуроромъ; но императоръ такъ настоя-

тельно потребовалъ окончательнаго приведенія въ исполненіе приговора, что, наконецъ, надо было уступить,—и несчастный С..., шагъ за шагомъ, повлекъ свои оковы въ Нерчинскъ. Жена его, хотѣвшая его сопровождать, не могла выхлопотать на это позволенія.

„Теперь онъ, какъ и многіе другіе, освобожденъ. Когда я уѣзжалъ изъ Петербурга (1802 г.), его возвращеніе изъ ссылки ожидалось съ каждымъ днемъ и никто не сомнѣвается, что молодой императоръ (Александръ I), на столько же справедливый, на сколько и милостивый, возстановитъ и его доброе имя, и его общественное положеніе.

„Нѣсколько дней спустя послѣ вошествія на престолъ Александра I, князь Зубовъ у одного изъ рестораторовъ далъ большой обѣдъ на сто персонъ, по двадцати пяти рублей съ каждой особы, безъ вина; на этомъ обѣдѣ, между прочимъ, выпито четыреста бутылокъ шампанскаго, по пяти рублей за каждую. Я не сталъ бы упоминать объ этомъ княжескомъ банкетѣ, если бы онъ не служилъ характеристикой самому князю. Чокаясь бокалами, кто-то вспомнилъ о несчастномъ пасторѣ С.... и немедленно составленная подписка въ его пользу принесла, какъ говорятъ, десять тысячъ рублей.

„..... Г-нъ Туманскій, столько времени бывшій страшилещемъ города Риги, окончилъ самымъ печальнымъ образомъ свою роль. Съ бѣшенствомъ относясь къ презрѣнію, ему повсюду выражаемому, онъ вознамѣрился погубить всѣхъ жителей этого добраго города,—и съ этой цѣлью сдѣлалъ на нихъ на всѣхъ доносъ императору, какъ на якобинцевъ, препроводивъ ко двору длинный листъ, на которомъ находились имена главныхъ гражданъ и должностныхъ, оффиціальныхъ лицъ города, а во главѣ всѣхъ ихъ имя достойнаго, стараго генералъ-губернатора Нагеля.

„Прямой и прозорливый Акександръ I, прочитавъ этотъ пасквиль, объявилъ, можетъ быть, съ нѣкоторой и излишней добротой, что Туманскій сошелъ съ ума и смѣстилъ его съ занимаемой имъ должности. Во время моего проѣзда чрезъ Ригу, въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго (1802) года, онъ проживалъ въ немъ въ бѣдности, всѣми презираемый, на подаянія тѣхъ самыхъ жителей, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать несчастными. Такимъ образомъ „храмоногое правосудіе“, какъ его называетъ Горацій, достигло и этого преступника; но, разумѣется, оно чрезъ мѣру къ нему снисходительно въ виду тѣхъ слезъ и стоновъ, которые выпали на долю многимъ несчастнымъ во время его служебной дѣятельности“.

Сообщ. **Н. П. Барышниковъ.**

Г. Орелъ.

Устройство военныхъ поселеній.

(Изъ записокъ отставнаго маіора А. П. Рудыковскаго).

1820—1821 гг.

....Въ 1820 году, послѣ лагеря, полкъ нашъ (Бутырскій) потребованъ въ Москву, въ караулъ. Квартиры временно были намъ показаны за Москвой, въ Богородскомъ уѣздѣ; тамъ полкъ простоялъ не долго и потребованъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Москву. Полку показаны квартиры въ Хамовницкихъ казармахъ. Караулы полкъ занималъ до февраля 1821 г.; тутъ послѣдовало распоряженіе: отдѣлить отъ полка второй баталіонъ въ резервъ и отправить въ Новгородъ, въ кругъ военнаго поселенія. Въ этотъ баталіонъ и меня судьба забросила.

Никто понятія не имѣлъ о военномъ поселеніи. Насъ обманывали и льстили тѣмъ, что всякому офицеру дадутъ по три лошади съ фуражемъ для объѣзда работъ, а солдаты будутъ пахать и засѣвать землю; но вышло противное. Не доходя до Новгорода, въ Бронницкомъ яму, получено баталіоннымъ командиромъ назначеніе на кирпичныя работы. Пройдя Новгородъ, въ 9-ти верстахъ есть деревушка Трубичино, около которой велѣно строить бараки для баталіона, а съ открытіемъ весны дѣлать кирпичъ. Глина была тамъ накопана, дрова въ саженяхъ стояли для обжиганія кирпича.

По вступленіи баталіона въ Новгородъ, былъ назначенъ смотръ. Отрядный командиръ Княжнинъ выѣхалъ къ баталіону, посмотрѣлъ, разругалъ баталіоннаго командира и всѣхъ прогналъ съ поля; притомъ генералъ кричалъ долго, что „это толпа свиней, а не солдатъ!“

Съ этимъ напутствіемъ баталіонъ пришелъ къ назначенному мѣсту и приступилъ къ постройкѣ балагановъ въ мартѣ мѣсяцѣ, 1821 г. Снѣгъ былъ глубокъ, земля глубоко промерзла; должны были грѣть воду въ котлахъ и лить въ ямы для столбовъ. Лѣсъ былъ не далеко. Одни рабочіе назначались рубить лѣсъ и приносить на мѣсто постройки балагановъ, другіе—копали ямы для столбовъ. Офицеры всѣ при рабочихъ дрожатъ отъ холода и голода; купить что-нибудь для пищи въ поселеніи ни за какія деньги нельзя, было по строгому запрещенію. Надо было посылать въ городъ за покупками, и у кого были деньги тѣ давали ихъ на покупки артельщикамъ. Солдатамъ готовилась кашица, хлѣбы пеклись въ выкопанныхъ подъ горой печахъ. Костры горятъ, дровъ не жалѣли и около костровъ согрѣва-

лись. Балаганы кое-какъ построены плетневые, но крышъ еще не было. До открытія весны приказано съ елей кору снимать и этими лубьями крыть балаганы, а стѣны обмазывать глиной. На подстилку солдатамъ въ балаганы не давалась солома. Деньщики для своихъ господъ тайкомъ, въ ночное время, у поселянъ покупали вязанки соломы. Офицеры всѣ молоды, кромѣ ротныхъ командировъ; ни у кого изъ нихъ не было теплой одежды, ночью покрыться не чѣмъ,—въ чомъ кто ходилъ днемъ, такъ и ложился.

Наступило теплое время; глина разстаяла, очистили мѣста, начали дѣлать кирпичъ. Глина была очень жирна, никто ничего не зналъ—давай дѣлать; а когда начали кирпичи высыхать—трескались въ куски, и никто не зналъ, что дѣлать и чѣмъ помочь горю. Нѣтъ въ баталіонѣ ни одного солдата, который бы зналъ кирпичное дѣло. Вскорѣ какъ-то былъ назначенъ Аракчеевымъ смотръ въ Новгородѣ; графъ проѣзжалъ мимо нашего баталіона; доѣхалъ до передняго пикета и остановился. Ему сдѣлали на караулъ, пробили полный походъ. Онъ принялъ рапортъ баталіоннаго командира, взялъ его подъ руку и повелъ на мѣста, гдѣ дѣлались кирпичи. Обошелъ заводъ, увидѣлъ, что ни одного кирпича нѣтъ цѣлаго, разбранилъ баталіоннаго командира, сказалъ, что пришлетъ мастера, и поѣхалъ въ Новгородъ.

Черезъ недѣлю прибылъ этотъ мастеръ — штабсъ-капитанъ, изъ разночинцевъ, Дарченко. Увидѣлъ онъ глину и сказалъ, что въ эту глину надо добавлять половину песку. Песку вблизи не было, надо было возить за четыре версты. Употребили подъемныхъ лошадей; пошло дѣло на ладъ. Кирпичи выходили цѣлы и хороши. Надѣлали 200 т., надо было обжигать, надо было класть наружныя печи. Мастеръ показалъ и начали нагружать по сту тысячъ въ печъ. Нагрузили, щебнемъ обложили и обмазали кругомъ. Начали обжигать, а какъ начать обжигать—и самъ мастеръ не зналъ; и съ перваго разу начали большимъ огнемъ жечь. Жгли что-то долго, нельзя было уже обжигателямъ подступить къ печамъ—подкладывать дрова. Велѣно перестать жечь — пусть простываютъ печи. Недѣли двѣ ждали, пока простынутъ печи, чтобъ разбирать, нельзя было до печей приступиться. Отбросили кругомъ щебень и еще недѣлю ждали, пока простынутъ печи, но печи все не приступны къ разборкѣ. Начали сверху снимать и ряда два сняли, а тамъ далѣе невозможно было и одного кирпича взять—вся масса слилась въ одну груду; такъ и бросили. Надо было рапортовать о случившемся, на это послѣдовалъ приказъ: „что стоила выдѣлка кирпича, по задѣльной платѣ, взы-

скать съ баталіоннаго командира и офицеровъ, которые дежурили по работамъ".

Новое горе офицерамъ; и такъ не было чѣмъ жизнь поддерживать, за большими вычетами изъ жалованья — за экипировку, въ офицерскую сумму, на медикаменты — вотъ еще и за кирпичъ! Ропотъ и негодованіе на свою горькую участь.... Всѣ ждемъ сентября, всѣ согласились подать въ отставку. Наконецъ дождались сентября, давай сочинять просьбы и подавать по порядку установленному. Одинъ баталіонный командиръ и адъютантъ не подали. Наши просьбы были представлены, пролежали гдѣ-то три мѣсяца и мы всѣ ожидали, что вотъ-вотъ послѣдуетъ развязка наша съ постылою службою. А между тѣмъ, какъ мы ожидали отставокъ, назначенъ былъ смотръ.

На смотръ пріѣхалъ Аракчеевъ; не долго онъ смотрѣлъ — разругалъ всѣхъ за худое состояніе баталіона и недоведеніе по фронтовой части солдатъ, за что и объявилъ запрещеніе всѣмъ штабъ- и оберъ-офицерамъ на четыре года подавать въ отставку и домовые отпуски. Всѣ наши просьбы были возвращены съ выговоромъ строгимъ баталіонному командиру — за это допущеніе, и на каждой просьбѣ было надписано: „На четыре года запрещается подавать таковыя".

Что было дѣлать намъ? Терпѣть и терпѣть; пословица говоритъ: „плеть обуха не перебьетъ". Наступила осень, дожди, холодъ, наконецъ, морозы, — октябрь проходитъ. Тутъ нагнали лѣсу въ плотахъ; заставили выгружать на берегъ, чтобы весной не унесло рѣкой. Солдаты изнурены, начали валиться десятками и отсылались въ новгородскій госпиталь. Офицеры также начали болѣть, а тутъ надо выполнить приказъ и лѣсъ на берегъ выгрузить; и тогда баталіонъ будетъ отпущенъ на зимнія квартиры, которыя уже назначены были въ Боровицкомъ уѣздѣ, въ селѣ Кончанскомъ (имѣніе князя А. А. Суворова).

Наступилъ уже и ноябрь; морозы усилились, такъ что ледъ уже былъ въ четверть аршина; надо рубить ледъ и бревна вытаскивать на берегъ. Огни на берегу горятъ, солдаты грѣются и по очереди лѣзутъ въ воду обрубать и завязывать веревками бревна. Дежурные офицеры тутъ же у огня грѣются и понуждаютъ рабочихъ, чтобы скорѣе работали.

Наконецъ, къ 20-му ноября 1821 г. окончили выгрузку; было донесено о выполненіи предписанной работы. Вскорѣ послѣдовало предписаніе выступить на зимнія квартиры; 24-го ноября 1821 г. баталіонъ распрощался съ своимъ девятимѣсячнымъ бивуакомъ....."

Сообщ. **Н. Рудыковскій.**

Замѣтка къ календарю для хронологическихъ справокъ.

Въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, стр. 120, строка 13 снизу, вкралась ошибка: вмѣсто числа 15, слѣдовало поставить число 16.

Отъ чего опредѣленіе четвертаго остатка измѣнится такъ:

Четвертый остатокъ получается отъ дѣленія на 30 числа 16, сложеннаго съ первымъ остаткомъ, умноженнымъ на 19.

Примѣръ, взятый для 1873 годъ, отъ этого не перемѣнится.

Первый остатокъ отъ $\frac{1873}{19}$ = будетъ 11.

Второй остатокъ отъ $\frac{1873}{4}$ = будетъ 1.

Третій остатокъ отъ $\frac{1873}{7}$ = будетъ 4.

Четвертый остатокъ отъ $\frac{16 + 19 \times 11}{30} = 15$.

Пятый остатокъ отъ $\frac{2 \times 1 + 4 \times 4 + 6 \times 15}{7}$ будетъ 3.

$15 + 3 + 21 = 39 - 31 = 8$ апрѣля.

Остальное все вѣрно.

Предложенныя формулы нѣсколько отличаются отъ формулъ Гауса; по нимъ опредѣленіе пятаго остатка дѣлается проще, а сумма четвертаго и пятаго остатковъ прямо даетъ церковный ключъ границъ.

Дѣйствительныя же формулы Гауса выражаются такъ: если черезъ N обозначить номеръ года, а черезъ x, y, z, u, v остатки, то

$x = \text{ост.}\left(\frac{N}{19}\right)$.

$y = \text{ост.}\left(\frac{N}{4}\right)$.

$z = \text{ост.}\left(\frac{N}{7}\right)$.

$u = \text{ост.}\left(\frac{19x + 15}{30}\right)$.

$v = \text{ост.}\left(\frac{2y + 4z + 6u + 6}{7}\right)$.

Для опредѣленія же числа Пасхи къ суммѣ $u + v$ должно придать 22.

Сообщ. **Н. И. Черухинъ.**

Плита въ память А. С. Пушкина.

Отвѣчаю на вопросъ А. В. Фр., предложенный на 244 стр., VIII т., изд. «Русской Старины» 1873 г.: мраморная плита, менѣе квадратнаго аршина, съ прибитыми выпуклыми золочеными буквами надписью Genio Loci, изъ сада Царскосельскаго лицея перенесена въ садъ лицея, въ настоящее его помѣщеніе на Каменноостровскомъ проспектѣ, и находится на правой сторонѣ лицейскаго сада старшихъ двухъ курсовъ.

А. М. Смирновъ,

воспитанникъ лицея XXIII курса, выпуска мая 1853 г.

Г. Сопожокъ,

Рязанской губерніи.

Поправки и замѣтки.

Исправляемъ замѣченныя опечатки и погрѣшности въ «Русской Старинѣ», 1873 г., т. VIII.

Воспоминанія о русскомъ театрѣ П. А. Каратыгина.

Страница 308, 11-я строка сверху—напечатано: «Кольбрехтъ»—должно быть: «Кальбрехтъ».

Стр. 316, строка 14-я сверху: «измѣнилъ моимъ убѣжденіямъ»—должно быть: «не измѣнилъ моимъ убѣжденіямъ».

Стр. 319, строка 7-я снизу: «Флорестона»—должно быть: «Флорестана».

Стр. 325, строка 10-я сверху: «ровно черезъ годъ»—должно быть: «черезъ два года».

Стр. 329, въ текстѣ строка 4-я снизу: «Дюро» — должно быть: «Дюра».

Графъ Никита Петровичъ Панинъ.

Стр. 343, строка 9-я —вмѣсто: «распоряжалась супруга» —должно быть: «распоряжалась прислуга».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Стр. 380—381, снизу первая и на слѣдующей первая-же сверху строки, необходимо замѣнить слѣдующими: «Представьте все это на воззрѣніе государя императора, потому, что жолтые и малиновые цвѣта не бросаются такъ въ глаза въ Петербургѣ, какъ здѣсь—въ Варшавѣ и какъ въ Литвѣ».

Къ этому, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что эти цвѣта были національными цвѣтами польскихъ и литовскихъ войскъ: въ польской арміи воротники были малиновые, въ литовскомъ корпусѣ—жолтые.

О сохраненіи и размноженіи россійскаго народа.

Вотъ что пишетъ намъ Б. М. Ѳедоровъ по поводу этого весьма замѣчательнаго трактата М. В. Ломоносова: «Подлиннаго письма я не имѣлъ въ рукахъ, но несомнѣнность этого письма доказывается собственноручною запискою Ломоносова, въ которой намѣчены предположенія его по разнымъ предметамъ къ государственной и общественной пользѣ (см. выше, стр. 563), отчасти изложенныя въ упомянутомъ письмѣ. Эту собственноручную записку Ломоносова подарилъ мнѣ мой добрый пріятель П. П. Свиньинъ, путешествовавшій по Архангельской губерніи, гдѣ и пріобрѣлъ онъ многія изъ рукописей Ломоносова отъ потомковъ сестры Ломоносова, а къ нимъ перешли онѣ по кончинѣ князя Григ. Григ. Орлова, бывшаго покровителемъ Ломоносова».

«Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей».

Въ предисловіи къ этому изданію мы забыли оговорить, что письмо гр. Н. П. Румянцова, въ немъ помѣщенное, имъ лишь подписано, но самый текстъ принадлежитъ рукѣ одного изъ довѣреннѣйшихъ его секретарей Богацкаго.

Въ библіографической замѣткѣ г. Неустроева («Русск. Стар.» 1873 г., т. VIII стр. 242) издатель «Музыкальнаго увеселенія» названъ Керцеліемъ, но правильнѣе писать, кажется, Керцелли. Упоминаемыя г. Неустроевымъ свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ журналовъ прошлаго столѣтія, въ существованіи которыхъ сомнѣвался почтенный библіографъ, сообщены Л. Весинымъ въ письмѣ, подпись котораго не была разобрана.

О ПРІЕМѢ ПОДПИСКИ

НА

„РУССКУЮ СТАРИНУ“

1874 г.

пятый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ **1874** г. будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первые **четыре года** своего существованія (1870—1873 гг.), но нѣсколько въ бóльшемъ противу прежняго объемѣ.

Годовое изданіе изъ **двѣнадцати** книгъ составитъ **три тома,** каждый не менѣе 44 листовъ убористой печати [1]).

При изданіи, время отъ времени, прилагаются **портреты** замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, **снимки** съ подлинныхъ ихъ писемъ, **рисунки** историческихъ памятниковъ, зданій и проч.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ **ежемѣсячно**, непремѣнно 1-го числа, и одновременно разсылается какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1874 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

---

[1]) Въ предыдущіе годы мы обязывались давать **два** тома тексту, каждый не менѣе 33 печ. листовъ и **одинъ** томъ въ приложеніи, не менѣе 36 листовъ. Нынѣ, для удобства размѣщенія историческаго матеріала и для приданія бóльшаго интереса книгамъ, однѣ и тѣже Записки не будутъ тянуться въ приложеніи; текстъ же будетъ состоять не изъ двухъ, а изъ трехъ томовъ, каждый, вмѣсто 33 — изъ 44-хъ обязательныхъ для редакціи листовъ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ **восьми** рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію—**два** рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—**три** рубля.

При перемѣнѣ адреса городскаго на иногородный, по почтовымъ правиламъ, слѣдуетъ вносить—64 к., при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ въ **С.-Петербургѣ,** въ Главной Конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ книжномъ магазинѣ Александра Ѳедоров. **Базунова** (Невскій проспектъ, д. № 30); въ Москвѣ— въ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева** (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

Гг. **Иногородныхъ** просятъ обращаться **исключительно** въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, у Спаса Преображенія, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Оба изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ **1870** г. (первый годъ) и все изданіе **1871** г. (второй годъ) разошлись по подпискѣ и теперь ни въ редакціи, ни въ конторахъ ея нѣтъ ни одного экземпляра этихъ годовъ.

„РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1872 г. (второе изданіе)** можно получить всѣ 12 книгъ со всѣми приложеніями, портретами и рисунками.

Цѣна **восемь** рублей съ пересылкой.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1873 г. продолжается** *[Осталось немного экземпляровъ].* Цѣна за 12 кн. со всѣми приложеніями, портретами и рисунками, **восемь** рублей съ пересылкою.

Весьма обширное собраніе матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, съ каждымъ годомъ значительно увеличивается, такъ что все напечатанное на страницахъ этого изданія въ теченіи **четырехъ** лѣтъ, составляетъ сравнительно лишь незначительную ихъ долю, несмотря на то, что каждая книга „РУССКОИ СТАРИНЫ“, вмѣсто **восьми** печатныхъ листовъ, какъ то было обѣщано редакціей, состояла изъ двѣнадцати, четырнадцати, а иногда даже **шестнадцати** печатныхъ листовъ. Мы даемъ, такимъ образомъ, въ два раза болѣе того, что нами обѣщано и что можетъ быть дано при настоящей цѣнѣ изданія и можемъ съ удовольствіемъ сообщить, что вниманіе къ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ со стороны общества продолжаетъ возростать, что всего осязательнѣе доказывается тѣми непрерывными сообщеніями, нерѣдко весьма важныхъ, полныхъ интереса матеріаловъ для отечественной исторіи и исторіи русской литераратуры, которыя „РУССКАЯ СТАРИНА“ продолжаетъ получать со всѣхъ концовъ Россіи.

Къ первой книгѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1874 г. будетъ, между прочимъ, приложенъ портретъ тайнаго секретаря Петра III, **Дмитрія Васильевича Волкова**, составителя манифестовъ 1762 года: объ освобожденіи Россійскаго дворянства и объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи.

„Русская Старина“ изд. 1874 г. 8 руб. съ пересыякой.

VI. **Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія.** 1809—1831 гг. Новые разсказы очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта поселянъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб., 1871 г., въ 8-ю д. л.

Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

VII. **Записки Екатерины Александровны Хвостовой.** 1812—1841 гг. Очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб., 1871 г., въ 8-ю д., 260 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

VIII. **Состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ**, записки **Джона-Перри**, перев. съ англійскаго кн. **О. М. Дондуковой-Корсаковой,** съ предисл. **М. И. Семевскаго.**

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1872.

Достопамятныя сказанія о жизни и дѣлахъ Петра Великаго. Изданіе Вспомогательной Кассы С.-Петербургскихъ наборщиковъ, подъ наблюденіемъ редакціи журнала «Русская Старина».

Цѣна книги на велен. бумагѣ съ приложеніями снимковъ и портрета Петра Великаго **2 руб.** На простой бумагѣ съ прилож. портрета Петра Великаго — **1 руб.**

Контора редакціи «Русской Старины» извѣщаетъ, что поступающія, на нижеслѣдующія изданія, требованія не могутъ быть удовлетворяемы, такъ какъ книги эти разошлись сполна, до послѣдняго экземпляра, а именно: 1) «Русская Старина», изд. 1870 г. (первый годъ, два изд.); 2) «Русская Старина», изд. 1871 г. (второй годъ). 3) «Записки М. И. Глинки», изд. 1870 г.; 4) «Бунтъ военныхъ поселянъ», изд. 1870 г., и 5) «Дневникъ Іоанна Георга Корба, о бунтѣ и казняхъ стрѣльцовъ въ 1698 — 1699 гг.».

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ

во время его намѣстничества на Кавказѣ.

1854—1856.

I.

Недоразумѣнія и несогласія, возникшія на Кавказѣ послѣ выѣзда князя Воронцова между генераломъ Реадомъ[1]) и командовавшимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ княземъ Бебутовымъ, ускорили назначеніе въ этотъ край генералъ-адъютанта Н. Н. Муравьева. Ничему въ жизни, казалось, не радовался онъ такъ, какъ этому назначенію: съ одной стороны, обширное поприще, на которомъ предстояла возможность удовлетворить даже самому притязательному честолюбію, а съ другой—какъ нельзя болѣе удобный случай свести старые счеты съ нѣкоторыми изъ своихъ недоброжелателей, среди коихъ едва-ли не самое видное мѣсто занималъ князь Воронцовъ, — все это рисовало передъ нимъ открывавшуюся роль въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Но разсчеты его въ обоихъ случаяхъ оказались несостоятельными. Прослѣдимъ въ нѣсколькихъ словахъ его кратковременную здѣсь дѣятельность въ званіи намѣстника.

Назначеніе Муравьева послѣдовало 29-го ноября 1854 года. Оставивъ Петербургъ и проживъ нѣсколько дней въ Москвѣ, онъ, въ началѣ января 1855 года, былъ уже въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края.

---

[1]) Генералъ отъ кавалеріи Николай Андреевичъ Реадъ вступилъ въ командованіе кавказскимъ корпусомъ, на правахъ командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, 2-го марта 1854 года. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ былъ назначенъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса и убитъ 4-го августа 1855 года въ сраженіи при рѣкѣ Черной. А. Б.

Прежняя служба Муравьева на Кавказѣ, предпринятая имъ отсюда, по порученію генерала Ермолова, поѣздка въ Хиву, участіе въ послѣдней войнѣ съ Персіей и послѣдовавшей за ней войнѣ съ Турціей, командованіе въ 1833 году русскимъ отрядомъ на Босфорѣ, наконецъ, начальствованіе надъ отдѣльными частями войскъ внутри имперіи,—все это, вмѣстѣ взятое, заставило въ Россіи смотрѣть на него, какъ на замѣчательный военный талантъ. Кромѣ того, онъ пользовался репутаціей строгаго, но справедливаго начальника и, въ добавокъ, человѣка не только образованнаго, но по тогдашнему—и ученаго, въ особенности же хорошаго оріенталиста. Но не такъ смотрѣлъ на него Кавказъ: знакомый съ нимъ еще со времени командованія этимъ краемъ генерала Ермолова и графа Паскевича, онъ помнилъ лишь его педантически суровый характеръ, а потому бо̀льшая часть кавказцевъ ожидала со страхомъ и трепетомъ новаго намѣстника. Нашлись даже личности, которыя неотразимому вліянію этого именно чувства приписывали смерть начальника резервной дивизіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Варпаховскаго, приключившуюся ему 20-го января 1855 года въ Ставрополѣ, т. е., на другой день по прибытіи генерала Муравьева въ этотъ городъ.

Послѣ 10-ти дневнаго пребыванія въ Ставрополѣ, посвященнаго пріему разныхъ депутацій и ознакомленію съ положеніемъ тамошнихъ дѣлъ, Муравьевъ 29-го числа выѣхалъ на правый флангъ Кавказской линіи по тракту на Прочный-Окопъ. 11-го февраля онъ прибылъ въ Владикавказъ, а 15-го выѣхалъ на лѣвый флангъ линіи, гдѣ посѣтилъ крѣпости Внезапную и Грозную — этотъ важный въ данное время стратегическій оплотъ противъ чеченцевъ, хорошо ему знакомый со времени перваго служенія на Кавказѣ.

Крѣпость Грозная основана въ 1818 году генераломъ Ермоловымъ на берегу рѣки Сунжи. До того здѣсь не было поселенія и Алексѣй Петровичъ, руководствуя и наблюдая лично за земляными и другими работами, устроилъ себѣ ту, пріобрѣтшую впослѣдствіи почти историческую извѣстность, землянку, изъ которой исходили его распоряженія по краю. Болѣе удобнаго помѣщенія, въ то время и при тогдашнихъ обстоятельствахъ, нельзя было и требовать. Но tempora mutantur: спустя 37 лѣтъ, Муравьевъ нашелъ Грозную обстроенною и населенною крѣпостью, въ которой ничто, казалось, не напоминало прошлаго, кромѣ развѣ и понынѣ сохранившейся во дворѣ прекраснаго дома, построеннаго подъ помѣщеніе начальника лѣваго фланга, землянки, составляющей историческій памятникъ славнаго командованія на Кавказѣ генерала Ермолова.

Новое-ли зданіе по своему европейскому комфорту, проникнувшему

и въ это, тогда еще дикое и пустынное, захолустье, составляющее рѣзкій контрастъ съ скромною землянкой знаменитаго кавказскаго героя, или другія какія причины невыгодно повліяли на Муравьева,— мы не предрѣшаемъ; дѣло только въ томъ, что онъ изъ Грозной адресовалъ къ Ермолову извѣстное письмо, наполненное укоромъ и выходками противъ современныхъ кавказцевъ; вскорѣ послѣ того письмо это,—конечно, не безъ вѣдома его автора,—было распространено въ спискахъ между публикой, на которую оно произвело крайне тяжелое впечатлѣніе. Мы не сообщаемъ самаго письма, такъ какъ оно уже напечатано въ VI-мъ томѣ „Русской Старины" (см. стр. 542 и 543), гдѣ оно приведено дословно. Ермоловъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался письмомъ недоволенъ, а военное сословіе на Кавказѣ глубоко имъ оскорбилось. Понятно, что оно не могло быть пройдено молчаніемъ. И дѣйствительно, едва только письмо получило гласность, какъ явился и отвѣтъ (см. VI-й томъ „Русской Старины", стр. 544—546).

Возраженія со стороны Муравьева на отвѣтное письмо не послѣдовало, надо думать, потому, во первыхъ, что это было бы непріятно Ермолову, который, какъ тогда поговаривали, остался недоволенъ и самымъ письмомъ Муравьева; а во вторыхъ, Муравьевъ, по складу своего ума и характера, никогда не снизошелъ бы до того, чтобы вступить въ открытую полемику съ подчиненными, коихъ убѣжденія онъ не только не раздѣлялъ, но и не уважалъ, какъ бы даже основательны они ни были.

Въ послѣднихъ числахъ февраля Муравьевъ переѣхалъ горы, направляясь къ Тифлису. Не доѣзжая Ананура, его настигъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о смерти императора Николая. Обстоятельство это задержало его на нѣкоторое время въ городѣ Душетѣ. Туда къ нему выѣхали на встрѣчу начальникъ штаба кавказской арміи — генералъ-адъютантъ князь Барятинскій (впослѣдствіи намѣстникъ и генералъ-фельдмаршалъ), генералъ-интендантъ кавказской арміи — генералъ-маіоръ Калустовъ и директоръ канцеляріи намѣстника—дѣйствительный статскій совѣтникъ Щербининъ. Раньше другихъ прибылъ Щербининъ. Войдя въ комнату, онъ засталъ Муравьева стоящимъ около камина въ глубокомъ раздумьи; лицо его выражало сильную скорбь и крупныя слезы по временамъ падали изъ его глазъ. Не было сомнѣнія, что полученная роковая вѣсть произвела на него потрясающее дѣйствіе. Вечеромъ, наканунѣ выѣзда изъ Душета, онъ отправилъ курьера къ тифлисскому коменданту Ѳ. Ф. Роту [1]) съ приказа-

[1]) Генералъ-маіоръ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, Ѳедоръ Филиповичъ Ротъ, тифлисскій комендантъ, прославившійся геройскою защитою Ахтинскаго укрѣпленія въ 1848 году. А. Б.

ніемъ немедленно объявить войску въ городѣ о кончинѣ государя. Письмо было доставлено къ коменданту за часъ до полуночи.

Наконецъ, 1-го марта Муравьевъ имѣлъ въѣздъ въ Тифлисъ. За городскою чертою ему была устроена встрѣча. Генералъ Ротъ находился тутъ же.

— „Исполнили мое приказаніе?" обратился онъ къ нему.

— „Нѣтъ!" былъ отвѣтъ.

— „Почему?"

— „Потому, что я не рѣшился идти къ солдатамъ ночью, разбудить ихъ и объявить, что они лишились отца, которымъ они считали покойнаго государя. Вотъ если-бы умерли вы или я — это другое дѣло".

Муравьевъ нахмурился и отошелъ.

2-го марта, онъ, на Александровской площади, вмѣстѣ съ войскомъ и народомъ присягалъ царственному преемнику въ Бозѣ почившаго императора.

II.

Съ пріѣздомъ Муравьева, общественная жизнь въ Тифлисѣ видимо стала утрачивать ту привлекательность, которая придавала ей какой-то особенный, своеобразный отпечатокъ. Тоже самое замѣчалось и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, хотя далеко не въ одинаковой степени. Словомъ, отсутствіе князя Воронцова съ каждымъ днемъ становилось чувствительнѣе и только что пережитое былое скоро перешло въ область воспоминаній.

Начавъ службу въ бывшей канцеляріи намѣстника при этомъ маститомъ вельможѣ, въ распоряженіе котораго я, по высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ въ концѣ 1851 года, мнѣ привелось быть свидѣтелемъ перелома, составляющаго одну изъ самыхъ грустныхъ страницъ въ новѣйшей лѣтописи Кавказа.

Извѣстно, что Муравьевъ вступилъ въ управленіе Кавказомъ въ тяжкую для Россіи годину. Война была въ полномъ разгарѣ; матеріальныя и физическія силы наши, послѣ крайняго напряженія, истощались, а лучшіе боевые генералы одинъ за другимъ сходили съ военнаго поприща. Къ довершенію всего, по Россіи внезанно распространилась роковая вѣсть о смерти государя. Извѣстіе это, достигшее Кавказа одновременно съ прибытіемъ Муравьева, туземное населеніе сочло за дурное предзнаменованіе: „Тяжелою ногою", говорило оно, „ступилъ онъ на почву нашу и не видать намъ отъ него добра". Въ словахъ этихъ слышался голосъ правды.

Но помимо этихъ, такъ сказать, чисто внѣшнихъ обстоятельствъ,

истекавшихъ изъ общаго положенія дѣлъ того времени, на общество произвелъ тяжелое впечатлѣніе и личный характеръ Муравьева, въ особенности же его недовѣрчивость, придирчивость и то крутое обращеніе, которому, за немногими исключеніями, подвергались всѣ, приходившіе съ нимъ въ какое-либо соприкосновеніе.

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, почему многіе изъ лицъ служащихъ, между которыми были и люди семейные, начали выѣзжать въ Россію и устраивать тамъ дальнѣйшую судьбу свою. Тифлисъ видимо пустѣлъ и только иногда, во дни отсутствія изъ него Муравьева, сквозь мракъ напускнаго бюрократизма и водворившагося затишья, пробивался лучь оживленія и раздолья, которыми отличалось предшествовавшее десятилѣтіе.....

8-го марта 1855 года Муравьеву представлялись чиновники канцеляріи намѣстника, въ которой я занималъ тогда весьма скромное мѣсто. Тутъ же присутсвовали и лица, состоявшія при особѣ князя Воронцова. Не могу не упомянуть здѣсь о слѣдующемъ обстоятельствѣ:

Князь Михаилъ Семеновичъ, какъ извѣстно, не былъ взыскателенъ относительно парадной формы; гражданскіе мундиры, особенно низшихъ классовъ, были у насъ въ его время большою рѣдкостью. Наканунѣ же пріѣзда Муравьева вопросъ этотъ сдѣлался чуть-ли не жизненнымъ вопросомъ. Чиновники всѣхъ ранговъ и степеней, какъ угорѣлые, бросились во всѣ стороны: кто пріобрѣталъ мундиръ у портныхъ-торгашей, кто нарочно его заказывалъ; третьи, наконецъ, обезпечивались на этотъ счетъ обѣщаніемъ знакомаго, такъ какъ чиновники разныхъ учрежденій представлялись не вдругъ. При этомъ, въ обуявшей всѣхъ суматохѣ, не принималось въ соображеніе, приходился-ли мундиръ по росту и какой должности или вѣдомству онъ былъ присвоенъ. Въ виду всего этого, картина вышла не безъ комизма. Но вотъ въ пріемную залу вошелъ Муравьевъ.

Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, онъ упомянулъ о прекрасной репутаціи, какою пользовалась канцелярія въ Россіи, и о тѣхъ лестныхъ отзывахъ, какіе ему довелось слышать о ней отъ генерала Закревскаго, въ проѣздъ черезъ Москву. За тѣмъ онъ сталъ знакомиться съ каждымъ порознь, при чемъ къ нѣкоторымъ отнесся не совсѣмъ благосклонно. Такъ, напримѣръ, графа В. А. Соллогуба онъ спросилъ:

— „Вы авторъ „Тарантаса"?" и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ: „Ну, такъ можете сѣсть въ вашъ тарантасъ и уѣхать".

15-го марта графа Соллогуба уже не было въ Тифлисѣ.

Вообще же дѣло на этотъ разъ обошлось довольно благополучно. Но нельзя того же сказать о первомъ пріемѣ просителей. По пого-

воркѣ, что новая метла хорошо мететъ, къ Муравьеву явилось около 60-ти человѣкъ съ самыми разнообразными прошеніями и до 30-ти туземокъ, въ чадрахъ, за денежнымъ пособіемъ, въ которомъ имъ почти никогда не отказывалъ князь Воронцовъ и на которое они разсчитывали теперь тѣмъ болѣе, что, по случаю военнаго времени, цѣны на жизненныя потребности поднялись до крайнихъ размѣровъ. Но каково же было ихъ удивленіе, когда имъ было категорически отказано, съ приказаніемъ на будущее время не являться съ подобными глупыми просьбами. Что касается другихъ просителей, то и они, за рѣдкими исключеніями, получили не лучшее удовлетвореніе. Одного офицера (Кунцевича), имѣвшаго несчастіе лишиться ноги въ одной схваткѣ въ Чечнѣ и грудь котораго была украшена Владимірскимъ и Георгіевскимъ крестами, онъ даже приказалъ посадить на гауптвахту за то, что, требуя взысканія съ одного военнаго медика за безчестіе, нанесенное его сестрѣ, онъ при изложеніи дѣла не согласовался съ показаніями тифлисскаго коменданта.

Въ слѣдующіе пріемные дни число просителей ограничивалось 6 и никогда не превышало 10.

Особенно врѣзался въ моей памяти слѣдующій случай:

Муравьевъ имѣлъ привычку послѣ утреннихъ занятій отправляться на прогулку. Однажды, по выходѣ его изъ дому, къ нему подошелъ солдатъ и подалъ прошеніе, въ которомъ жаловался на своего ротнаго командира. Муравьевъ взялъ бумагу, прочелъ ее и обратился къ солдату съ слѣдующими словами:

— „Я приму твое прошеніе, потребую дѣло, разсмотрю его лично; будешь правъ—взыщу съ ротнаго командира, нѣтъ—пройдешь сквозь строй. Выбирай!"

Солдатъ помолчалъ и, разсудивъ, что у сильнаго безсильный, хотя бы и правый, всегда виноватъ, взялъ прошеніе и скрылся.

Всѣ эти и имъ подобные случаи, получая гласность, разумѣется, не слишкомъ-то располагали въ пользу новаго намѣстника и подавали поводъ къ несовсѣмъ благопріятнымъ о немъ отзывамъ.

— „Ничего", говорили туземцы; „пусть попьетъ Курской воды — перемѣнится".

Но на перемѣну было мало надежды. Когда Муравьеву сообщали о подобныхъ поговоркахъ, онъ отвѣчалъ просто:

— „Не стану я пить воды, когда есть кахетинское (вино)".

Муравьевъ былъ человѣкъ вполнѣ русскій не только по рожденію, но и по природнымъ наклонностямъ. Среди безчисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ дѣлъ по всѣмъ отраслямъ обширнаго управленія краемъ, онъ вспомнилъ даже о русской банѣ, любимой имъ до стра-

сти, и которую замѣнить ему не могли даже прославленныя тифлисскія минеральныя воды. Но какъ имѣвшаяся въ городѣ баня также не совсѣмъ пришлась ему по вкусу, то онъ велѣлъ построить себѣ баню въ саду при намѣстническомъ домѣ. Баня эта уцѣлѣла и понынѣ въ память кратковременнаго его пребыванія на Кавказѣ. Въ ней-то онъ любилъ зачастую, преимущественно въ утренніе часы, наслаждаться подъ вѣниками парильщиковъ, задыхавшихся отъ нестерпимаго жара, который на Муравьева, повидимому, дѣйствовалъ какъ-то особенно и до того возбуждалъ его служебную энергію, что онъ, забывая всякое приличіе, тутъ же, въ образѣ перваго человѣка, отъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ принималъ доклады... Это выпадало на долю въ особенности тифлисскаго старшаго полиціймейстера, подполковника Сиверикова, который въ урочный утренній часъ являлся къ нему, по обязанности, съ суточнымъ рапортомъ о состояніи города.

Но странностямъ и причудамъ Муравьева не было конца. Такъ, напримѣръ, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы при докладахъ директора канцеляріи присутствовали его адъютанты, и это для того, говорилъ онъ, чтобы они знакомились съ дѣлами и пріучались ихъ обсуживать. Адъютанты присутствовали стоя. Одинъ изъ нихъ, его любимецъ, подпоручикъ гвардейской конной артиллеріи Александръ Корсаковъ (впослѣдствіи флигель-адъютантъ) имѣлъ привычку, по выходѣ изъ кабинета, тутъ же вертѣться колесомъ въ знакъ удовольствія, что вырвался на свободу.

Не могу не разсказать еще слѣдующаго забавнаго случая:

Вторженіе лезгинъ, въ началѣ іюля 1854 года, въ Кахетію заставило Муравьева на первыхъ же порахъ обратить особенное вниманіе на лезгинскую кордонную линію. Ему хотѣлось прежде всего уяснить себѣ вопросъ: какимъ образомъ столь смѣлый прорывъ горцевъ на плоскость и въ такой значительной массѣ могъ быть произведенъ при блительности нашего кордона и затѣмъ изыскать средства къ предупрежденію подобнаго впаденія, которое, при тогдашней нашей войнѣ съ союзниками, могло имѣть для насъ весьма опасныя послѣдствія. Въ этихъ именно видахъ и для ближайшаго ознакомленія съ мѣстностью, онъ приказалъ подполковнику генеральнаго штаба М. И. Астафьеву [1]), въ то время начальнику штаба на лезгинской кордонной линіи, явиться къ нему для разнаго рода объясненій. Въ назначенный часъ офицеръ былъ въ кабинетѣ Муравьева; потребовалась карта Кавказа.

[1]) Генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Астафьевъ, нынѣ начальникъ управленія государственными имуществами, дѣлами сельскаго хозяйства и промышленности на Кавказѣ. А. Б.

— „Поищите ее тамъ, на полкѣ“, обратился къ нему Муравьевъ съ своею обычною суровостью, указывая на книги и бумаги.

Тотъ, къ кому были обращены эти слова, конечно, не могъ не засуетиться съ перваго раза. Нужно было время, чтобы оріентироваться въ незнакомомъ кабинетѣ и найти карту въ грудѣ разныхъ бумагъ.

Но Муравьевъ, спустя какую-нибудь минуту, съ видимымъ нетерпѣніемъ проговорилъ:

— „Офицеръ генеральнаго штаба, а карты найти не можетъ!“

Какъ-будто званіе это давало право на нѣчто, весьма близкое ко всевѣдѣнію.....

Около половины марта Муравьевъ получилъ высочайшее повелѣніе объ отправленіи въ Тегеранъ одного изъ кавказскихъ генераловъ со свитою, для доставленія Наср-Эддин-шаху извѣстительнаго письма Государя, которымъ его величество увѣдомлялъ шаха о восшествіи своемъ на престолъ. Выборъ палъ на генералъ-маіора Брусилова [1]), а въ свиту были назначены: полковникъ Бартоломей [2]), подпоручикъ Корсаковъ, я, докторъ Шнейдеръ [3]) и, кромѣ того, 10 человѣкъ конвойныхъ казаковъ при хорунжемъ Заридзе.

Наканунѣ нашего выѣзда въ Персію, мы обѣдали у Муравьева. Случай этотъ далъ мнѣ возможность ближе, такъ сказать, лицомъ къ лицу, узнать своего новаго начальника, хотя откровенно говоря, я не слишкомъ былъ этимъ доволенъ. Вотъ что произошло.

Когда всѣ приглашенные собрались, и я въ числѣ другихъ подошелъ къ закускѣ, Муравьевъ спросилъ меня, въ какомъ университетѣ и по какому факультету я кончилъ курсъ?

— „Въ Петербургскомъ“, отвѣчалъ я, „по разряду восточной словесности и затѣмъ довольно долго жилъ въ Персіи“.

— „Ну“, замѣтилъ онъ, „не многому же можно было научиться въ вашемъ университетѣ“.

Слова эти затронули мое самолюбіе, но на этотъ разъ я смолчалъ.

---

[1]) Состоявшій по кавалеріи генералъ-маіоръ Алексѣй Николаевичъ Брусиловъ занималъ должность предсѣдателя военнаго аудиторіата кавказской арміи; онъ скончался, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, 8-го ноября 1859 года, на 71-мъ году отъ роду. **А. Б.**

[2]) Полковникъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка Иванъ Алексѣевичъ Бартоломей, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и членъ совѣта главнаго управленія намѣстника кавказскаго; онъ скончался 5-го октября 1870 года, на 57-мъ году отъ роду. **А. Б.**

[3]) Докторъ медицины Генрихъ Фердинандовичъ Шнейдеръ, нынѣ статскій совѣтникъ и дивизіонный врачъ кавказской кавалерійской дивизіи. **А. Б.**

Сѣли за столъ. Во время обѣда Муравьевъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ, что значитъ слово négresse.

— „Негритянка“, отвѣчалъ я, увѣренный, что дѣло идетъ о значеніи французскаго слова.

Муравьевъ улыбнулся и покачалъ головой, видимо неудовлетворенный отвѣтомъ.

Я понялъ, въ чемъ дѣло, и тутъ же продолжалъ:

— Если мой отвѣтъ васъ не удовлетворилъ, то виноватъ отнюдь не я. Вы, вѣроятно, имѣли въ виду значеніе арабскаго слова, т. е. nigris, въ переводѣ—подагра, но въ такомъ случаѣ его слѣдовало произнести нѣсколько иначе. Впрочемъ,—заключилъ я—вѣрное произношеніе словъ даннаго языка требуетъ извѣстнаго знанія и навыка...“.

Муравьевъ вспыхнулъ, замѣтивъ мнѣ, чтобы я не забывалъ, съ кѣмъ говорю.

Я повиновался, довольный, что достигъ цѣли.

Нѣсколько дней спустя, я былъ уже на пути въ Персію.

III.

5-го апрѣля 1855 года Муравьевъ отправился въ Кутаисъ, а оттуда, въ сопровожденіи начальника гурійскаго отряда, генералъ-маіора князя Мухранскаго, прибылъ 9-го числа на границу Мингреліи. Въ Сартіанахъ, гдѣ находился лагерь нашихъ войскъ, его встрѣтилъ 8-ми-лѣтній владѣтель Мингреліи—князь Николай Дадіани, съ которымъ онъ въ тотъ же день прибылъ въ Квашихори, къ его матери, княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ [1]. Это была старая знакомка Муравьева, который зналъ ее еще ребенкомъ въ домѣ ея отца, князя Чавчавадзе, съ которымъ былъ очень близокъ въ первое служеніе на Кавказѣ. Пробывъ нѣсколько дней въ Квашихорахъ, онъ 12-го апрѣля совершилъ поѣздку въ Зугдиди, посѣтивъ на пути Хопскій монастырь. На слѣдующій день онъ возвратился въ Квашихори, а 15-го, простившись съ княгинею Дадіани, отправился въ Озургеты на смотръ расположеннаго тамъ отряда. Затѣмъ онъ черезъ Кутаисъ и Тифлисъ, гдѣ оставался до 10-го мая, выѣхалъ къ дѣйствующему корпусу на кавказско-турецкой границѣ.

По прибытіи въ Александрополь, гдѣ его встрѣтилъ командовавшій до этого корпусомъ князь В. О. Бебутовъ,—онъ тогда же вступилъ въ главное начальствованіе войсками, привѣтствовавъ ихъ слѣдующимъ приказомъ:

[1]) Родная сестра Нины Александровны Грибоѣдовой. А. Б.

„Принимая главное начальство надъ дѣйствующимъ корпусомъ, привѣтствую васъ, воины Кавказа! Болѣе полвѣка съ гордостью и изумленіемъ Россія внимаетъ подвигамъ вашимъ; вѣсть о нихъ давно достигла и за предѣлы обширнаго нашего отечества.

„Уже 25 лѣтъ прошло съ той поры, когда я считалъ себя въ рядахъ вашихъ. Изъ бывшихъ боевыхъ сподвижниковъ и товарищей только немногихъ нахожу теперь среди васъ,—ихъ смѣнило новое поколѣніе; но и въ немъ встрѣчаю прежній духъ геройства.

„Славныя преданія прошедшаго всегда будутъ передъ вами. Ихъ изучайте, имъ слѣдуйте. Среди васъ взросъ и прославился Котляревскій; пусть имя его будетъ всегда въ памяти и сердцѣ вашемъ, какъ примѣръ всѣхъ воинскихъ доблестей.

„Воинъ-христіанинъ, строгій къ себѣ, Котляревскій былъ строгъ и къ подчиненнымъ, уклоняющимся отъ исполненія своего долга. Онъ любилъ и сберегалъ солдата, самъ раздѣлялъ съ нимъ труды и лишенія, неразлучныя съ военнымъ бытомъ. Онъ не пренебрегалъ строемъ, въ дисциплинѣ видѣлъ онъ залогъ нравственной силы, а потому и успѣха,—и войско понимало и любило его. Съ именемъ Котляревскаго передало оно потомству имена Ахалкалаки, Асландуза и Ленкорани, гдѣ съ малыми силами поражалъ онъ сильныхъ враговъ.

„Благоговѣя передъ правилами Котляревскаго, среди васъ, воины Кавказа, буду искать ему подобныхъ и найду ихъ.

„Для Россіи настала година испытанія. Уже многія сотни тысячъ ратниковъ ополчаются на защиту роднаго края, воскрешая въ памяти народа безсмертное время войны отечественной. Станемъ же и мы, полные рвенія и готовности, за святое дѣло. Вспомнимъ недавніе подвиги, еще свѣжіе въ памяти невѣрныхъ, и грянемъ всѣ дружно, съ единодушіемъ, съ теплою вѣрою въ правосудіе Божіе, на нечестиваго врага Россіи и православія.

„Командующаго дѣйствующимъ корпусомъ князя В. О. Бебутова, достойнаго вождя побѣдителей Баш-Кадыклара и Кюрук-дара, сослуживца молодыхъ лѣтъ моихъ, прошу принять выраженія душевнаго моего уваженія къ подвигамъ его, охранившимъ край. Въ Бозѣ почившій императоръ уже гласно призналъ заслуги его; себя считаю только вправѣ всеподданнѣйше довести до свѣдѣнія всемилостивѣйшаго Государя о томъ отличномъ состояніи, въ коемъ я нашелъ войска, ввѣренныя начальству генералъ-лейтенанта князя Бебутова“.

Таковъ былъ отзывъ Муравьева, между прочимъ, о князѣ Бебутовѣ, котораго онъ вслѣдъ за симъ отпустилъ въ Тифлисъ, поручивъ ему войска, не входившія въ составъ дѣйствующаго корпуса.

Но спрашивается, что же побудило его сложить съ достойнаго вождя командованіе и самому заступить его мѣсто, и на сколько выиграло въ этомъ отношеніи самое дѣло? Вопросъ этотъ разрѣшается просто:

Прежде всего замѣтимъ, что Муравьевъ смотрѣлъ далеко не равнодушно на военные подвиги своего стараго товарища, который не могъ не возбудить въ немъ чувства весьма понятной зависти. Къ тому же извѣстно, что онъ былъ крайне честолюбивъ и что именно это свойство заставило его еще въ 1827 году, въ послѣднюю войну нашу съ Персіей, вмѣстѣ съ княземъ Эристовымъ [1]) занять Тавризъ, что, однако же, кромѣ неудовольствія графа Паскевича, не принесло ему никакой пользы. Въ описываемую же эпоху вся власть сосредоточивалась исключительно въ его рукахъ; а потому, имѣя полную возможность располагать движеніями нашихъ войскъ, онъ не могъ не ожидать блестящихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что твердо былъ увѣренъ въ своемъ громадномъ военномъ талантѣ, въ виду котораго не только не находилъ себѣ равныхъ, но, напротивъ, считалъ всѣхъ далеко ниже себя.

Послѣ сказаннаго мною, кажется, я не впаду въ ошибку, если выражу догадку, имѣющую всѣ шансы вѣроятности, и скажу, что затаенная цѣль Муравьева съ принятіемъ главнаго начальствованія надъ дѣйствующимъ корпусомъ состояла въ томъ, чтобы взять Карсъ, пройти Аббас-Туманскимъ ущельемъ въ Имеретію, разбить Омер-пашу и получить фельдмаршальскій жезлъ.

Но Муравьевъ забылъ, что между Карсомъ 1828 года и Карсомъ 1855 была разница громадная. На этотъ разъ онъ былъ вполнѣ обезпеченъ, чтобы выдержать продолжительную осаду, и то, чего не сдѣлала къ его оборонѣ природа, довершило искусство. Словомъ, планы Муравьева рушились и горькій опытъ показалъ всю несостоятельность его стратегическихъ соображеній.

Я не стану входить здѣсь въ описаніе подробностей военныхъ дѣйствій, подъ главнымъ его начальствомъ, въ Азіятской Турціи, а также неудачнаго штурма Карса, стоившаго намъ около 9 т. человѣкъ прекраснаго войска и не разъ уже бывшаго предметомъ спеціальныхъ монографій [2]). Мнѣ остается развѣ привести собственныя слова генерала Вилліамса, который открыто говорилъ въ Тифлисѣ, что русскихъ считали положительно съумашедшими, когда они безъ фашинъ и лѣстницъ пошли на штурмъ крѣпости, которая и безъ того чрезъ

[1]) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ и кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго. А. Б.

[2]) См. Записки генерала Я. П. Бакланова въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г., т. II, стр. 567—610.

нѣсколько дней должна была бы сдаться, будучи доведена продолжительною блокадой до такой крайности, что горнизону угрожала голодная смерть.

Нѣтъ сомнѣнія, что Муравьевъ глубоко сознавалъ свою ошибку, но было поздно,—и, вмѣсто лавровъ, которыми онъ мечталъ украсить свою голову, онъ стяжалъ одни упреки и всеобщее неудовольствіе. Что касается собственно войска, то, не пользуясь въ средѣ его популярностью и прежде, онъ тѣмъ менѣе могъ разсчитывать на особенное расположеніе его послѣ штурма, которымъ солдаты, случалось, подчасъ отваживались его уколоть. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что когда онъ, прогуливаясь однажды по лагерю, остановился около небольшой кучки солдатъ и спросилъ: „отъ чего, ребята, не играете въ городки?“ ему прямо отвѣчали: „да наигрались подъ Карсомъ“.

Послѣ неудачи 17-го сентября 1855 г., въ войскѣ исчезла всякая вѣра въ умѣнье Муравьева вести его къ побѣдамъ, вездѣ сопровождавшимъ князя Бебутова, противъ котораго, по общему мнѣнію, не сдобровалъ бы и Карсъ. Къ этому убѣжденію не можемъ не присоединиться и мы. Преимущество князя Бебутова надъ Муравьевымъ сразу бросалось въ глаза. Будучи почти однихъ лѣтъ, они оба посвятили себя службѣ военной, которую проходили съ равнымъ усердіемъ. Дѣло только въ томъ, что князь Бебутовъ былъ одаренъ способностями, несравненно болѣе обширными, чѣмъ Муравьевъ, не выдвигавшійся изъ ряда людей самыхъ обыкновенныхъ,—и то, что одному доставалось легко, другой пріобрѣталъ долгимъ терпѣніемъ и усидчивымъ трудомъ. Къ тому же, и самое поприще дѣятельности князя Бебутова было всегда несравненно разнообразнѣе. Не говоря уже о томъ, что онъ былъ хорошимъ администраторомъ,—тогда какъ Муравьевъ объ администраціи не имѣлъ почти никакого понятія,—большая часть его жизни была посвящена службѣ боевой, въ которой онъ, благодаря умѣнью и счастью, стяжалъ славу, неразрывно связанную съ именами Кутиши, Баш-Кадыклара и Кюрук-дара. Муравьевъ, напротивъ того, хотя и участвовалъ въ походахъ, но никогда, нигдѣ и ничѣмъ не заявилъ своихъ военныхъ дарованій, не считая маневровъ и командованія отдѣльными частями войскъ внутри имперіи въ мирное время. Но все это скорѣе свидѣтельствовало о его теоретическихъ познаніяхъ, въ которыхъ ему нельзя и отказать. Когда же дѣло дошло до войны и ему привелось стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, всѣ его дѣйствія и самый штурмъ Карса какъ нельзя лучше доказали во-очію, что онъ былъ плохой практикъ.

Опредѣлить въ настоящее время успѣхи нашего оружія въ Азіатской Турціи, если бы командованіе осталось за княземъ Бебутовымъ,

разумѣется, весьма трудно; но позволяемъ себѣ думать, что мы овладѣли бы Карсомъ—или безъ всякой потери, вынудивъ гарнизонъ блокадою сдаться, или-же взявъ крѣпость штурмомъ, чего не удалось Муравьеву, далеко не съ тѣми громадными пожертвованіями, какихъ это стоило послѣднему. За это намъ ручается, сколько благоразумная осторожность князя Бебутова, столько же опытность его въ веденіи азіатской войны и податливость на всякій дыбрый совѣтъ, съ которымъ онъ соображалъ свои дѣйствія. Всего этого не доставало у Муравьева: онъ руководствовался единственно собственными соображеніями и, считая себя непогрѣшимымъ, пренебрегалъ мнѣніемъ людей, хотя и ниже его стоявшихъ въ служебной іерархіи, но болѣе его искусныхъ и опытныхъ въ боевомъ дѣлѣ. Это самообольщеніе и привело его къ той печальной кровавой развязкѣ, которая была послѣдствіемъ Карсскаго штурма.

Положеніе нашего корпуса послѣ штурма было не слишкомъ-то выгодное,—и если бы гарнизонъ крѣпости воспользовался совѣтомъ генерала Кмети и насъ атаковалъ, то мы, быть можетъ, нашлись бы вынужденными снять блокаду. Но атаки сдѣлано не было и блокада возстановлена съ прежнею бдительностью, что и продолжалось до 16-го ноября, т. е., до сдачи крѣпости. Съ паденіемъ Карса, имѣвшимъ важное вліяніе на весь ходъ тогдашней войны, анатолійская армія была уничтожена. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушились и разсчеты Омер-паши къ отвлеченію нашихъ силъ изъ-подъ Карса, и дальнѣйшее движеніе его во внутрь края было окончательно парализовано.

Съ образованіемъ изъ покореннаго нами Карсскаго пашалыка и прилегающей къ нему части Олтинскаго, особой области, подъ наименованіемъ Карсской, начальникомъ которой былъ назначенъ полковникъ Лорисъ-Меликовъ, кончилось и личное присутствіе Муравьева при дѣйствующемъ корпусѣ.

IV.

16-го августа 1855 года генералъ Брусиловъ и я возвратились изъ Персіи въ Тифлисъ, а полковникъ Бартоломей и подпоручикъ Корсаковъ отправились въ дѣйствующій отрядъ. Еще до выѣзда нашего изъ Тегерана, шахъ назначилъ чрезвычайнаго посла въ Петербургъ для принесенія поздравленія Государю Императору съ восшествіемъ на престолъ. Высокое порученіе это онъ возложилъ на Сейф-уль-Мулька[1]) Аббас-Кули-хана, который, вскорѣ послѣ насъ отправившись въ

[1]) Т. е., «мечъ государства»—титулъ, даваемый высшимъ сановникамъ въ Персіи. А. Б.

дорогу, 29-го сентября 1855 г. прибылъ въ Тифлисъ. Проѣздъ черезъ этотъ городъ столь важнаго сановника, акредитованнаго къ нашему двору, само собою разумѣется, потребовалъ устройства разнаго рода овацій, спектаклей и обѣдовъ, и потому не могъ не отразиться на жизни городскаго общества, которому онъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Но участіе во всѣхъ развлеченіяхъ и устраивавшихся увеселеніяхъ принимало, понятно, только меньшинство; въ массѣ же населенія слышались плачъ и стенанія по поводу свирѣпствовавшаго въ то время въ Тифлисѣ голода, бывшаго слѣдствіемъ не недостатка въ Закавказскомъ краѣ хлѣба, котораго, напротивъ, имѣлись большіе запасы, а скорѣе ни предъ чѣмъ не останавливающагося корыстолюбія монополистовъ. Благодаря дѣйствіямъ ихъ, голодъ достигъ своего апогея: цѣны на пудъ простой муки возвысились до 5-ти р. с.; хлѣбопёки нашлись вынужденными закрыть пекарни, и въ средѣ низшаго класса населенія были случаи, что несчастныя женщины съ дѣтьми бросались въ р. Куру, предпочитая мгновенную смерть продолжительнымъ и мучительнымъ страданіямъ. Все это не могло не возбудить народнаго неудовольствія: оно главнымъ образомъ обрушилось на князя Бебутова, въ рукахъ котораго, за отсутствіемъ намѣстника, сосредоточивалась высшая административная власть. Это плачевное положеніе дѣлъ продолжалось до исхода 1856 года.

Между тѣмъ, какъ Аббас-Кули-ханъ развлекался въ Тифлисѣ, совѣтникъ посольства Касим-ханъ, бывшій до того генеральнымъ консуломъ, отправился въ дѣйствующій отрядъ къ Муравьеву для поднесенія ему шахскаго фирмана и украшеннаго алмазами портрета Наср-Эддин-шаха. Принятый тамъ со всею любезностью и предупредительностью, онъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, оставилъ нашъ лагерь, вполнѣ довольный пріемомъ главнокомандующаго. 20-го октября 1855 г. посольство отправилось въ дальнѣйшій путь. Съ выѣздомъ его, въ Тифлисѣ водворилось прежнее спокойствіе и все пошло обычнымъ порядкомъ.

Около этого самаго времени прибылъ, проѣздомъ изъ Персіи въ Тифлисъ, начальникъ высочайше командированной экспедиціи для изслѣдованія каспійскаго рыболовства, нашъ извѣстный академикъ Карлъ Максимовичъ Бэръ. Образованное сословіе привѣтствовало его съ подобающимъ уваженіемъ и радушіемъ, а князь Бебутовъ, какъ сдѣланною ему встрѣчею, такъ и созваніемъ въ честь его торжественнаго засѣданія въ Кавказскомъ отдѣлѣ Географическаго Общества и нѣкоторыми другими дѣйствіями, видимо старался доказать, что и на этой окраинѣ Россіи достойнымъ образомъ умѣютъ цѣнить безсмертныя научныя заслуги знаменитаго путешественника.

Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о Муравьевѣ, какъ мы это увидимъ ниже.

Академикъ Бэръ поселился у своего стараго университетскаго товарища — генерала Рота, съ которымъ онъ встрѣтился на Кавказѣ послѣ чуть-ли не 40-лѣтней разлуки. Посвятивъ все время своего пребыванія въ Тифлисѣ наукѣ, академикъ Бэръ встрѣтилъ здѣсь болѣе, чѣмъ ожидалъ, людей научно-образованныхъ и въ особенности его поразило обиліе книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

— „Тифлисъ", говорилъ онъ мнѣ, „опередилъ въ этомъ отношеніи многіе губернскіе города имперіи. Такъ, въ бытность мою въ нынѣшнемъ году въ Астрахани, мнѣ съ большимъ трудомъ удалось найти географическій атласъ, который отыскался въ тамошней гимназіи, да и тотъ былъ старъ и далеко не полонъ: на картѣ Азіи не доставало Камчатки".

Спустя ровно десять лѣтъ, мнѣ привелось услышать не менѣе лестный отзывъ и отъ другаго знаменитаго ученаго, доктора Бастіана, который считалъ, между прочимъ, Тифлисскую публичную библіотеку первою въ Азіи, послѣ подобныхъ учрежденій англичанъ—въ Калькутѣ и голландцевъ—въ Батавіи.

Вмѣстѣ съ К. М. Бэромъ прибыли члены экспедиціи Вейдеманъ и извѣстный ученый Н. Я. Данилевскій, составившій себѣ столь почетное имя изслѣдованіями рыболовства на Бѣломъ и Азовскомъ моряхъ. Пребываніе этихъ дорогихъ гостей оставило во многихъ изъ насъ самыя пріятныя воспоминанія о тѣхъ немногихъ часахъ, которые намъ привелось провести въ ихъ обществѣ.

16-го ноября 1855 г. послѣдовала, наконецъ, давно ожиданная сдача Карса. Вслѣдъ за полученіемъ этого радостнаго извѣстія, въ Тифлисѣ стали появляться военно-плѣнные. Сначала прибыли англичане: генералъ Вилліамсъ, полковникъ Лекъ, капитаны—Тисдель и Томсонъ, и Чёрчиль, секретарь Вилліамса, а вслѣдъ за ними главнокомандующій анаталійскою арміею Мустафа-Васиф-паша, генералъ-маіоры: Хафиз-паша, Ахмед-Тауфик-паша, Хусейн-паша и начальникъ штаба Ферик-Абдул-паша. 7-го декабря возвратился и самъ Муравьевъ, котораго присутствіе въ городѣ было тѣмъ необходимѣе, что 29-го ноября князь Бебутовъ отправился къ сторонѣ Чернаго моря для успокоенія тамошняго края, встревоженнаго сколько высадкою Омер-паши, столько же, если не болѣе, личными несогласіями и интригами между владѣтелемъ Абхазіи и правительницею Мингреліи.

Съ возвращеніемъ Муравьева изъ-подъ Карса, прежній образъ его жизни не измѣнилъ своего порядка. Послѣ раннихъ прогулокъ у себя въ саду и посѣщенія канцеляріи, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе

распивать утренній чай, онъ отправлялся въ свой кабинетъ для выслушиванія обычныхъ докладовъ, что и продолжалось до 2-го часа пополудни. Затѣмъ онъ совершалъ прогулку пѣшкомъ или въ экипажѣ; по возвращеніи обѣдалъ въ обществѣ немногихъ приглашенныхъ, послѣ чего удалялся въ кабинетъ, гдѣ и заканчивалъ день въ бесѣдѣ съ приближенными или чтеніемъ бумагъ. Въ домѣ его всегда царила невозмутимая тишина, отъ которой вѣяло тѣмъ же холодомъ, какъ и отъ суроваго и непривѣтливаго характера хозяина,—и только изрѣдка шаги или голосъ одного изъ присутствовавшихъ въ немъ нарушали эту подавляющую монотонность. Какая разительная противоположность съ недавно минувшимъ, которое, повидимому, уже было такъ далеко позади насъ! Бывало, при князѣ Воронцовѣ, не только гдѣ-нибудь въ отдаленной комнатѣ того же дома, но даже въ адъютантской, сосѣдней съ кабинетомъ, во время самаго доклада слышались громкій говоръ, смѣхъ и шутки, отдававшіеся даже въ кабинетѣ, вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ, который поднимался, какъ говорятъ, коромысломъ. Помнится мнѣ, какъ однажды князь Михаилъ Семеновичъ, войдя въ адъютантскую, полою сюртука старался разсѣять облако дыма, чтобы въ числѣ другихъ отыскать одного изъ приближенныхъ. И все это сходило съ рукъ, какъ-будто оно такъ и должно было быть. Но необыкновенная деликатность и утонченная вѣжливость, отличавшія князя Воронцова, были чужды Муравьеву подчасъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сходился съ людьми, стоявшими неизмѣримо выше его, если не по служебному положенію, то по уму и извѣстности. Подтвердимъ наши слова фактомъ.

По заведенному порядку, лица, пріѣзжавшія въ Тифлисъ, обыкновенно являлись къ главнокомандующему, побуждаемыя къ тому или своими служебными обязанностями, или же изъ простаго приличія къ его общественному положенію. Послѣднее побудило къ тому же и академика Бэра. О свиданіи его съ Муравьевымъ сохранился слѣдующій разсказъ:

К. М. Бэръ въ одинъ изъ пріемныхъ дней, сопровождаемый членами экспедиціи, прибывъ въ домъ главнокомандующаго, былъ введенъ генераломъ Ротомъ въ адъютантскую, гдѣ въ то время находились еще три или четыре посѣтителя, и между ними молодой прапорщикъ или поручикъ одного изъ кавказскихъ полковъ.

Лишь только часы пробили 12, какъ двери кабинета растворились и вошелъ Муравьевъ, тутъ же обратившійся къ академику Бэру, который стоялъ у самаго входа.

— „Кто вы такой?“ спросилъ онъ.

— „Академикъ Бэръ“, былъ отвѣтъ.

— „А за чѣмъ вы здѣсь?“

Бэръ объяснилъ.

— „Ну, извините“, продолжалъ Муравьевъ“, ничѣмъ не могу вамъ быть полезенъ; вы хлопочете о размноженіи рыбъ, а я — солдатъ, время военное“.

— „Я съ удовольствіемъ помогъ бы вамъ, генералъ“, возразилъ маститый ученый, наклонивъ голову и разведя руками, „да къ сожалѣнію, слишкомъ уже старъ“.

Оставивъ Бэра, онъ обратился къ другимъ присутствовавшимъ и, между прочимъ, къ офицеру, котораго тутъ же пригласилъ къ обѣду.

Тѣмъ аудіенція и кончилась. На слѣдующій день Муравьевъ поѣхалъ къ Бэру съ визитомъ: было ясно, что ему уже сообщили тѣ свѣдѣнія о знаменитомъ путешественникѣ, о которыхъ онъ, къ стыду своему, не имѣлъ понятія, но которыя давнымъ давно были извѣстны всему ученому и образованному міру.

Въ одномъ, полученномъ мною впослѣдствіи, письмѣ академика Бэра изъ Астрахани, куда онъ выѣхалъ 29-го декабря, говоря о Муравьевѣ, онъ называетъ его вандаломъ, примѣняя это слово какъ къ его личности, такъ и къ системѣ его управленія. Да и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ознаменовалось намѣстничество Муравьева и какую существенную пользу принесла краю его административная въ немъ дѣятельность? Пользы, отвѣчаемъ, никакой, а скорѣе вредъ, такъ какъ, придираясь къ мелочамъ и упуская изъ виду главныя, существенныя стороны дѣла, онъ усложнялъ переписку и застой въ дѣлопроизводствѣ дошелъ до того, что, по оставленіи имъ края, изъ кабинета его цѣлыми возами вывозились дѣла и бумаги, по коимъ не были даны разрѣшенія. Къ тому же, ко многимъ благимъ начинаніямъ своего предшественника Муравьевъ относился крайне не сочувственно, при чемъ нерѣдко выказывалъ полнѣйшую ретроградность. Такъ, между прочимъ, онъ ничего не хотѣлъ знать о театрѣ; при поднесеніи ему вышедшей тогда книжки „Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества“ выразился, что о подобныхъ вещахъ думать еще рано и пр. Удивительно-ли послѣ всего этого, что присутствіе Муравьева въ краѣ, а въ особенности въ Тифлисѣ, съ каждымъ днемъ давало себя чувствовать сильнѣе, и что всякое извѣстіе о его выѣздѣ въ ту или другую часть Кавказа принималось съ непритворнымъ восторгомъ. Послѣднюю поѣздку онъ предпринялъ 3-го марта 1856 года; она была довольно продолжительна и имѣла цѣлью Черноморіе и Ставропольскую губернію. 19-го мая онъ возвратился въ Тифлисъ, а въ іюнѣ, во избѣжаніе жаровъ, поселился въ 12-ти верстахъ отъ города, на одной изъ коджорскихъ дачъ. Здѣсь-то, не

долго спустя, онъ получилъ свое увольненіе, состоявшееся 22-го іюля. Радостное извѣстіе это было истиннымъ торжествомъ для населенія, въ особенности же для служащихъ, и не было, кажется, человѣка, который бы ему не сочувствовалъ. Такое всеобщее ликованіе не скрылось отъ Муравьева, а когда справедливость дошедшихъ до него слуховъ была подтверждена тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ Лукашомъ, то онъ, увѣряютъ, прослезился, убѣдившись въ общемъ нерасположеніи къ себѣ народа. Съ этихъ поръ онъ сталъ задумчивъ, подпавъ впослѣдствіи общей мизантропіи. Да и было, признаться, надъ чѣмъ призадуматься. Нѣтъ ничего грустнѣе и тяжелѣе, какъ разочаровываться въ тѣхъ именно мечтахъ, съ которыми насъ сроднило время и въ которыя мы привыкли такъ тепло вѣрить. Любимою же и самою завѣтною мечтою Муравьева была популярность и слава,—та слава, которая присуща генію, за каковаго онъ всегда признавалъ себя. Но мечта эта оказалась не болѣе, какъ призракомъ, и Муравьевъ вышелъ въ дѣйствительности самымъ обыкновеннымъ смертнымъ, да къ тому же надѣленнымъ общечеловѣческими недостатками съ избыткомъ.

Но чтобы снять съ себя всякое нареканіе въ субъективности нашего воззрѣнія на Муравьева,—въ чемъ, безъ сомнѣнія, не замедлили бы насъ упрекнуть его партизаны,—считаемъ долгомъ оговориться, что мы разсматривали его исключительно съ точки зрѣнія общественнаго дѣятеля; внѣ службы, въ частной жизни онъ могъ быть и другимъ человѣкомъ—это тѣмъ болѣе возможно, что намъ самимъ случалось слышать благопріятные о немъ отзывы отъ людей, близко его знавшихъ.

Мы прилагаемъ къ настоящему очерку 10 писемъ Муравьева къ князю В. О. Бебутову; изъ нихъ 7 написаны изъ-подъ Карса, въ лагерѣ при селѣ Чивтлик-гая, на р. Кара-су, а остальныя 3—изъ Тифлиса, во время нахожденія князя Бебутова въ Имеретіи, откуда онъ возвратился въ концѣ января 1856 года. Но, печатая цѣликомъ эти письма, какъ бы въ дополненіе, а отчасти въ подтвержденіе нашего мнѣнія о Муравьевѣ, считаемъ нужнымъ оговориться на счетъ слѣдующаго обстоятельства: въ очеркѣ нашемъ упоминается, между прочимъ, о недовѣрчивости Муравьева и о той увѣренности въ своемъ умѣ, вслѣдствіе которой онъ не уважалъ чужихъ мнѣній, тогда какъ въ приводимыхъ ниже письмахъ онъ не только обращается за совѣтами къ князю Бебутову, но даже, по мѣстамъ, какъ-будто отдаетъ преимущество его знанію и опытности. Очевидно, что одно съ другимъ не согласуется. Мы объясняемъ это кажущееся противорѣчіе такъ: Муравьевъ, дѣйствительно, спрашивалъ у князя

Бебутова совѣтовъ, но только по тѣмъ вопросамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о дѣлахъ, такъ сказать, второстепенныхъ, т. е. такихъ, которыя не сосредоточивали на себѣ его главнаго вниманія. Такъ, напримѣръ, по блокадѣ и штурму Карса онъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, и если обращался къ нѣкоторымъ лицамъ за совѣтами, то никакъ не къ князю Бебутову; совѣтами же другихъ не только не пользовался, но положительно пренебрегалъ ими, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить статья: „Блокада и штурмъ Карса" (см. „Русская Старина", т. II, стр. 567—610), составленная по запискамъ генерала Бакланова, одного изъ участниковъ штурма. А потому и самое увѣреніе Муравьева въ одномъ изъ писемъ, что штурмъ Карса былъ долго обдуманъ и рѣшенъ, должно быть отнесено собственно къ нему самому; винить же въ неудачѣ другихъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Что же касается недовѣрчивости Муравьева, то и въ этомъ отношеніи князь Бебутовъ не составлялъ особаго исключенія, не смотря даже на давнишнее ихъ знакомство и совмѣстное служеніе при Ермоловѣ. Вѣдь извѣстно, что Муравьевъ, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, спрашивалъ мнѣнія о немъ у князя Андроникова [1]), который, будучи личнымъ врагомъ князя Бебутова, тѣмъ не менѣе воздержался отъ всякаго сужденія. Еще лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить отзывъ о Муравьевѣ самого Ермолова, который говорилъ: „если съ нимъ вздумаетъ объясниться человѣкъ умный, то онъ не только его не выслушаетъ, но даже и не допуститъ до себя; если же ему поднесетъ къ подписи бумагу какой-нибудь писарь, то онъ ее подмахнетъ, не прочитавши, въ увѣренности, что де-скать посмѣетъ-ли его обмануть писарь?"

Наконецъ, если даже допустить, что Муравьевъ былъ искрененъ къ князю Бебутову, то искренность эта была вынужденною, по извѣстной поговоркѣ, что „одинъ въ полѣ не воинъ".

19-го августа 1856 г. Муравьевъ отдалъ слѣдующій приказъ, который былъ послѣднимъ его словомъ, обращеннымъ къ войску, и который мы приводимъ до-словно, какъ краснорѣчивое свидѣтельство его грустнаго настроенія въ минуту оставленія края, а съ тѣмъ вмѣстѣ и высокаго мнѣнія о его боевыхъ товарищахъ, такъ глубоко имъ оскорбленныхъ въ письмѣ къ Ермолову изъ Грозной.

[1]) Генералъ-лейтенантъ, впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи, князь Иванъ Малхозовичъ Андрониковъ 1-й, былъ тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ (1849—1856 г.), и въ минувшую войну нашу съ союзниками прославился двумя побѣдами, одержанными надъ турками подъ Ахалцихомъ и на Чолокѣ. Онъ скончался 19-го сентября 1868 г., на 75-мъ году жизни. А. Б.

„Отправляясь къ новому назначенію, я, по высочайшему разрѣшенію, объявленному мнѣ военнымъ министромъ, до пріѣзда въ край генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, передаю начальствованіе войсками кавказскаго корпуса генералъ-лейтенанту князю Бебутову. Не долгое время предназначено мнѣ было служить съ вами, воины Кавказа, и принадлежать къ дружной семьѣ вашей. Оставляя васъ въ нынѣшній разъ, можетъ быть, навсегда, приношу вамъ искреннюю признательность мою за тѣ дорогія воспоминанія, которыя во всю жизнь мою пребудутъ незабвенными. Я видѣлъ боевые подвиги ваши. видѣлъ терпѣніе ваше, неразлучное съ достоинствомъ истиннаго воина, видѣлъ въ васъ то безусловное усердіе, которое рождается только послѣ сознанія каждымъ святости обязанностей своихъ,—все это неотъемлемо принадлежитъ вамъ, доблестные сподвижники, преданные царю и долгу своему. Сохраните и вы, почтенные сослуживцы, добрую память о заботахъ и начинаніяхъ моихъ, имѣвшихъ цѣлью въ благоустройствѣ вашемъ соединить пользу службы съ улучшеніемъ быта вашего. Я всегда признавалъ въ васъ одно изъ лучшихъ украшеній и надеждъ возлюбленнаго отечества нашего. Да благословитъ васъ Господь на дальнѣйшіе подвиги!“

Въ самый день отдачи приказа Муравьевъ выѣхалъ изъ Тифлиса. Время его намѣстничества продолжалось 1 годъ, 7 мѣсяцевъ и 23 дня [1]); собственно же онъ пробылъ въ предѣлахъ Кавказа 577 дней [2]), изъ коихъ въ самомъ Тифлисѣ—170, подъ Карсомъ—201 и въ разъѣздахъ по краю—206 дней.

Почти въ тоже самое время, какъ Муравьевъ направлялся на сѣверъ, черезъ Ставрополь, внизъ по Волгѣ, окруженный небольшою свитою, плылъ его преемникъ, которому вскорѣ суждено было сдѣлаться однимъ изъ именитѣйшихъ героевъ Кавказа. Выйдя въ открытое море и высадившись на берегахъ Дагестана, въ Петровскѣ, онъ слѣдовалъ къ древней грузинской столицѣ, которая, 3-го ноября 1856 года, и привѣтствовала новаго намѣстника въ лицѣ князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Ад. П. Берже.

---

[1]) Считая со дня его назначенія, т. е. 29-го ноября 1854 г., по день увольненія, состоявшагося 22-го іюля 1856 года. **А. Б.**

[2]) Считая со дня пріѣзда въ Ставрополь по 19-е августа 1856 года. **А. Б.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письма Н. Н. Муравьева къ кн. В. О. Бебутову.

1855.

1.

От 13-го сентября 1855 г.
Лагерь при сел. Чивтлик-гая, на Карс-чаѣ.

Удивляюсь, какъ князь Мухранскій [1]), при своемъ умѣ, изъ начальниковъ своихъ обратилъ меня въ союзники, дабы выручить генерала Базина [2]). Надобно бы ему нѣсколько времени послужить поближе со мною, чтобы лучше постичь свои обязанности въ этомъ отношеніи. Что же касается до военныхъ соображеній его, въ кругу дѣйствій, ему предоставленномъ, то надѣюсь, что по способностямъ своимъ онъ управится. И изъ писемъ моихъ къ военному министру, постоянно открытыми къ вамъ посылаемыхъ, вы имѣете достаточныя свѣдѣнія о томъ, что у насъ дѣлается. Увѣренъ, что и вы не оставите меня безъ увѣдомленія о происходящемъ со стороны Чернаго моря.

Если у васъ мингрельскій баталіонъ въ Нухѣ свободенъ, то могли бы послать оный, или часть его, въ Шемаху, если бы то было нужно; но сами знаете, хорошо-ли пріучать къ такимъ размѣрамъ войскъ мѣстныхъ начальниковъ. Жили же безъ баталіона; съ весны усилены одною линейною ротою, казалось бы и довольно, а пошлете баталіонъ, такъ не захотятъ и разстаться съ нимъ. Это все вы сами увидите, князь Василій Осиповичъ, какъ лучше сдѣлать, только бы баталіонъ не застрялъ тамъ. Не удобнѣе-ли усилить ихъ изъ Кахетіи сотнями двумя или тремя казаковъ, и то, если бы подлинно было нужно.

Душевно сожалѣю о смерти почтеннаго Іосифа Антоновича [3]). Зналъ я его съ 1816 года, вотъ уже почти 40 лѣтъ. Лукаша [4]) въ совѣтъ (главнаго управленія Закавказскаго края) сажать не слѣдуетъ; пускай дождется въ Тифлисѣ моего возвращенія, тогда и получитъ онъ свое назначеніе.

---

[1]) Генералъ-маіоръ князь Иванъ Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій, командиръ кавказской резервной гренадерской бригады, во время восточной войны былъ начальникомъ гурійскаго отряда; нынѣ генералъ-лейтенантъ и состоитъ при кавказской арміи. **А. Б.**

[2]) Генералъ-лейтенантъ Базинъ, начальникъ резервной дивизіи; онъ игралъ при штурмѣ Карса весьма видную роль. Не удостоясь получить въ то время заслуженной награды, онъ имѣлъ счастіе быть пожалованнымъ Государемъ Императоромъ, не въ примѣръ прочимъ, кавалеромъ св. Георгія 3-го класса въ день празднованія учрежденія этого ордена въ 1872 году. **А. Б.**

[3]) Генералъ-лейтенантъ Іосифъ Антоновичъ Реуттъ. Онъ род. въ 1786 году; въ мартѣ 1809 г. поступилъ юнкеромъ въ 9-й (впослѣдствіи 42-й) егерскій полкъ и, посвятивъ всю службу Кавказу, скончался въ чинѣ генералъ-лейтенанта, въ Тифлисѣ, 9-го сентября 1855 года, на 69-мъ году отъ роду. **А. Б.**

[4]) Генералъ-маіоръ Николай Евгеніевичъ Лукашъ, впослѣдствіи былъ назначенъ Муравьевымъ тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ. **А. Б.**

Благодарю васъ за попеченіе о моемъ здоровьи. Пока еще сохраняется и лучше, чѣмъ я могъ когда-либо ожидать. Силы держутся, вѣроятно, отъ нравственнаго напряженія, въ которомъ пребываю день и ночь.

2.

Отъ 24-го сентября.

Не писалъ къ вамъ особо, потому что открытыя письма къ военному министру довольно объясняютъ вамъ положеніе дѣлъ нашихъ; конечно, чувствительны потери, но изъ 7 т. многіе остались во фронтѣ; и легко раненые, надѣюсь, скоро возвратятся. Непріятель имѣлъ, безъ сомнѣнія, до 4 т. утраты— невозвратной.

Блокада возстановлена была въ день штурма въ томъ же порядкѣ, какъ прежде; теперь все зависитъ отъ времени и погоды. Стерегу Соганлугскій хребетъ, на которомъ показался уже снѣгъ. Сусловъ [1]) угрожаетъ Эрзеруму, куда по слухамъ ожидаютъ прибытія Омера-паши безъ войскъ.

О батумскомъ дессантѣ вы должны знать болѣе меня; по мнѣнію моему, не должно было высадиться болѣе 10 или 12 т.; можетъ быть подвинутся въ Гурію; на то Мухранскій и грозныя многолюдныя милиціи Гуріи и Мингреліи.

Вы уже знаете, что въ ахалцихскомъ отрядѣ, кромѣ кавалеріи и артиллеріи, 10¾ баталіоновъ, которыхъ частію, въ случаѣ надобности, вы распорядитесь. Къ Ахалциху болѣе чѣмъ набѣга не ожидаю, но имѣйте въ виду, что можетъ случиться и движеніе черезъ Ардаганъ къ Карсу; тогда Базину не слѣдовало бы спускаться къ Ахалциху. Дѣйствія ваши будутъ зависѣть отъ извѣстій, которыя вы получите о непріятелѣ. Меня порадовало, что я нашелъ въ Базинѣ человѣка военнаго и распорядительнаго. До сихъ поръ зналъ только объ его усердіи.

Войска здѣсь очень бодры. Чинимся, и въ этомъ вы намъ помогите, также какъ въ сухаряхъ помогли; нужны и скоро: лекаря, фельдшера, штабъ- и оберъ-офицеры. Если, за обезпеченіемъ стороны къ Имеретіи, остались бы у васъ свободныя пѣхотныя войска, то и тѣхъ пришлите, а я къ вамъ посылаю въ Тифлисъ батарейную батарею. Пособите намъ тоже развозомъ раненыхъ, пока еще погода стоитъ хорошая, по дальнимъ отъ Гумровъ госпиталямъ. Пошлите офицеровъ распорядительныхъ, чтобъ выслать изъ гренадерскихъ штабъ-квартиръ людей, которые тамъ понапрасно проживаютъ.

Не знаю, куда дѣваться съ Журавскимъ [2]), кого бы вы мнѣ на мѣсто его выбрали,—а дѣло это не терпитъ отлагательства.

Невѣровскій [3]) слабъ здоровьемъ; все дѣло ѣдетъ на меньшомъ Кауфманѣ [4]). Кто бы могъ занять хотя временно мѣсто Невѣровскаго?

---

[1]) Генералъ-маіоръ Александръ Алексѣевичъ Сусловъ состоялъ по особымъ порученіямъ при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ и командовалъ во время войны кавалеріею. **А. Б.**

[2]) Генералъ-маіоръ Яковъ Ивановичъ Журавскій, командиръ 21-й полевой артиллерійской бригады. **А. Б.**

[3]) Генералъ-маіоръ Александръ Андреевичъ Невѣровскій исправлялъ должность начальника штаба при дѣйствовавшемъ корпусѣ. **А. Б.**

[4]) Полковникъ Михаилъ Петровичъ Кауфманъ, нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ и начальникъ главнаго интендантскаго управленія. Старшій братъ его, въ то время также въ чинѣ полковника, нынѣ генералъ-адъю-

Въ замѣщеніи должностей людьми способными ожидаю вашего совѣта, такъ какъ вы болѣе меня въ краѣ знакомы.

3.

Отъ 25-го сентября 1855 г.

По полученнымъ сегодня свѣдѣніямъ, кажется, что десантныя войска всѣ направляются на Чорок-су, и что едва-ли можно будетъ ожидать отъ Батума натиска къ Ахалциху, въ особенности къ Карсу.

Въ Эрзерумѣ все въ томъ же положеніи—войскъ тамъ мало, но кавалерію свою турки выдвинули на Драм-дагъ, противу отряда полковника Хрещатицкаго [1]), на поддержаніе коего генералъ Сусловъ выслалъ одинъ баталіонъ. Вершины Саганлуга въ нынѣшнюю ночь снова покрылись снѣгомъ.

Изъ Карса лазы бѣгутъ большими командами. Сегодня ихъ привели человѣкъ 25, съ начальникомъ и значкомъ. Холера сильно свирѣпствуетъ между жителями Карса и гарнизономъ крѣпости. Жители бѣдствуютъ до крайности. Регулярной конницы и конныхъ баши-бузуковъ почти вовсе не осталось. Изъ регулярной пѣхоты побѣги прекратились. Изъ перелавливаемыхъ жителей Карса иные показываютъ, что продовольствія для войска имѣется тамъ мѣсяца на два, другіе же утверждаютъ, что нѣтъ болѣе, какъ на двѣ недѣли.

Всего болѣе забочусь теперь объ отвозѣ и успокоеніи раненыхъ и о сборѣ фуража. Войска очень бодры и желаютъ новаго боя.

Вы мнѣ присылаете два резервныхъ баталіона; я требовалъ пѣхоты въ такомъ только случаѣ, еслибъ она у васъ оставалась свободною, за обезпеченіемъ лезгинской линіи и стороны къ Имеретіи; поэтому я заключаю, что вы не предвидите въ нихъ надобности. Впрочемъ, въ распоряженіи вашемъ, въ крайности, остается сильный ахалцихскій отрядъ генералъ-маіора Базина.

Буду ожидать присылки штабъ-и оберъ-офицеровъ, лекарей и фельдшеровъ, въ которыхъ имѣю надобность. Знаю, что полковникъ Коргановъ [2]) человѣкъ весьма способный, но послѣ слышаннаго мною о поступкахъ его въ Гуріи не рѣшаюсь принять его.

тантъ, генералъ-лейтенантъ и начальникъ Туркестанской области. Оба брата командовали кавказскимъ сапернымъ баталіономъ и оставили по себѣ добрую память въ краѣ. А. Б.

[1]) Полковникъ Александръ Павловичъ Хрещатицкій 2-й, командиръ 23-го донскаго казачьяго полка; нынѣ генералъ-лейтенантъ и походный атаманъ. А. Б.

[2]) Полковникъ Іосифъ Ивановичъ Коргановъ. Поступки, на которые намекаетъ ниже Муравьевъ, относятся къ тому времени, когда Коргановъ состоялъ начальникомъ штаба при кутаисскомъ военномъ губернаторѣ. Извѣстно, что онъ, находясь въ Озургетахъ, въ Гуріи, съ тремя баталіонами Литовскаго полка и одной батареей 13-й артиллерійской бригады, не принялъ никакихъ мѣръ къ выручкѣ николаевскаго поста, перешедшаго въ руки башибузуковъ. Впослѣдствіи Коргановъ былъ начальникомъ лѣваго фланга лезгинской линіи, а затѣмъ командующимъ войсками въ Абхазіи. Будучи въ чинѣ генералъ-маіора, онъ, въ 1861 году, былъ уволенъ княземъ Барятинскимъ отъ этой должности и, выйдя въ отставку, участвовалъ въ откупу сальянскихъ рыбныхъ промысловъ. Онъ скончался въ 1871 году. А. Б.

Не увѣренъ, чтобы непріятель сталъ наступательно дѣйствовать въ Гуріи, во всякомъ случаѣ онъ не пойдетъ далѣе рѣки Супсы: тамошнія грязи стоютъ доброй крѣпости.

Теперь вся задача состоитъ въ количествѣ продовольствія, имѣющагося въ Карсѣ. По ходу дѣла и имѣющимся у меня свѣдѣніямъ можно полагать, что у турокъ есть хлѣба скорѣе на двѣ недѣли, чѣмъ на два мѣсяца; но разсчитывать дѣйствіями своими долженъ по послѣднему, дабы не ошибиться въ первомъ.

P. S. Врангелю [1]), слышно, назначаютъ 2-ю пѣхотную дивизію.

У насъ все покойно; ловимъ лазовъ, выбѣгающихъ изъ Карса.

Ермоловъ [2]) строитъ для меня домъ, въ который помѣщу пріятеля нашего Касим-хана [3]), когда пріѣдетъ.

4.

От 5-го октября 1855 года.

Открытое письмо къ военному министру покажетъ вамъ, въ какомъ состояніи у насъ здѣсь идетъ дѣло. Жители Карса истинно бѣдствуютъ и стоятъ не за насъ, а противу насъ. Сколько времени гарнизонъ устоитъ противъ получаемой на человѣка въ сутки дачи—по драхмѣ хлѣба, безъ мяса, коего выдача, по показаніямъ многихъ, уже трое сутокъ какъ прекратилась,—того опредѣлить не могу.

Благодарю васъ за распоряженія о раненныхъ. По доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, они въ хорошомъ положеніи и съ добрымъ духомъ.

Долженъ сказать вамъ слово о Невѣровскомъ: не имѣю прямаго повода полагать его въ числѣ дурныхъ людей; сколько онъ по письменной части способенъ, не имѣлъ случая испытать,—полагаю, что онъ ее знаетъ. Усердіе его ограничивается кругомъ дѣйствія, къ которому онъ привыкъ; но нахожу, что онъ не охотно предается занятіямъ внѣ своего обычая. Съ картой обходиться не привыкъ, въ полѣ практики никакой не имѣетъ, а въ бумагахъ смотритъ только на отписку, не заботясь о цѣли;—въ этомъ онъ меня убѣдилъ, въ особенности однимъ случаемъ, повредившимъ тогда и дѣлу. Все это я бы перенесъ, но меня увѣряли, что онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ; я его, впрочемъ, мало вижу.

---

[1]) Генералъ-маіоръ баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель. Онъ началъ службу въ Преорбаженскомъ полку и, по прибытіи на Кавказъ, состоялъ адъютантомъ при главнокомандовавшемъ баронѣ Розенѣ; въ 1837 году, во время бытности въ Тифлисѣ императора Николая, былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ и назначенъ командиромъ Ширванскаго полка. Впослѣдствіи онъ занималъ должности: военнаго губернатора въ Шемахѣ, начальника 20-й дивизіи и лѣваго фланга кавказской линіи, 2-й гвардейской дивизіи, командующаго войсками въ Дагестанѣ, гдѣ въ 1859 году участвовалъ при взятіи Гуниба; затѣмъ командовалъ корпусомъ, а нынѣ состоитъ членомъ военнаго совѣта. **А. Б.**

[2]) Капитанъ гвардіи Клавдій Алексѣевичъ Ермоловъ. **А. Б.**

[3]) Касим-ханъ, бывшій персидскій консулъ въ Тифлисѣ. Онъ въ 1855 году состоялъ совѣтникомъ при чрезвычайномъ посольствѣ Аббас-Кули-хана, отправленнаго шахомъ для поздравленія Государя Императора съ восшествіемъ на престолъ. **А. Б.**

Мнѣніе ваше по дѣлу о Журавскомъ совершенно такъ, и я бы не замедлилъ назначеніемъ на его мѣсто Ктитарева [1]), если бы рекомендуемый на мѣсто сего Цумпфортъ [2]), коего знаю за ревностнаго и боеваго штабъ-офицера, не имѣлъ привычки, какъ я слышалъ, играть въ карты. Сколько это справедливо, не знаю; но если засимъ вы не будете мнѣ вторично рекомендовать Цумпфорта для Шуши, то прошу васъ избрать другаго.

Сколько вы съ меня сложили заботъ съ пріемомъ, въ отсутствіе мое, персидскаго посла [3]). Буду ожидать пріѣзда Касим-хана, котораго приму въ выстроенномъ возлѣ палатки моей домикѣ.

Скажите Лукашу, что если-бы поѣздка его ко мнѣ мало мальски затрудняла его, то отложилъ бы оную. Богъ дастъ, и безъ того скоро свидимся.

Пріѣхалъ сюда генералъ Васмундъ [4]); мѣсто его въ Кахетіи осталось празднымъ. Прошу васъ безотлагательно назначить туда, вмѣсто его, начальника дѣльнаго, который остался бы тамъ до роспуска кавалеріи, безъ чего можетъ пропасть втунѣ сухой фуражъ, да и вамъ трудно будетъ распорядиться.

Кажется мнѣ, нельзя миновать прибавки почтовыхъ лошадей по тракту отъ Александрополя до Тифлиса, частію по большому разгону, частію же по неисправности содержателей станцій. По послѣдней причинѣ неминуемо будетъ поставить въ отвѣтственность тѣ губернскія власти, на попеченіи коихъ дѣло сіе лежитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ есть большія упущенія съ ихъ стороны.

Алармистовъ вездѣ и всегда бываетъ довольно; онлардан эксикъ деюль [5]). Этихъ людей утѣшеніе—всякая неудача, не смотря даже, касается-ли она общаго дѣла. Они же, можетъ быть, будутъ сожалѣть объ успѣхѣ, если Богъ пошлетъ. Изъ хода дѣлъ вы видите, что обстоятельства не такъ дурны: есть войска, хлѣбъ, фуражъ и деньги,—нужно терпѣніе.

P. S. Маіора Джафар-агу [6]) курды обвиняютъ бездоказательно въ предательствѣ. Вы его знаете; скажите, можно-ли этимъ слухамъ давать вѣру?

5.

От 14-го октября 1855 года.

Хотѣлъ-было своеручно отвѣчать на письмо ваше отъ 11-го октября, сегодня полученное, но до сихъ поръ не могъ; а теперь нѣсколько уморился и разсудилъ, что въ торопяхъ напишу не связно и васъ только больше затрудню,—почему и рѣшился лучше продиктовать письмо, на что избралъ Александра Корсакова [7]).

---

[1]) Полковникъ Иванъ Леонтьевичъ Ктитаревъ былъ сначала комендантомъ гор. Шуши, а потомъ Александрополя.

[2]) Полковникъ Юлій Карловичъ Цумпфортъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, человѣкъ весьма способный. Онъ служилъ въ Мингрельскомъ егерскомъ полку и былъ впослѣдствіи комендантомъ г. Шуши.

[3]) Сейф-уль-мулькъ-Аббас-Кули-ханъ.

[4]) Генералъ-маіоръ Васмундъ, бывшій командиръ Терскаго казачьяго полка.

[5]) Въ переводѣ съ татарскаго: ихъ (т. е. алармистовъ) довольно.

[6]) Маіоръ (нынѣ генералъ-маіоръ) Джафар-ага, начальникъ курдовъ въ Эриванской губерніи. **А. Б.**

[7]) Подпоручикъ гвардейской конной артиллеріи Александръ Семеновичъ Корсаковъ, любимецъ Муравьева. Онъ былъ посланъ къ Государю Императору съ извѣстіемъ о сдачѣ Карса и пожалованъ во флигель-адъютанты.

А. Б.

Отвѣчаю на письмо ваше по статьямъ. Вы пишете, что непредвидѣнныя обстоятельства были причиною измѣненія первоначальнаго моего плана, что и принудило меня измѣнить терпѣнію, коимъ теперь вооружаюсь. Выраженіе сіе требуетъ возраженія. Если обстоятельства заставили меня перемѣнить первоначальный планъ мой, то ужъ перемѣна эта не могла произойти отъ нетерпѣнія; если же допустить, что нетерпѣніе мое было тому причиною, то изложеніе измѣнившихся обстоятельствъ должно быть несправедливо. Одно съ другимъ не согласуется. Не буду повторять причинъ, побудившихъ меня къ штурму—это былъ общій голосъ, и вамъ причины эти довольно извѣстны изъ моихъ писемъ къ Государю и военному министру.

Меня удивило, что, послѣ сорокалѣтняго знакомства нашего, вы могли еще полагать во мнѣ недостатокъ терпѣнія — качество, въ которомъ я изощренъ еще съ молодыхъ лѣтъ моихъ и въ которомъ, конечно, уже не способенъ измѣниться на 62-мъ году моей жизни. Могли-ли вы полагать, что я побуждаемъ былъ мелочными видами—скорѣе пріобрѣсти славу, за которою и не думаю гнаться въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, имѣя въ предметѣ только пользу общаго дѣла и рѣшительно болѣе ничего. Повторяю, дѣло приступа было долго обсуждаемо, обдумано и рѣшено. Не упустилъ я и тогда изъ виду, что, въ случаѣ неудачи, будутъ пересуды; но это не могло меня остановить, какъ и теперь не измѣнятъ моего взгляда и моихъ дѣйствій сужденія другихъ послѣ совершившагося дѣла. Къ сожалѣнію, не слыхалъ мнѣнія ихъ до дѣла.

Не оскорбляюсь я вашимъ сужденіемъ, какъ человѣка, мнѣ близкаго, но сожалѣю, что вы меня до сихъ поръ мало познали.

Касательно Ктитарева и Цумпфорта буду руководствоваться вашимъ мнѣніемъ.

Назначеніе генерала Лукаша, какъ вамъ извѣстно, не могу еще опредѣлить, пока существуетъ начальствованіе отъ Нухи до Арагвы, но съ возвращеніемъ въ Тифлисъ прежде всего займусь симъ важнымъ дѣломъ. Лукашъ сегодня выѣхалъ обратно.

Жаль, что вамъ некого было поставить на мѣсто Васмунда. Слышно, что съ ячменемъ казаки тамъ управляются не по надлежащему; сколько это справедливо—не знаю.

Касим-хана я здѣсь не задержалъ, и, кажется, онъ поѣхалъ довольный нами. Хотя я мало забочусь о разсѣваемыхъ врагами моими слухахъ, но распространяемыя неблагонамѣренными людьми ложныя извѣстія могутъ имѣть дурное вліяніе въ народѣ. Я знаю, что вы заботитесь о прекращеніи ихъ, а Касим-ханъ, надѣюсь, вамъ въ этомъ поможетъ, ибо онъ, сколько умѣлъ, убѣдился въ истинѣ, что здѣсь все идетъ хорошо.

На Джафар-агу доносили не курды, а, къ сожалѣнію, подозрѣваютъ его въ предательствѣ наши русскіе служащіе и турецкіе армяне; но я сему не вѣрилъ и буду руководствоваться вашимъ мнѣніемъ въ семъ отношеніи.

Въ письмѣ моемъ къ военному министру вы найдете довольно вѣрныя свѣдѣнія о силахъ Омер-паши. Что нужно будетъ, передайте князю Мухранскому. Между тѣмъ, распорядитесь такъ, чтобы князь Мухранскій почаще сообщалъ объ извѣстіяхъ и слухахъ въ его сторонѣ. Въ настоящее время очень любопытно знать о состояніи погоды, дорогъ и рѣкъ въ Мингреліи и Гуріи, о чемъ мнѣ нужно имѣть почаще свѣдѣнія.

Никто лучше васъ не найдетъ способа успокоить жителей Имеретіи, кото-

рую вы знаете вдоль и поперегъ. Въ Кутаисѣ нужно имѣть, за отсутствіемъ князя Мухранскаго, человѣка, заслуживающаго общее довѣріе.

Передайте также генералу Козловскому [1]), что въ письмѣ моемъ къ военному министру писано объ Карачаѣ и англичанинѣ Лонгвуртѣ [2]). Хорошо бы его уловить, когда будетъ онъ пробираться къ Шамилю.

Не полагаю, чтобы Омер-паша въ нынѣшнемъ году тронулся съ мѣста; не думаю также, чтобы Селимъ или Вели-паша перешелъ Саганлугъ въ такое позднее время года,—но тутъ и тамъ надобно взять заблаговременно мѣры для встрѣчи.

Что относится до Невѣровскаго, то я, можетъ быть, не долженъ былъ выразиться, что не имѣю прямаго повода полагать его въ числѣ дурныхъ людей, ибо, какъ вы справедливо замѣчаете, когда нѣтъ прямаго повода, то могутъ еще быть косвенные,—я къ тому и косвеннаго повода не имѣю; но признаюсь вамъ, что, по строгому обсужденію, едва-ли всегда можно лѣниваго человѣка причислить къ разряду хорошихъ людей.

Вамъ также непріятно будетъ узнать, что я былъ постоянно недоволенъ княземъ Яссе Андрониковымъ [3]), которому давалъ нѣсколько случаевъ показать свое умѣнье въ службѣ передовой кавалеріи и постовъ, въ чемъ онъ не оправдалъ ни ожиданій, ни желаній моихъ, такъ что я его уже нахожу здѣсь совершенно излишнимъ.

Съ другой стороны, я не могу довольно нахвалиться трудолюбіемъ и пользою которую постоянно приноситъ здѣсь вами-же избранный Лорисъ-Меликовъ [4]),—человѣкъ этотъ незамѣнимый. Очень хорошъ и, назначенный вами въ должность дежурнаго штабъ-офицера, меньшой Кауфманъ; на немъ все дѣло ѣдетъ. Племянникъ вашъ, молодой князь Мухранскій [5]), офицеръ расторопный и усердный. Отлично также старателенъ и полезенъ александропольскій уѣздный начальникъ Фон-Воюцкій [6]).

6.

От 16-го октября 1855 года.

Донесеніе князя Мухранскаго, съ извѣстіемъ о выступленіи перваго эшелона турецкихъ войскъ 2-го октября къ р. Кодоръ, пролежало безъ доклада

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ Викентій Михайловичъ Козловскій, временно командовавшій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, начальникъ 19-й пѣхотной дивизіи. **А. Б.**

[2]) Военный агентъ, присланный англійскимъ правительствомъ во время восточной войны къ горцамъ, съ цѣлью руководствовать дѣйствіями противъ насъ Магомед-Амина и Шамиля. **А. Б.**

[3]) Князь Яссе Андрониковъ состоялъ при кавказской арміи по кавалеріи; человѣкъ весьма сомнительнаго поведенія. Онъ былъ женатъ на вдовѣ, князя Абхазова, извѣстнаго при А. П. Ермоловѣ генерала. **А. Б.**

[4]) Полковникъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, Михаилъ Таріеловичъ Лорис-Меликовъ состоялъ при главнокомандовавшемъ по особымъ порученіямъ; нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ и начальникъ Терской области. **А. Б.**

[5]) Князь Николай Давидовичъ Мухранскій, нынѣ полковникъ гвардіи и въ отставкѣ. **А. Б.**

[6]) Титулярный совѣтникъ Петръ Францовичъ Фонъ-Воюцкій, нынѣ статскій совѣтникъ и членъ елисаветпольскаго губернскаго, по поселянскимъ дѣламъ, присутствія. **А. Б.**

мнѣ два дня, по ошибкѣ съ другими бумагами, менѣе важными. Свѣдѣнія, въ этомъ рапортѣ изложенныя, озаботили бы меня, еслибъ я не получилъ писемъ вашихъ отъ 11-го и 13-го октября, изъ которыхъ въ послѣднемъ вы пишите, что тревожныхъ слуховъ изъ Гуріи пока не имѣется. Между тѣмъ, въ одномъ турецкомъ письмѣ, найденномъ брошеннымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ казаки наши взяли почту, и коего переводъ при семъ прилагаю [1]), говорится тоже о предполагаемомъ движеніи Омер-паши изъ Сухума. Свѣдѣнія, заключающіяся въ письмѣ этомъ, кажется, не заслуживаютъ большаго довѣрія, потому что, судя по цифрамъ войскъ, какія считаются въ Сухумѣ, очевидно много увеличеннымъ; это есть успокоительное или ободряющее письмо для гарнизона карсскаго. Не думаю, чтобы Омер-паша былъ въ состояніи двинуться впередъ: позднее время года, дурныя дороги и грязи, о которыхъ я, впрочемъ, не имѣю еще положительныхъ извѣстій,—не весьма значительныя силы, которыми онъ располагаетъ,—ибо по англійскимъ письмамъ той же почты у него было еще не болѣе 6 т. регулярнаго войска,—не позволятъ ему предпринять рѣшительное наступательное дѣйствіе. Если бы онъ и перешелъ за Ингуръ, то князь Мухранскій, надѣюсь, дастъ ему первый отпоръ. Судя также по одному изъ англійскихъ писемъ, въ которомъ положительно говорится, что Омер-паша будетъ дѣйствовать для отвлеченія силъ нашихъ отъ Карса, не непосредственно, а косвенно (indirectement), надо думать, что все это есть лишь демонастрація со стороны Омер-паши для отвлеченія насъ отъ Карса, или же движеніе въ Самурзаканъ по настоянію Михаила Шарвашидзе [2]), чего онъ всегда домогался.

---

[1]) Письмо ардаганскаго мудира Хусейн-бека къ бригадному командиру Хафиз-пашѣ, въ Карсъ, отъ 8 сафара (6-го октября):

«По причинѣ случившагося въ Пенякѣ происшествія, я, выѣхавъ оттуда съ моимъ семействомъ, прибылъ въ Ливанъ; а какъ носились слухи о прибытіи сердаря экрема (Омера-паши) въ Батумъ, съ намѣреніемъ отправиться въ Карсъ, то я рѣшился ѣхать представиться его свѣтлости. Онъ изволилъ подробно меня разспрашивать о положеніи русскихъ и я ему все доложилъ, упомянувъ и о ревности, и необыкновенной храбрости каждаго изъ воиновъ нашихъ, во все время осады Карса русскими. Извѣстіе это чрезвычайно порадовало его свѣтлость. Когда въ разговорахъ я коснулся нашего благодѣтеля Реис-паши, называя его Баба-пашей, то сердарь спросилъ: «кто это такой?» Я отвѣчалъ, что это Керим-паша, что всѣ его теперь такъ титулуютъ, и объявилъ, что онъ теперь составляетъ нашу надежду и подпору. Это обстоятельство также чрезвычайно понравилось сердарю.

«Онъ объявилъ мнѣ, что пойдетъ на Тифлисъ. Подъ его начальствомъ будетъ состоять, вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ и съ войскомъ, привезеннымъ изъ Севастополя и Варны, съ Абди-пашею, всего 60 т. регулярнаго войска съ которымъ онъ двинется изъ Сухума. 5-го числа сего мѣсяца, въ понедѣльникъ, армія выступаетъ изъ Сухума по волѣ его свѣтлости. Да вспомоществуетъ ему Богъ! Въ 10 или 15 дней, Кутаисъ и тамошнія мѣста, безъ сомнѣнія будутъ покорены и заняты. Очевидно, что русскіе отступятъ и изъ-подъ Карса. Я, вашъ покорный слуга, предвижу великія торжества. Теперь пока вкратцѣ докладываю вамъ; Богъ дастъ, при свиданіи съ вашимъ высокостепенствомъ подробно порадую васъ этимъ извѣстіемъ».

[2]) Владѣтельный князь Абхазіи.

Оставить Карса я не располагаю, ибо 1) я лишился бы тѣмъ надежды овладѣть этимъ пунктомъ, и 2) съ приближеніемъ нашимъ, что потребуетъ много времени, непріятель, отступивъ, достигнулъ-бы своей цѣли,—и, слѣдовательно, также большихъ результатовъ отъ того нельзя ожидать.

Повторяю мнѣніе мое, что для успокоенія имеретинъ, которыхъ встревожила высадка Омер-паши въ Сухумъ, я бы полагалъ весьма полезнымъ послать туда человѣка разумнаго, твердаго, который бы пользовался или могъ пріобрѣсти довѣріе народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ княземъ Мухранскимъ (что вы думаете о графѣ Штейнбокѣ? я его мало знаю, но слышалъ, что онъ человѣкъ съ духомъ); надѣюсь, что вы такого найдете, хотя бы и не между военными,—считаю эту мѣру необходимою.

Передавая вамъ все сіе, я прошу васъ сообщить мнѣ свое мнѣніе о состояніи дѣлъ къ сторонѣ Чернаго моря: я увѣренъ, что и вы не упустите изъ виду заблаговременно принять дѣятельныя мѣры къ отраженію всякаго натиска съ той стороны; у васъ теперь будетъ свободна часть войскъ, находящихся на лезгинской линіи, и вы можете всегда, въ случаѣ нужды, выдвинуть нѣкоторую часть таковыхъ изъ ахалцихскаго отряда. Думаю, что неизлишнимъ было бы собрать опять, какъ то было сдѣлано съ весны, небольшую часть войска около Зурнабада [1]), для наблюденія за мусульманскими провинціями, которыхъ, впрочемъ, много успокоитъ уже проѣздъ персидскаго посла.

Въ дополненіе прибавлю, что появленіе турецкихъ войскъ изъ Эрзерума на Саганлугѣ могло бы быть событіемъ болѣе въ нашу пользу; буду стеречь появленіе сего на Котаплинскихъ равнинахъ; но мало надѣюсь на это,—Сусловъ будетъ у нихъ въ тылу.

Карсъ, по всѣмъ указаніямъ, бѣдствуетъ: въ гарнизонѣ за берегами 600 артиллерійскихъ лошадей; когда кавалерія уничтожилась, то стали выдавать лошадей этихъ подъ всадниковъ, но и тѣхъ погибло 300,—осталось 300 артиллерійскихъ, которыхъ на дняхъ скомплектовали опять до 600 изъ числа офицерскихъ лошадей; но и тѣ всѣ изнурены и едва-ли могутъ служить. Между тѣмъ, побѣги почти вовсе прекратились; бѣглыхъ воздерживаютъ и разстрѣливаніемъ, и надеждою на скорую помощь; а тѣ, которые изрѣдка показываются, приходятъ совсѣмъ голодные. Удивительно, какою силою это до сихъ поръ держится, и потому трудно опредѣлить, сколько еще продлится такое состояніе. Оторваться мнѣ отъ Карса не приходится.

Займитесь Мингреліею; я надѣюсь, что все нужное для сбереженія Мингреліи и Гуріи будетъ сдѣлано. Вы вѣрно обратили вниманіе на извѣстныхъ вамъ 4-хъ Дадіановъ [2]). Это дѣло близко въ связи съ дѣлами князя Михаила и жены его. Богъ дастъ, прежде мѣсяца будетъ развѣдка всей кампаніи. Я ожидаю вашего мнѣнія.

P. S. Сейчасъ узналъ, что Вилліамсъ и иностранцы продали Муширу въ казну своихъ лошадей подъ артиллерію.

---

[1]) Близъ Елисаветополя.

[2]) Князья Константинъ, братъ его Григорій, Георгій (тесть князя Михаила Шарвашидзе) и правительница Мингреліи—княгиня Екатерина Александровна Дадіани. А. Б.

7.

Отъ 13-го ноября 1855 года.

Сего числа обѣдалъ у меня генералъ Вилліамсъ, который, въ качествѣ уполномоченнаго отъ Мушира, подписалъ условія сдачи Карса. Завтра онъ мнѣ привезетъ окончательный отвѣтъ отъ Васиф-паши. Спѣшу сообщить вамъ это извѣстіе, а между тѣмъ прошу съ нарочнымъ прислать мнѣ ваше предположеніе, какъ поступить съ военно-плѣнными, которыхъ будетъ много. Не полагаете-ли лучше направить ихъ на Баку, чѣмъ плѣнные избѣгнутъ неудобства проходить чрезъ горы въ суровое зимнее время,—и могутъ-ли они зимовать въ Баку, если бы сообщеніе моремъ съ Астраханью было бы невозможно. Прошу васъ также представить полный докладъ о томъ, какъ вы полагаете ихъ обезпечить одеждою.

Плѣнные будутъ отправлены отсюда чрезъ Делижанское ущелье, гдѣ они должны встрѣтить уже ваши распоряженія.

P. S. А если простымъ путемъ на Тифлисъ ихъ направить? Но на Тифлисъ, какъ вы думаете? Вамъ лучше извѣстны средства. Чрезъ Тифлисъ будетъ эффектнѣе.

15-го (ноября) всѣ условія сдачи подписаны по довѣренности, данной Муширомъ Вилліамсу. Завтра передача въ 10 часовъ утра: Муширъ, Керим-паша и Вилліамсъ, со всѣми англичанами и всѣмъ войскомъ—военноплѣнные; 6,000 редифовъ, по обезоруженіи ихъ, будутъ отпущены въ домы; прочіе 11,000 возьмутся въ плѣнъ; вся артиллерія и все, что въ крѣпости есть, сдастся по описямъ. Еще счеты не сведены ни людямъ, ни оружію; множество оружія и имущества,—130 орудій. Не Карсъ отъ Омер-паши будетъ зависѣть, а Омер-паша отъ Карса. Поздравляю и обнимаю васъ. Пошлите поскорѣе денегъ Базину, чтобы хлѣба купить въ Ардаганѣ. Завтра, въ 10 часовъ, все должно кончиться; тогда и курьеръ.

8.

Тифлисъ, 11-го декабря 1855 года.

Пріѣхалъ я сюда 7-го декабря и какъ ни пріятно было бы для меня видѣться съ вами, но признаюсь, порадовался тому, что вы въ Имеретіи: лучше васъ никто не знаетъ тамошнихъ дѣлъ; лучше васъ никто не успокоитъ край и не погаситъ личныхъ междоусобій, возродившихся послѣ попытки, сдѣланной Омер-пашею [1]).

Всякое рѣшеніе съ моей стороны до точнаго узнанія дѣла могло бы быть неумѣстнымъ, но съ правомъ, вамъ предоставленнымъ, вы, будучи на мѣстѣ, можете хотя сколько-нибудь возстановить порядокъ.

Прошу васъ, князь Василій Осиповичъ, въ такомъ случаѣ устранить всякое снисхожденіе къ лицу, если бы то оказалось необходимымъ. Трудно и едва-ли возможно въ такомъ состояніи достигнуть порядка, оставивъ дѣйствующими лицами допустившихъ безпорядокъ и между собою враждующихъ ко всеобщему вреду.

Мнѣ кажется, что правительница должна менѣе вступаться въ дѣло при

---

[1]) Здѣсь дѣло идетъ о несогласіяхъ между владѣтелемъ Абхазіи—княземъ Михаиломъ Шарвашидзе и правительницею Мингреліи—княгинею Екатериною Александровною Дадіани, лично ненавидѣвшихъ другъ друга. **А. Б.**

настоящихъ обстоятельствахъ и что князь Мухранскій не можетъ тамъ болѣе оставаться. Генералъ-маіоръ Бруннеръ [1]), говорятъ, человѣкъ съ головою, а другаго въ настоящее время не имѣю въ виду. Сдѣлайте, какъ разумѣете.

Если мингрельцы показали слабость, то надобно быть къ тому снисходительнымъ, потому что они, какъ подчиненные, могли быть вовлечены раздорами начальства ихъ и распоряженіями, несоотвѣтствующими обстоятельствамъ.

Истинные виновники изъ нихъ не замедлятъ сами оказаться.

Весьма важное дѣло—продовольствіе войскъ; какъ не будетъ пшеницы, такъ рады будемъ и кукурузѣ, и гоміи [2]); не признаете-ли вы полезнымъ теперь уже озаботиться заготовленіемъ сихъ предметовъ на мѣстѣ.

Другой предметъ:

Омер-паша, кажется, уберется безнаказанно; но развѣ грязи и снѣгъ не составляютъ для отступающаго такое же препятствіе, какъ и для преслѣдующаго; развѣ мы въ этомъ случаѣ не имѣемъ передъ нимъ преимущество мѣстнаго вооруженнаго народонаселенія? Нужно только коснуться для того настоящихъ пружинъ — и вы, чуждый личностямъ, ихъ вѣрно найдете.

Омеръ долженъ поплатиться за сожженіе нашихъ запасовъ.

Не имѣю надобности убѣдительно просить васъ о сбереженіи войскъ; вы знаете, какъ они драгоцѣнны будутъ въ будущемъ году, и вы вѣрно сдѣлаете въ семъ отношеніи все, что отъ васъ зависитъ. Желаю вамъ здравія и успѣха.

9.

Отъ 19-го декабря 1855 г.

Неоднократно изъ разговоровъ съ находящимися у насъ въ плѣну турецкими пашами я имѣлъ случай удостовѣриться не только въ нерасположеніи ихъ къ англичанамъ, но и въ явной ихъ недовѣрчивости вообще къ намѣреніямъ ихъ союзниковъ въ отношеніи къ Турціи,—при томъ еще сознаніи, что хотя они и принуждены воевать съ нами, но вполнѣ цѣнятъ доброе обхожденіе русскихъ и безкорыстіе, съ которымъ мы поддержали нѣкогда власть покойнаго султана Махмуда, при весьма критическихъ обстоятельствахъ.

Эти мысли, какъ по всему замѣтить можно, имѣютъ отголосокъ между мусульманами Турціи и они для насъ тѣмъ болѣе выгодны, что, распространяясь и въ здѣшнемъ краѣ, должны имѣть полезное вліяніе на народонаселеніе Кавказа.

Соображая это обстоятельство съ ходомъ, который начинаютъ принимать дѣла наши въ Мингреліи, я нахожу, что было бы не безъ пользы во многихъ отношеніяхъ, чтобы вдовствующая владѣтельница Мингреліи княгиня Дадіани не оставила безъ отвѣта послѣднее письмо, полученное ею отъ Омерпаши,—и вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ могъ бы состоять этотъ отвѣтъ: «княгиня Екатерина Александровна написала бы, что она промедлила нѣ-

---

[1]) Генералъ-маіоръ Бруннеръ изъ офицеровъ генеральнаго штаба. Онъ началъ службу на Кавказѣ; впослѣдствіи уѣхалъ въ Россію, гдѣ командовалъ Брестскимъ полкомъ, съ которымъ снова пришелъ на Кавказъ, гдѣ потомъ получилъ бригаду; нынѣ командующій войсками Казанскаго военнаго округа.

[2]) Гоми — родъ проса, составляющее любимую пищу имеритянъ, мингрельцевъ и гурійцевъ. А. Б.

сколько отвѣчать на присланное ей письмо по той причинѣ, что содержащіяся въ ономъ предложенія и угрозы, выходя изъ круга обыкновенныхъ дѣлъ, поставили ее въ весьма затруднительное положеніе и даже въ незнаніе: слѣдуетъ-ли ей входить въ переписку по столь важному предмету, превосходящему ея разумѣніе и ограниченную власть, которая ей предоставлена,—какъ попечительницѣ своего малолѣтняго сына, находящагося со всѣмъ народомъ мингрельскимъ подъ высокимъ покровительствомъ императора всероссійскаго; а потому она, по долгомъ размышленіи о предстоящихъ обстоятельствахъ, рѣшилась передать ему, Омер-пашѣ, свое убѣжденіе, что если дѣйствительно онъ имѣетъ въ виду какія-либо благопріятныя предложенія или сообщенія, то лучшій путь для соотвѣственныхъ объясненій есть: представить таковыя прямо отъ себя главнокомандующему на Кавказѣ—генералу Муравьеву,—тому самому, который издавна знаетъ его, Омер-пашу, и безошибочно можетъ судить о всякихъ его предложеніяхъ и, бывъ въ прежнее время однимъ изъ сподвижниковъ памятнаго для Турціи событія—поддержанія престола султана Махмуда, и нынѣ не откажется, какъ намѣстникъ Государя Императора на Кавказѣ, выслушать и уважить всякое слово, съ искренностью выраженное, если оно будетъ имѣть цѣль благую».

Таковый отзывъ мнѣ кажется весьма приличнымъ и устранитъ отъ княгини Екатерины Александровны всякія непріятныя запутанности; между же тѣмъ, дастъ почувствовать Омер-пашѣ, что дальнѣйшія его попытки относительно владѣтельницы Мингреліи останутся безъ успѣха, а съ другой стороны, укажетъ ему дорогу на случай, если бы, при какомъ либо нечаянномъ переворотѣ, онъ рѣшился войти въ секретные съ нами переговоры.

Передавая все вышеизложенное обсужденію вашему, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство, взвѣсивъ эти мысли съ обстоятельствами на мѣстѣ и сообразивъ оныя съ собственнымъ взглядомъ вашимъ на дѣла, дать настоящему предположенію надлежащій ходъ, если вы это признаете равномѣрно полезнымъ.

10.

Отъ 2-го января 1856 года.

По изустнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ нашимъ достойнымъ княземъ Малакіемъ [1]), должно полагать, что турецкія войска, укрѣпляющія свой лагерь впереди Хопи, располагаютъ зимовать въ Мингреліи. Сего непріятнаго обстоятельства, конечно, не случилось бы, если бы не были сожжены провіантскіе наши запасы, ибо подкрѣпленія, пришедшія уже къ генералу Мухранскому, при усиленіи ихъ приведенными мною еще войсками изъ Александрополя, легко бы сбили Омер-пашу съ позиціи и загнали бы его въ Редут-Кале.

По несчастію, встрѣтилось еще новое обстоятельство, вамъ, вѣроятно, уже извѣстное: это неустойка подрядчика Тамамшева [2]), о коей я узналъ только на другой день пріѣзда своего въ Тифлисъ. Дѣло это дошло до такой степени, что я вынужденъ былъ приняться за крайнія мѣры, дабы обезпечить продовольствіе собранныхъ сюда войскъ, и еще далеко не увѣренъ въ томъ,

---

[1]) Штабсъ-капитанъ милиціи князь Малакіа Гуріели. Онъ былъ переведенъ въ гвардейскій казачій полкъ съ чиномъ поручика и командовалъ милиціею на гурійской границѣ. **А. Б.**

[2]) Почетный потомственный почетный гражданинъ Гавріилъ Тамамшевъ. **А. Б.**

чтобы мѣры сіи имѣли успѣхъ; но если бы дѣло это и удалось, то войска останутся только при насущномъ своемъ продовольствіи, а запасовъ не будетъ.

Прилагая всевозможныя старанія, чтобы выйдти изъ сего затруднительнаго положенія, я долженъ также заботиться о томъ, чтобы пріобрѣсти избытки хлѣба и перевалить ихъ въ нынѣшнюю дурную погоду, когда дороги почти непроходимы въ Кутаисъ. Здѣсь пріискиваются къ тому всѣ подвозочныя средства, какія только въ краѣ, въ настоящее время, можно собрать. Между тѣмъ князь Малакій и бывшій атаманъ князь Эристовъ [1]) сказывали мнѣ, что въ Имеретіи можно собрать довольно значительное количество вьючныхъ лошадей для транспортировки хлѣба, находящагося въ Сурамѣ. Такое пособіе нахожу весьма важнымъ, если его только можно осуществить; почему прошу васъ увѣдомить меня, могу-ли я надѣяться на сіи средства; какое количество вьючныхъ лошадей наберется на сей предметъ въ Имеретіи; найдутся-ли подрядчики и во сколько перевозка одной четверти могла бы обойтись отъ Сурамы до Кутаиса?

Полагаю, что и въ имеретинцахъ, вызванныхъ на защиту своей родины, вы найдете къ сему дѣлу готовность; но въ какой мѣрѣ можно на это разсчитывать, прошу васъ увѣдомить меня. Скажите также что-нибудь на счетъ гоміи: можно-ли ее найти большое количество въ покупкѣ; можно-ли сохранить ее и употреблялась-ли она когда-либо въ пищу, въ крайнихъ случаяхъ для войскъ?

Прошу васъ также передать мнѣ мысли ваши на счетъ пріобрѣтенія хлѣба въ здѣшнемъ краѣ, не коммиссіонерскимъ способомъ и не раскладкою, если бы, какъ вѣроятно, на торги никто не явился.

До полученія ожидаемыхъ отъ васъ свѣдѣній о непріятелѣ послѣ рекогносцировокъ генерала Бруннера и подполковника Доливо-Добровольскаго [2]), мнѣ пришла мысль потревожить турокъ съ тыла и потому я спросилъ князя Малакія: будетъ-ли возможность пробраться ему съ 2 тыс. отрядомъ гурійской милиціи, изъ Гуріамта или Ланчхути, чрезъ Чаладиди въ Хорго, чтобы ощупать и спугнуть непріятеля въ неожиданномъ для него мѣстѣ; на что князь Малакіа безъ запинанія отвѣчалъ мнѣ, что это сдѣлать очень возможно. Если вы съ тѣмъ же согласны, то устройте дѣло сіе. Князь Малакіа, ежели не самъ доставитъ вамъ письмо сіе, то вслѣдъ за онымъ явится къ вамъ. Турки, говорилъ онъ мнѣ, не занимаютъ селеніе Чаладиди. Зная Малакіа, какъ перваго молодца въ краѣ, можно ожидать, что въ теперешнее время, когда Гурія обезпечена отъ вторженія турокъ, такая экспедиція нанесетъ имъ большой страхъ, а можетъ быть и значительный уронъ, ибо они сего не ожидаютъ. Хорошо, если бы въ то самое время можно было сдѣлать мингрельскою милиціею демонстрацію съ фронта отъ Циви.

Ожидаю отвѣта вашего.

P. S. Если бы, по возвращеніи генерала Бруннера, вы нашли бы возмож-

---

[1]) Генералъ-маіоръ князь Георгій Романовичъ Эристовъ 2-й, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и кутаисскій генералъ-губернаторъ, нынѣ состоитъ при главнокомандующемъ. **А. Б.**

[2]) Впослѣдствіи генералъ-маіоръ и помощникъ начальника 20-й пѣхотной дивизіи. Онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, съ присоединеніемъ къ его фамиліи и фамиліи Евдокимова, на родной племянницѣ жены котораго онъ былъ женатъ. **А. Б.**

*

ность, передавъ ему всѣ дѣла по военной, гражданской и провіантской частямъ въ краѣ, пріѣхать сюда, то прошу васъ пріѣхать; но обезпечьте прежде всѣ тѣ затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ общій начальникъ теперь тамъ долженъ находиться.

Надобно, чтобы всѣ повиновались Бруннеру; надобно, чтобы онъ былъ дѣятеленъ и не ограничивался бы однимъ лагеремъ; чтобы онъ способствовалъ заботами своими къ запасамъ провіанта, чтобы онъ ужился съ правительницею, съ губернаторомъ; можетъ-ли онъ все это сдѣлать? Вы его видѣли и можете все это опредѣлить и рѣшить.

Если вы рѣшились сюда ѣхать, то снабдите убѣдительнымъ и строгимъ наставленіемъ всѣ означенныя лица.

Подъ гражданскими дѣлами не разумѣю присутственныя мѣста, а участіе въ нарядахъ, въ дѣйствіяхъ участковыхъ, въ сборахъ милиціи по надобности и т. п.

Сообщ. **А. П. Берже.**

3

Ягайлы). Всѣ эти лица, за исключеніемъ Николаевскаго, — западно-руссы, изслѣдующіе судьбы своей родины. Такая школа и такая систематическая разработка исторіи извѣстной части Россіи заслуживаютъ полнаго подражанія со стороны ученыхъ вождей нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммиссіею. Архивъ главнаго управленія Намѣстника Кавказскаго, т. V, изд. подъ ред. предсѣд. коммиссіи Ад. Берже. Тифлисъ, 1873 г., въ б. листъ, стр. VIII и 1167.

Мы уже имѣли случай дать отзывъ о первыхъ четырехъ томахъ этого монументальнаго изданія. (Библіогр. лист. въ VII кн. «Р. Ст.» 1872 г.). Нынѣ предъ нами пятый томъ, которымъ и завершается драгоцѣнное собраніе матеріаловъ, относящихся къ первому періоду владычества русскихъ на Кавказѣ, т. е., до вступленія въ его управленіе Ермолова. Собственно V-й томъ обнимаетъ время съ сентября 1811 г. по исходъ 1816 г. Ближайшими предшественниками Ермолова были: маркизъ Паулуччи—управлявшій Закавказьемъ, и генералъ Ртищевъ — вѣдавшій Кавказскую линію и Астраханскую губер.; впрочемъ, съ марта 1812 г. власть сосредоточена въ лицѣ одного Ртищева, а Паулуччи отозванъ. Пятилѣтній періодъ командованія Ртищева, какъ видно изъ обстоятельнаго обзора, предпосланнаго настоящему тому актовъ, и составленному его редакторомъ, — былъ весьма знаменателенъ въ исторіи Кавказа. Таковы для его гражданской жизни были: введеніе въ обращеніе ассигнацій, учрежденіе въ Тифлисѣ Грузино-Имеретинской св. Синода Конторы—иначе сказать, введеніе хотя нѣкотораго благоустройства въ духовной части въ Грузіи, отличавшейся до того полнѣйшимъ безурядьемъ, устройство горнаго дѣла на Кавказѣ и проч. Что же касается до военной исторіи, то пятилѣтіе—1812—1816 гг. прославлено блестящими побѣдами одного изъ любимѣйшихъ героевъ Кавказа, генерала Котляревскаго надъ персіянами. Побѣды эти широко раздвинули владѣнія Россіи за Кавказомъ, такъ какъ по Гюлистанскому трактату, 12-го октября 1813 г., восемь обширныхъ ханствъ навсегда присоединены къ Россіи.

При такой многознаменательности въ исторіи Кавказа событій 1812—1816 гг., совершенныхъ средствами изумительно ничтожными, понятно, какую громадную важность получаетъ нынѣ изданный Тифлисскою Археографическою Коммиссіею собраніе правительственныхъ и иныхъ документовъ; они вполнѣ вводятъ изслѣдователя въ самый кругъ этихъ событій и ярко обрисовываютъ начало и весь ходъ оныхъ, причемъ документы, до «гражданской части» относящіеся, вполнѣ рисуютъ внутреннюю жизнь Кавказа и весь ея складъ наканунѣ, такъ сказать, пріѣзда Ермолова.

Порядокъ расположенія актовъ, по своей строгой систематичности, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ приложеніяхъ помѣщено нѣсколько записокъ 1807—1816 гг.: о Персіи, Грузіи, Азіятской Турціи, мысли объ экспедиціи въ Индію (1807 г.), родосл. табл. ханскихъ домовъ, и обширное изслѣдов. г. Бакарадзе: «Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства». Этотъ трудъ полезенъ не только для справокъ при изданіи Кавказскихъ актовъ, но онъ заслуживалъ бы отдѣльнаго изданія, какъ путеводитель по древнимъ памятникамъ этого края; для этой цѣли его пришлось бы расположить не въ азбучномъ порядкѣ, а въ порядкѣ путей.

КъV-му т. актовъ приложено два плана и четыре портрета: Паулуччи, Ртищева, Котляревскаго и царевича Александра, сына Ираклія. Внѣшность всего изданія «Актовъ Кавказской Коммиссіи» не только превосходна, но весьма роскошна: бумага, шрифтъ, виньетки, заставки,—все это дѣлаетъ большую честь высшему управленію Кавказа, которое не щадитъ средствъ на то, чтобы это изданіе, долженствующее лечь краеугольнымъ камнемъ исторіи Кавказа, было бы во всѣхъ отношеніяхъ достойно своей цѣли; что же касается до худож. литографіи Томсона въ Тифлисѣ, въ которой выполнены заглавные листы и портреты, то чистотѣ и изяществу ея работъ (литогр. Дюстердикъ) могутъ позавидовать лучшія литографіи Петербурга.

Catalogue de la collection des medailles et monnaies polonaises du comte Emeric Hutten-Czapski. Vol. II. Спб., 1872, 4°, 6 нен., XVII и 546 стр. (съ 22 табл. снимковъ).

Еще въ сентябрѣ 1871 года мы привѣтствовали первый томъ этого прекраснаго изданія и тогда же ознакомили съ этимъ важнымъ для нумизматики предпріятіемъ графа Э. К. Гуттенъ-Чапскаго. Теперь вышелъ второй томъ. Онъ открывается указателемъ именъ собственныхъ, встрѣчающихся въ двухъ томахъ «Каталога»; затѣмъ слѣдуетъ описаніе медалей и монетъ Августа II (съ 1697 года), Варшавскаго герцогства (1807—1815), Царства Польскаго подъ русскимъ владычествомъ (съ 1815 года), польской эмиграціи 1831 года и послѣдняго возстанія; медали и жетоны, выбитыя для разныхъ лицъ и расположены въ алфавитномъ порядкѣ; церковныя медали; бумажныя деньги; иностранныя монеты и медали, имѣющія отношеніе къ исторіи Польши и ея городовъ; масонскіе знаки польскихъ ложъ и, наконецъ, дополненіе. Кромѣ всего этого, во второмъ томѣ «Каталога» помѣщена весьма интересная статья графа Гуттенъ-Чапскаго о поддѣлкахъ медалей и монетъ.

ПОДПИСКА

НА

„РУССКУЮ СТАРИНУ"

1874 г., пятый годъ изданія.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, три большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** —въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч., въ д. Трута, кв. № 12.**

Въ «РУССКОИ СТАРИНѢ» будутъ, между прочимъ, напечатаны:

Записки (мемуары) и воспоминанія: М. А. Бестужева; Н. В. Веригина (1815—1826 гг.); С. Н. Глинки (1797—1830 гг.); И. И. Горбачевскаго (политич. общества, 1815—1826 гг.); атамана Денисова; полков. Замятнина и генер. Лишина (о польск. войнѣ 1831 г.); И. С. Жиркевича (1795—1836 гг.); путешествіе квакера въ Россію (1818 г.); дневникъ В. К. Кюхельбекера (часть первая: дневникъ узника, часть вторая: дневникъ ссыльнаго, 1831—1845 гг.); дневникъ цензора А. И. Красовскаго; Лагарпа (записки о воспит. вел. кн.); Н. Г. Левшина (1788 — 1804 гг.); С. И. Маевскаго (1825—1826 гг.: аракчеевщина); артистки импер. москов. театровъ Л. П. Никулиной-Косицкой; К. Ѳ. Опочинина (революція въ Варшавѣ 1830 г.); Т. П. Пассекъ (1829 — 1840 гг.); И. Н. Скобелева (1808 — 1815 гг); Сулокадзева (1825 г.); А. Н. Струговщикова (воспоминанія о средѣ, въ которой жилъ и трудился композиторъ М. И. Глинка (1837—1841 гг.); акад. жив. Ступина; В. И. Фелькнера (путешествіе въ Стокгольмъ, въ свитѣ императора Николая I); кн. Шаховскаго; А. Ѳ. Ушакова (о мятежѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г.) и друг.

Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній: Н. И. Бахтина, декабр. Бестужевыхъ, М. Ѳ. Бороздина, Ѳ. В. Булгарина, акад. Витберга; свѣтл. кн. Волконскаго; Демидовыхъ (XVIII в.); кн. М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго; Кюхельбекера; кн. Куракиныхъ; Ѳ. К. Опочинина; переписка гр. Панинымъ (XVIII ст.); собр. матер. къ исторіи пугачевщины А. Г. Пупарева; кн. Г. А. Потемкина; быв. попеч. петерб. учебн. округа Д. П. Рунича; писателя С. Русова; бар. М. Н. Сердобина; гр. Стакельберга (XVIII в.); кн. Италійскаго гр. Суворова-Рымникскаго; М. М. Философова; А. С. Хвостова; А. С. Шишкова; кн. М. М. Щербатова; собраніе секретно вскрытыхъ писемъ 1790 - 1794 гг., и проч.

Къ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка и матеріалы для біографій: К. Н. Батюшкова, Н. А. и А. А. Бестужевыхъ; В. Г. Бѣлинскаго (письмо къ родствен.); акад. жив. Венеціанова; Ф. Ф. Вигеля; А. И. Герцена; М. И. Глинки; Т. Н. Грановскаго; А. С. Грибоѣдова; В. И. Даля; И. И. Дмитріева; В. Н. Каразина (письма и статьи); И. П. Кулибина; Кюхельбекера поэма: «Вѣчный жидъ»; И. И. Лажечникова; Лунина; Нелединскаго-Мелецкаго; А. С. Пушкина; А. Радищева; К. Ѳ. Рылѣева; гр. Н. П. Румянцова; библіографа Сопикова; С. С. Уварова; А. С. Хомякова; Т. Г. Шевченко; С. П. Шевырева; Н. М. Языкова и др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины" принимаетъ постоянное участіе **М. И. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**